ПРАВО

ПРАВОСЛАВНОЙ ГРЕКОВОСТОЧНОЙ РУССКОЙ

ЦЕРКВИ

КАКЪ ПРЕДМЕТЪ

СПЕЦІАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Николая Заозерскаго

Доцента каноническаго права при Московской Духовной Академіи.

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова. Б. Чернышевскій п., д. Пустошкина,
противъ Англійской церкви.

1888.

Печатать дозволяется. Московская Духовная Академія, 20 Іюня 1888 года.

Ректоръ Академіи Епископъ *Христоборъ*.

Право Грековосточной Православной Русской Церкви какъ предметъ спеціальной юридической науки.

Предлагаемое сочиненіе имѣетъ своею задачею съ возможною полнотою и обстоятельностію выяснить основанія, по которымъ научныя изслѣдованія о правѣ Русской Церкви должны быть выдѣлены изъ общаго цикла юридическихъ наукъ въ совершенно самостоятельную науку.

Чѣмъ же вызывается таковая задача? Развѣ кто нибудь отрицаетъ, что право Русской Церкви можетъ быть предметомъ спеціальной и самостоятельной науки? — Въ отвѣтъ на это нужно сказать, что если это право у него и не оспоривается прямо, то высказывается нѣчто гораздо худшее, высказывается крайне высокомѣрное къ нему отношеніе, такое, что у него отрицается какая бы то ни было самобытность, оригинальность, индивидуальность; высказывается, что оно есть нѣчто недоразвившееся, не опредѣлившееся; что оно отчасти есть слабое подражаніе византизму, давно уже окостенѣвшему, такъ сказать, въ среднемъ моментѣ своего развитія,

отчасти безсистемное сочетаніе случайно создаваемыхъ произволомъ свѣтской государственной власти положеній и институтовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ чисто церковнымъ задачамъ и никакого каноническаго характера. Въ силу перваго изъ этихъ основаній, не только русское каноническое право, но и самая основа, и прототипъ, и оригиналъ его—греческое каноническое право, заслуживаетъ де лишь краткой отмѣтки въ изслѣдованіяхъ о каноническомъ правѣ западной церкви, въ той мѣрѣ, какъ таковой отмѣтки заслуживаетъ всякое ненормальное уклоненіе схизматичествующихъ обществъ отъ чистаго и многоводнаго источника правды и истины католической церкви. Эта идея весьма послѣдовательно и наглядно проводится у стараго ученаго канониста западной церкви *Ф. Вальтера* въ его: Lehrbuch des Kirchenrechts aller christl. Confessionen. Bonn. 1822—1856. Не отказался отъ проведенія этой идеи и новѣйшій канонистъ *Ф. Веринг*ъ въ своемъ: Lehrbuch des catolischen, orientalischen und protestantischen Kirchenrechts. 1881. Въ силу втораго изъ указанныхъ основаній все право Русской Церкви, въ особенности *дѣйствующее*, должно входить лишь какъ часть матеріала въ общее государственное русское право, какъ истекающее изъ одного источника, изъ котораго проистекаетъ все русское право и законодательство

Есть ли въ самомъ дѣлѣ въ существѣ права Русской Церкви какія либо характеристическія свойства, а въ историческомъ его развитіи моменты такой глубой важности, чтобы оно было достойно самостоятельнаго изученія, какъ самоцѣль, какъ объектъ самодовлѣющій? — Вопросъ сей оказывается совсѣмъ неизлишнимъ и непраздным.

Еще болѣе важное побужденіе прямо поставить его и разрѣшить именно въ положительномъ смыслѣ

представляется въ достаточной распространенности и довольно сочувственномъ пріемѣ, оказываемыхъ настоящимъ вѣкомъ той политической и юридической доктринѣ, по которой единственнымъ источникомъ права служитъ только государство, что церковное право есть не право, а что то совсѣмъ иное — нѣчто такое, что́ должно, выбравшись изъ области юриспруденціи, куда оно попало по недоразумѣнію отцовъ и дѣдовъ и прадѣдовъ нашихъ, найти себѣ мѣсто или въ нравственномъ богословіи, или въ наукѣ объ общественномъ и политическомъ благоустройствѣ, или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Въ какой мѣрѣ законны притязанія этой докрины? Имѣетъ церковь въ существѣ своемъ и въ своемъ прошломъ насущную потребность и силу создавать и твердо охранять свое собственное право, или же она должна отказаться отъ сего и подчиниться всецѣло регламентаціи государственной власти и отдать себя всецѣло въ руки служительницы ея государственной науки, проповѣдующей вышеозначенную доктрину?

По симъ побужденіямъ рѣшаемся предложить читателю свои разсужденія, изслѣдованія и соображенія, клонящіяся къ уясненію и рѣшенію сего вопроса Ихъ направимъ къ достиженію намѣченной цѣли путемъ довольно длиннымъ и окольнымъ. Сначала поведемъ рѣчь о правѣ вообще, затѣмъ о церковномъ правѣ вообще; далѣе представимъ краткій историческій очеркъ взаимоотношеній, въ какія становились церковь и государство именно по вопросу о власти той и другого издавать и охранять собственныя правоопредѣленія въ сферѣ ихъ вѣдѣнія, потомъ о специфическихъ свойствахъ права Русской Церкви и, наконецъ, о задачахъ и цѣли научнаго изложенія русскаго церковнаго права.

§ 1.

О правѣ.

Анализъ понятія «право». Происхожденіе и глубочайшее основаніе и источникъ права. Право и нравственность. Классификація видовъ права. Право публичное и частное съ ихъ подвидами.

Что есть право? При величайшемъ разнообразіи, какое господствуетъ въ опредѣленіяхъ понятія права, даваемыхъ юридическою наукою, всѣ они сходятся однакоже въ нѣкоторыхъ главныхъ существенныхъ признакахъ его. Такъ прежде всего всѣ они предполагаютъ какъ необходимую почву, на которой выростаетъ и развивается право, соціальную жизнь, общество человѣческое. Право есть явленіе и въ то же время необходимое условіе, постулятъ общежитія, общественной жизни. Жизнь общественная состоитъ въ непрерывномъ взаимоотношеніи отдѣльныхъ лицъ, между ними возникающемъ вслѣдствіе того и по мѣрѣ того, какъ каждое изъ нихъ проявляетъ себя во внѣшней дѣятельности. Каждое дѣйствіе одного необходимо вызываетъ на такое или иное отношеніе къ нему со стороны другого, въ крайнемъ случаѣ этотъ другой отвѣчаетъ, относится совершенно апатично къ дѣйствію перваго: онъ только не препятствуетъ совершаться дѣйствію. Въ жизни общества, болѣе или менѣе многочисленнаго, даже и столь простое, совершенно отрицательное отношеніе одного къ другому, необходимо предполагаетъ господство общепризнанныхъ правилъ, соблюденіе которыхъ гарантировано тѣми или другими средствами. Безъ господства таковыхъ правилъ не мыслима возможность одному поставить къ себѣ другого въ такое отношеніе, чтобы онъ по крайней мѣрѣ не мѣшалъ дѣй-

ствовать. Тѣмъ болѣе это нужно сказать объ отношеніяхъ взаимной помощи, дѣйствіяхъ сообща, мѣнѣ или временномъ одолженіи вещами, или же объ отношеніяхъ вражды и противодѣйствія. Безъ господства общепризнанныхъ и гарантированныхъ правилъ, общество весьма скоро погибло бы отъ безпорядочныхъ столкновеній, вражды, помѣхи одного другому между своими отдѣльными членами. Правила общепризнанныя и гарантированныя, господствующія въ данномъ обществѣ, и составляютъ право этого общества. Такъ какъ они своею совокупностію обнимаютъ собою тотъ порядокъ, который существуетъ среди общества и господствуетъ въ немъ при всевозможныхъ отношеніяхъ, въ какія вступаютъ между собою отдѣльные члены его, и въ этомъ ихъ существенное назначеніе: то право опредѣляютъ иногда прямо какъ «совокупность нормъ, которыми устрояется внѣшній порядокъ жизни людей въ извѣстномъ обществѣ живущихъ» [1]).

Если затѣмъ обратить вниманіе на то дѣйствіе, какое право производитъ на отдѣльныя лица, предписывая имъ извѣстный порядокъ и условія дѣятельности: то не трудно видѣть, что это дѣйствіе состоитъ съ одной стороны въ ограниченіи ихъ воли, въ ея опредѣленіи къ той или другой дѣятельности, или проявленію ея во внѣ, съ другой — въ обезпеченіи свободы ея обнаруженій въ опредѣленной сферѣ, такъ что съ субъективной стороны разсматриваемое право можетъ быть опредѣляемо какъ объективное опредѣленіе свободы лица Задачею объективнаго права въ такомъ случаѣ будетъ служить охраненіе и обезпеченіе такого порядка въ обществѣ, при которомъ

---

[1]) Scherer, Handbuch d. Kirchenrechtes. § 1. Gratz. 1885. B. 1.

каждый, дѣйствуя соотвѣтственно своему призванію, назначенію и интересамъ, и пользуясь для этого необходимою ему свободою, въ то же время не стѣснялъ бы чрезъ это и свободныхъ дѣйствій каждаго другаго, короче, такъ, чтобы одинъ въ отношеніяхъ къ другому сохранялъ отношеніе лица къ лицу. Если, наконецъ, обратить вниманіе на самыя элементарныя отношенія, изъ которыхъ слагается и къ которымъ въ концѣ концовъ сводится все содержаніе взаимопомощи и взаимоотношеній человѣка, какъ соціальной единицы къ другому, какъ такой же единицѣ: то такими элементарными отношеніями окажутся или стремленіе одного, что либо другому отдать, или наоборотъ, что либо получить отъ него, или при его содѣйствіи овладѣть какою либо вещью (въ обширномъ смыслѣ этого слова). Весь и всякій интересъ человѣка къ общежитію сводится въ концѣ концовъ къ этимъ элементарнымъ отношеніямъ: безъ нихъ, особенно безъ втораго изъ нихъ, нѣтъ въ общежитіи никакой нужды. Отсюда объективное право опредѣляютъ какъ «такой въ родѣ человѣческомъ Богомъ установленный порядокъ, по которому каждый можетъ получать и удерживать за собою необходимыя и полезныя ему блага, не нарушая, однакоже, свободы прочихъ» (Эхнеръ). А право объективное въ силу этого можно опредѣлить какъ притязаніе лица на вещь, какъ ему исключительно и необходимо принадлежащую, основанное на этомъ объективномъ правѣ, или имъ признанное (Гудсмитъ, курсъ пандектовъ § 17).

Таково отношеніе права къ частной дѣятельности отдѣльныхъ людей, по естественнымъ законамъ призванныхъ жить соціально, общественными единицами. Отношеніе характера нѣсколько пассивнаго; оно печется, озабочивается интересомъ частныхъ лицъ, оно

желаетъ, чтобы каждый человѣкъ, по мѣрѣ возможности, дарованной ему природою, вкусилъ того блага, которое составляетъ для него свобода, стремленіе проявить свою личность во внѣшнемъ мірѣ явленій. Этимъ однако же не ограничивается ни задача права, ни исчерпывается сущность его: точно такъ же какъ и сама общественная жизнь и частное назначеніе человѣка не исчерпывается удовлетвореніемъ только личнаго интереса. Такъ, уже достиженіе личныхъ интересовъ, осуществленіе задачъ личнаго назначенія каждымъ необходимо предполагаетъ способность каждаго поступаться нѣкоторою частью своихъ интересовъ для благосостоянія цѣлаго общества, болѣе или менѣе обширнаго въ количественномъ отношеніи. Такъ естественная связь и зависимость частнаго интереса отъ благосостоянія цѣлаго уже требуетъ, чтобы право — этотъ руководитель частной жизни, не ограничивалось только обезпеченіемъ частнаго интереса, но и руководило, наставляло, требовало, направляло дѣятельность частныхъ лицъ къ поддержанію цѣлаго. Въ этомъ качествѣ право, чрезъ особыхъ представителей своихъ, выступаетъ уже активно съ предъявленіемъ такихъ правилъ, нормъ дѣятельности, которыя клонятся не къ обезпеченію свободы частнаго лица, а къ тому, чтобы вызвать его на дѣятельность для достиженія общественнаго блага, выступаетъ съ предъявленіемъ положительныхъ указаній того, *что* оно должно дѣлать и запрещеній — не дѣлать чего-либо, или съ предписаніями, *какъ* дѣйствовать. Это активное отношеніе права еще болѣе возвышается въ своемъ значеніи оттого, что по высшимъ нравственнымъ законамъ не только отдѣльный человѣкъ призванъ осуществлять на землѣ свое частное назначеніе, но и отдѣльные союзы людей, и наконецъ все человѣчество. По вѣчнымъ законамъ Творца, Его воля

осуществляется на землѣ, какъ въ частности каждымъ человѣкомъ, такъ и большими или меньшими союзами, такъ и всѣмъ человѣчествомъ. Назначеніе права—въ томъ, чтобы такъ направлять жизнь и дѣятельность отдѣльныхъ людей, чтобы они, осуществляя каждый свое назначеніе, въ то же время осуществляли и высшее, общее всѣмъ имъ назначеніе. Посему наиболѣе полнымъ и глубокимъ мы признаемъ слѣдующее опредѣленіе понятія права: «*право есть органическое цѣлое условій, ограничивающихъ дѣятельность воли къ осуществленію общаго назначенія и въ немъ заключающихся частныхъ цѣлей жизни человѣка и человѣчества*» (Аренсъ).

Такова сущность права. Съ какихъ бы сторонъ мы ни усиливались и еще и еще разсматривать его, мы въ концѣ концевъ придемъ неизбѣжно къ убѣжденію, что гдѣ общество человѣческое, тамъ дѣйствуетъ непремѣнно и его «органическое цѣлое условій», заправляющее ходомъ жизни этого общества. Но вѣдь въ родѣ человѣческомъ общества возникаютъ, растутъ, прекращаютъ жизнь или бытіе свое; этому же закону подчинено и право. Естественъ посему вопросъ: откуда же человѣчество почерпаетъ законы своего соціальнаго бытія, откуда получаетъ свое право?

Исторія развитія человѣческаго рода свидѣтельствуетъ, что эти вопросы были рѣшаемы и рѣшаются и религіею, и философіею, и рѣшаются различно. Впрочемъ, что касается религіи, то она и естественная, и Богооткровенная—всегда и у всѣхъ народовъ рѣшала эти вопросы въ общемъ одинаково: по вѣрованію всѣхъ народовъ, право отъ Бога и подчиненіе ему—не только дѣло необходимости естественной, но и положительная заповѣдь Бога человѣку. Человѣкъ, какъ самою природою предназначенный быть соціаль-

нымъ существомъ, уже раждается съ непреодолимымъ стремленіемъ и задатками быть субъектомъ права и членомъ юридически установленнаго общества: «идея права, говоритъ Шереръ, есть какъ бы приданое природою данное человѣку, хотя съ нею и не должно смѣшивать опредѣленной формы правоваго порядка; насколько несомнѣнно существуетъ идея справедливости, настолько малоизвѣстно абстрактное «право въ себѣ.» [1]) Многія естественныя религіи возводятъ происхожденіе права, государственное устройство къ Богу, отчего жрецы и являются всюду въ древнѣйшія эпохи государственной жизни съ весьма важнымъ значеніемъ въ истолкованіи права и въ устройствѣ формъ государственной жизни. И откровенная религія оправдываетъ это всеобщее вѣрованіе. Книга Бытія право обладанія человѣкомъ землею и плодами ея возводитъ непосредственно къ Богу, въ извѣстной заповѣди Божіей первымъ людямъ: раститеся и множитеся и наполняйте землю и *обладайте* ею (Быт. I, 28). Столько же ясны изреченія и относительно устройства и управленія царствъ и народовъ. «*Владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ и ему же восхощетъ, дастъ е*» (Дан. IV, 22, 29). «*Мною царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду.*» (Притч. VIII, 15). Извѣстны классическія въ этомъ отношеніи мѣста Новаго Завѣта, въ особенности у Ап. Павла: «*нѣсть власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть.*» (Римл. 13, 1). «*Тѣмъ же потреба повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть сего бо ради и дани даете: служители бо Божіи суть во истое сіе пребывающе*» (Римл. XIII, 3—6).

Философія права въ рѣшеніи этихъ вопросовъ пред

---

[1]) Scherer l. c.

ставляетъ въ общемъ два направленія. Одно думаетъ отыскать основаніе права въ самомъ человѣкѣ, въ его разумѣ, въ способности человѣка подчинять свои дѣйствія извѣстнымъ ограниченіямъ въ интересахъ собственнаго же благополучія и, объявляя право, всякое общественное и государственное устройство, дѣломъ и результатомъ собственнаго, произвольнаго и намѣреннаго изобрѣтенія человѣческаго генія, стремится отыскать глубочайшее основаніе права въ требованіяхъ человѣческаго разума. По этой теоріи, право во всѣхъ его обнаруженіяхъ, по всѣмъ сторонамъ общественной жизни, возникаетъ путемъ договора: даже весь государственный организмъ съ отношеніями въ немъ господства и послушанія есть результатъ такого общаго или общественнаго договора. Наиболѣе видными представителями этого направленія *субъективистовъ* могутъ быть указаны: Ж. Ж. Руссо, Локкъ, Бентамъ, Кантъ, Фихте, Гегель и въ настоящее время Р. Іерингъ. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этой теоріи, замѣтимъ только слѣдующій ея недостатокъ: полагая начало правоваго устройства человѣческихъ обществъ дѣломъ намѣреннаго и сознательнаго разсчета отдѣльныхъ лицъ, она, очевидно, предполагаетъ предшествовавшее правовому устройству состояніе человѣчества въ высшей степени цвѣтущимъ, уже благоустроеннымъ настолько, что отдѣльныя личности его въ состояніи разсуждать, условливаться и выполнять на дѣлѣ условленныя рѣшенія относительно взаимныхъ между собою отношеній. Только при такомъ состояніи общества мыслимо изобрѣтеніе тѣхъ правовыхъ формъ, которыя извѣстны подъ именемъ договоровъ. Теорія, поэтому, не рѣшаетъ вопроса, какъ достигло человѣчество самаго первоначальнаго устройства общественнаго. Во всякомъ случаѣ исторически никакъ нельзя доказать,

чтобы такимъ искусственнымъ, преднамѣреннымъ со стороны отдѣльныхъ лицъ путемъ созидались государства. Историческая жизнь человѣчества начинается уже съ образованія общественной жизни: но какъ совершился этотъ процессъ образованія —остается неизвѣстнымъ.

Этотъ недостатокъ теоріи (въ полномъ видѣ изложенной Руссо) думалъ восполнить въ новѣйшее время Р. Іерингъ. Въ своемъ изслѣдованіи «Духъ римскаго права на разныхъ ступеняхъ его развитія», онъ проводитъ, опираясь на данныя первичной эпохи римской исторіи, мысль, что первоначальнымъ движителемъ правоваго образованія служитъ борьба сознающей себя личности за свое признаніе со стороны постоянно гнетущаго ее деспотизма грубой силы. По мѣрѣ успѣховъ въ этой борьбѣ сознающей себя личности, подавляющая ее сила деспотизма, въ собственныхъ интересахъ своего господства, дѣлаетъ уступки ей: побѣдитель договаривается съ побѣжденнымъ на условіяхъ взаимно и относительно выгодныхъ поддерживать относительно миролюбивыя отношенія. Путемъ долгой борьбы устанавливаются права собственности, единственной гарантіей которыхъ на первыхъ порахъ служитъ собственная сила обладателя. его собственная расправа съ обидчикомъ—самоуправство. Все развитіе права, весь прогрессъ его состоитъ въ развитіи политики силы, и на верхней ступени своего развитія право остается лишь системой цѣлей общества, обезпеченныхъ отъ частнаго произвола путемъ принужденія. Право есть обоюдо-обязательная сила закона, самоподчиненіе государственной власти ею самой изданнымъ *повелѣніямъ*. Эгоизмъ налагаетъ на силу узы права». Какъ «политика силы», право становится самоограниченіемъ могущественнаго, который сдерживается въ подавленіи другихъ людей однимъ

лишь опасеніемъ, чтобы ожесточеніе съ ихъ стороны не вызвало такого противодѣйствія, справиться съ которымъ будетъ если не невозможно, то весьма трудно. Право есть созданіе міра реальнаго, есть проявленіе силы, не безпорядочной, но вносящей въ міръ вмѣстѣ съ собою также и чувство права. Въ силѣ, сдерживающей себя для собственной выгоды, кроется право.»

Этотъ мрачный взглядъ на право и на источникъ его происхожденія несостоятеленъ и ложенъ въ самомъ основаніи своемъ. Сужденія въ родѣ такихъ, какъ «право есть политика силы», «есть проявленіе силы, вносящей чувство права» суть противорѣчія in adjecto. Побѣда сильнаго надъ слабымъ сама по себѣ есть только преобладаніе и въ сущности прямое нарушеніе права слабѣйшаго, есть прямо несправедливость. Продиктованныя политикою силы правила будутъ ли признаны правомъ со стороны слабыхъ, для которыхъ они односторонне продиктованы? Не сила создаетъ право, а наоборотъ чувство права ограничиваетъ силу, оно одно въ состояніи образовать комплотъ съ цѣлію противодѣйствія силѣ и оказанія защиты слабому, который также есть членъ общества. Недалеко ушло бы и человѣческое общежитіе, если-бы оно держалось только правилами, обезпеченными путемъ физическаго принужденія.

Этотъ недостатокъ теоріи Іеринга скоро былъ замѣченъ и поставленъ ему на видъ двумя оппонентами: Даномъ (Vernunft im Recht) и Гономъ (Thon, Rechts begriff въ Zeitsschrift für das privat und offentliche Recht VII, 2), изъ коихъ первый заставилъ Іеринга согласиться, что сила безсильна создать право, его творитъ разумъ, пригибая эгоизмъ къ взаимному признанію интересовъ, къ взаимному уваженію личности. Разумъ обращаетъ силу въ орудіе защиты устано-

вившагося замиреннаго порядка отношеній между людьми. И порабощенная сила никогда не признаетъ вынужденнаго у ней порядка правомъ. Тамъ, гдѣ мы видимъ одно только столкновеніе силы и ловкости, нѣтъ еще права: здѣсь волнуется еще открытая борьба, гдѣ стремятся уклониться отъ грозящаго удара, чтобы обратиться въ свою очередь на противника. Только въ замиреніи явной борьбы или глухаго недовольства зарождается право. Успокоеніе даетъ не сила, но разумъ.

Противъ положенія Іеринга, что право есть система цѣлей общества, обезпеченныхъ путемъ принужденія, сдѣлалъ весьма основательное возраженіе *А. Тонъ*. Вопреки Іерингу онъ утверждаетъ, что право не нуждается въ принужденіи, право есть воля общества, опредѣляющая порядокъ дѣйствія его членовъ; оно направляетъ и обусловливаетъ ихъ дѣятельность, сохраняя до тѣхъ поръ значеніе права, пока члены общества считаютъ необходимымъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ его указаніями. Оно состоитъ не изъ повелѣній, но изъ положеній, правилъ, дѣйствующихъ относительно отдѣльныхъ лицъ, какъ мотивъ, основаніе ихъ поступковъ. Recht ist motivication: es hört auf Recht zu sein, wenn es nicht mehr als Motivwirkt (право есть побужденіе (мотивированіе); оно перестаетъ быть правомъ, когда не можетъ стать мотивомъ для дѣятельности). Когда напр. право выражается въ условной формѣ: если непріятель приблизится—стрѣляй, то здѣсь подразумѣвается не приказаніе стрѣлять, но указаніе на то, какъ слѣдуетъ поступить. Рядомъ съ правилами права, исполненіе которыхъ обезпечено принудительными мѣрами, живутъ и дѣйствуютъ правила, соблюденіе которыхъ опирается исключительно на признаніе ихъ необходимости. Одно имѣетъ значеніе права обезпеченнаго

принужденіемъ, другое есть право *озабоченное*, если позволено такъ выразиться для передачи термина verkummertes Recht. Когда мнѣніе о томъ, что общество разсчитываетъ на извѣстный образъ дѣйствія, достигнетъ такой силы и значенія, что подобный образъ дѣйствія обществомъ требуется какъ должное, когда далѣе такое мнѣніе превратится въ мотивъ, которымъ руководствуются въ дѣятельности, то пришедшее сюда сознаніе необходимости (opinio necessitatis) превращаетъ обычай въ обычное право. Право отдѣльнаго общества есть все то, что признается и соблюдается какъ его воля и не имѣетъ никакого значенія—будетъ ли здѣсь находиться принудительный аппаратъ (Zwangsapparat) для укрѣпленія этой воли» [1]).

Нельзя, конечно, не согласиться съ тѣмъ, что въ историческомъ развитіи народовъ и государствъ имѣютъ мѣсто и „политика силы“ и opinio necessitatis, какъ факторы правоваго строя той или другой формы. Но если справедливо, что одна сила не въ состояніи установить права, то не менѣе справедливо, что и одно сознаніе необходимости извѣстнаго праэила еще безсильно для того, чтобы реализировалось что правило. При томъ же сознаніе необходимости извѣстнаго правоваго порядка далеко не всегда присуще всѣмъ членамъ общества; напротивъ, дѣйствіе права весьма часто наиболѣе обнаруживается въ той средѣ, гдѣ нѣтъ еще яснаго сознанія этой разумности, но гдѣ мотивомъ служитъ только *чувство права*, т.-е. непреодолимое, какъ бы инстинктивное влеченіе къ исполненію правилъ, или гдѣ кореннымъ мотивомъ служитъ подчиненіе и послушаніе Божеству. Здѣсь заключается весьма сильное основаніе искать перво-

[1]) «Вѣстн. Юридич. Лит.» кн. 23 1880, стр. XIV—XXI.

начальный источникъ права не въ разумѣ или другихъ способностяхъ человѣка и человѣчества, но внѣ его—въ Богѣ, вложившемъ въ духъ человѣка идею соціальнаго строя, которая обнаруживается то какъ этотъ инстинктъ или чувство права, то познается и сознается какъ требованіе разума — словомъ, здѣсь основаніе развитія другаго направленія въ философіи права направленія *объективистовъ*. Важнѣйшими представителями его почитаются: Боркъ, Де-Местръ, такъ называемая Историческая школа съ представителями Савиньи и Пухтою, и Шталь.

«Право есть божественный порядокъ, говоритъ Пухта, данный человѣку и воспринятый его сознаніемъ. Юридическія (правовыя) положенія рождаются въ сознаніи человѣка, но какимъ путемъ они достигаютъ общечеловѣческаго сознанія? Въ отвѣтъ можно выдвинуть то же самое различіе, какое допускаютъ для религіи, ибо и самое право для людей, для которыхъ еще не чуждо познаніе его происхожденія, есть *часть религіи*. Право достигаетъ человѣческаго сознанія частію сверхъестественнымъ путемъ, путемъ откровенія—наши священныя книги приписываютъ первоначальное выраженіе права Богу,—частію естественнымъ путемъ, путемъ прирожденныхъ человѣческому духу разума и влеченія“ [1]). Какъ право, такъ и государство въ его первоначальномъ происхожденіи есть нѣчто данное Богомъ, верховная власть и повиновеніе ей установлены Богомъ: не измышленіе человѣка изобрѣло все это. Но съ другой стороны образованіе и развитіе государствъ и ихъ конституціи предоставлены Творцомъ разуму человѣка, его волѣ и свободѣ. Эта воля, образующая государство, не есть

---

[1]) «Энциклоп. Права», стр. 22: auf dem naturlichen Weg eines... *Sinnes* und Triebs S. 23.

единичная воля; она никогда не была бы въ состояніи образовать такое органическое цѣлое, какъ государство, и никогда такимъ образомъ государство не возникало. Только воля народа, воля людей, какъ членовъ этого союза, есть *естественный источникъ* государства и его конституціи; народный духъ вызываетъ государство, какъ и право, ибо онъ соединяетъ членовъ народа въ этой волѣ, въ этомъ желаніи подчиниться верховной власти, какъ органу права [1]). Посему *начало* права лежитъ внѣ государства въ двухъ отношеніяхъ: какъ истекающее непосредственно отъ Бога путемъ откровенія или заповѣдей Божіихъ и какъ исходящее путемъ національной воли... Государство *предполагаетъ* право, но въ свою очередь служитъ необходимымъ восполненіемъ послѣдняго; они оба имѣютъ сверхъестественное и естественное происхожденіе, они основываются на божественномъ порядкѣ и волѣ человѣка, какъ члена націи" [2]).

Вотъ два радикально различныя воззрѣнія на источникъ положительнаго права!

Отклоняя отъ себя задачу подробно изслѣдовать поставленный вопросъ, мы почитаемъ достаточнымъ ограничиться слѣдующимъ замѣчаніемъ. Философы первой категоріи не исчерпываютъ вопроса о *глубочайшемъ основаніи* права; они не идутъ далѣе того, что открываетъ уже историческая жизнь человѣчества: они почитаютъ первыми движителями права, каковы разумъ, стремленіе личности къ свободѣ и къ признанію себя, внутреннее влеченіе къ соціальному благоустройству и т. п., собственно тѣ *средства* въ человѣческой природѣ, которыми раскрывается во внѣ, осуществляется идея права или справедливости. Но

---

1) Тамъ же, стр. 26.
2) Тамъ же, стр. 27.

самая эта идея, этотъ первоначальный и непрерывно дѣйствующій движитель, вызывающій къ дѣятельности вышеозначенныя средства, не человѣкомъ создается, а уже готовымъ вложенъ въ существо человѣка, есть именно приданое человѣческой природы, данное ей Творцомъ. Посему и естественными путями созидаемый общественный строй и право его регулирующее въ глубочайшемъ своемъ основаніи имѣетъ внѣ человѣка лежащую силу, именно Бога, дарующаго не только жизнь человѣку и человѣчеству, но и вложившаго въ него непредолимое стремленіе жить именно по законамъ общежитія.

Весьма обширное по объему понятіе права естественно допускаетъ и весьма обширное подраздѣленіе на виды и подвиды. Чтобы не впасть въ опасность затеряться въ этихъ подраздѣленіяхъ, а также и успѣшно оріентироваться въ указаніи важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ родовъ и видовъ его, мы должны прежде всего выдѣлить изъ понятія права цѣлую довольно обширную область духовной человѣческой жизни и дѣятельности, управляемую тѣми внутренне и субъективно сознаваемыми нормами, которыя нерѣдко называются нравственнымъ правомъ, нравственнымъ закономъ, или, короче, нравственностью, моралью. По существу и по формѣ своей онѣ настолько различны отъ тѣхъ нормъ, которыя по преимуществу называются и мыслятся подъ именемъ *права*, что ихъ часто противополагаютъ однѣ другимъ и разсматриваютъ право и мораль какъ совершенно различныя понятія.

И дѣйствительно, между ними нетрудно указать даже внѣшніе признаки, рѣзко ихъ различающіе Такъ, право имѣетъ своимъ предметомъ дѣятельности человѣка, проявившуюся во внѣ: внутренняя жизнь и дѣятельность человѣка, его мысли, намѣренія, жела

нія не подлежатъ правовымъ нормамъ и правовой оцѣнкѣ: de internis non judicat praetor; Gedanken sind zollfrei (мысли безпошлинны, т. е. всякъ мыслитъ, что хочетъ), напротивъ область нравственности — по преимуществу эта внутренняя сфера человѣческой жизни. Но это не исключаетъ однакоже изъ сферы нравственности и область внѣшнихъ дѣйствій. Свои и дѣйствія другихъ человѣкъ прежде всего судитъ съ точки зрѣнія нравственной. Слѣдов., область нравственности только шире области права. Болѣе ясное различіе между нравственностью и правомъ представляетъ источникъ, или основаніе для нормъ, или правилъ, почитаемыхъ нормами или правилами нравственности, и нормами или правилами права. Источникомъ и основаніемъ первыхъ служитъ тотъ внутренній законъ, который, по слову Апостола, *на сердцахъ написанъ*, неподкупный голосъ совѣсти; основаніемъ и источникомъ права служитъ всегда обще признанный авторитетъ, или общественная власть, выражающая право въ словѣ, т. е. въ законахъ, судебныхъ приговорахъ, административныхъ распоряженіяхъ, или же общесоблюдаемый обычай. Это различіе, по нашему мнѣнію, весьма характерное. Имъ вполнѣ объясняется то явленіе, что въ моральныхъ сужденіяхъ о дѣйствіяхъ человѣческихъ каждый считаетъ себя не только способнымъ быть самостоятельнымъ, но и считаетъ себя *компетентнымъ*: и это, конечно, потому, что судитъ по закону, написанному въ его сердцѣ и дѣйствующему съ непреодолимою силою, и потому, что этого закона внутренняго не чишенъ каждый человѣкъ. Между тѣмъ въ юридической оцѣнкѣ дѣйствій человѣческихъ только незначительная часть людей почитаетъ себя компетентною и охотно произноситъ свое сужденіе: здѣсь — дѣло спеціалистовъ, законовѣдовъ, и человѣкъ — не

спеціалистъ не только съ покойною совѣстію сознается въ невѣдѣніи этого закона и въ своей неспособности къ сужденіямъ такого рода, но и не охотно довѣряетъ въ способности къ нимъ другихъ, хвастливо выдающихъ себя за знатоковъ этого дѣла.

Довольно глубокое различеніе по существу между дѣйствіями моральными и юридическими высказалъ *Пухта* въ своихъ институціяхъ. По его взгляду и моральное, и юридическое дѣйствія исходятъ изъ одного общаго свойства человѣческой природы—*свободы*, способности человѣческой воли съ самоопредѣленію, къ рѣшенію на то или иное дѣйствіе. Но глубоко различно самое приложеніе, употребленіе свободы. Въ качествѣ свободнаго существа человѣкъ можетъ дѣлать выборъ изъ представляющихся ему различныхъ рѣшеній и осуществляетъ эту возможность во внѣ, въ своей дѣятельности; эта возможность есть право его. Какъ свое право, какъ власть и мощь—опредѣлять себя къ тому или иному рѣшенію, человѣкъ можетъ обнаруживать и въ отношеніи къ себѣ самому и въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ и къ вещамъ. Онъ можетъ поступать съ своею жизнью, съ своими способностями по своей свободѣ, онъ можетъ относиться къ ближнимъ своимъ и такъ, и иначе, онъ можетъ подчинять вещи своему господству и дѣлать изъ нихъ такое или иное употребленіе. Человѣку именно принадлежитъ такая власть, такая потенція: вопросъ теперь въ томъ только — какъ широко со внѣ предоставляется ему такая свобода; *право* и является съ одной стороны ограниченіемъ этой мощи, указывая, такъ сказать, районъ ея во внѣ, предѣлы ея, съ другой—обезпечивая своею гарантіею осуществленіе ея въ этомъ районѣ. Здѣсь нѣтъ и вопроса — хорошо или дурно, честно или недобросовѣстно употребляетъ свою мощь человѣкъ: возможно, что иной

человѣкъ распорядился бы своими способностями лучше, пользовался вещами разумнѣе, чѣмъ этотъ человѣкъ. Право не хочетъ этого знать; оно обезпечиваетъ и способность дурного употребленія этой мощью. Для него человѣкъ есть только субъектъ свободы, лицо, а дальнѣйшая *качественная* оцѣнка этой свободы— не его сфера. Такова *юридическая* свобода. Иное дѣло свобода нравственная. Здѣсь дѣло идетъ не вообще о примѣненіи свободы къ дѣятельности, а о примѣненіи ея въ извѣстномъ или опредѣленномъ направленіи, именно въ стремленіи человѣка быть добрымъ въ своихъ поступкахъ. Человѣкъ является здѣсь свободнымъ не потому, что самъ опредѣляетъ себя къ тому или иному рѣшенію, но потому, что рѣшилъ уже дѣйствовать согласно съ своимъ внутреннимъ закономъ, хочетъ быть добрымъ, и борется съ противоположнымъ стремленіемъ къ злу. Какъ бы успѣшна или малоуспѣшна ни была эта борьба—человѣкъ остается нравственно свободнымъ: зло преодолѣваетъ его, онъ малоуспѣваетъ въ стремленіи къ добру; силы его такъ слабы, а обстоятельства располагаются такъ невыгодно для борьбы, что онъ дѣлаетъ больше зла, чѣмъ добра, хотя бы и не хотѣлъ сего: тѣмъ не менѣе онъ нравственно свободенъ, ибо онъ и въ этомъ состояніи все таки борется съ зломъ, а не пассивно отдался ему, не сдѣлался рабомъ его. Только рабство грѣху, прекращеніе борьбы со зломъ для подчиненія послѣднему, дѣлаетъ человѣка нравственно несвободнымъ, злымъ, безнравственнымъ. Но каждое дѣйствіе человѣка нравственно свободнаго, т. е. находящагося въ этой непрестанной борьбѣ со зломъ, въ этой постоянной возможности выбора — идти ли наперекоръ злу, и быть добрымъ, или наоборотъ—поработать злу, под-

лежитъ качественно нравственной оцѣнкѣ и можетъ измѣняться въ своей цѣнности чрезвычайно разнообразно· можетъ быть въ высшей степени нравственно, когда для одолѣнія зла обнаруженъ высочайшій героизмъ—самопожертвованія; можетъ быть лишь едва вмѣнено въ заслугу, какъ совершившееся почти непроизвольно, почти безъ борьбы, благодаря исключительно внѣшнимъ условіямъ, благопріятно расположившимся, можетъ быть прямо осуждено какъ безнравственное, не обнаружившее со стороны человѣка никакого стремленія къ борьбѣ со зломъ, даже прямо злымъ — какъ обнаружившее намѣренное уклоненіе отъ противодѣйствія злу и положительное къ послѣднему стремленіе.

Понятно отсюда, что право и нравственность въ своихъ отношеніяхъ могутъ разнообразиться чрезвычайно: дѣйствіе законное или правильное юридически можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и добрымъ: человѣкъ воспользовался своею свободою, своимъ правомъ на добро, преодолѣвъ возможное для него злое употребленіе своей свободы; можетъ быть и злымъ,—когда напр. своею собственностью, какою либо вещью распорядился вопреки ея натуральному назначенію (напр. безцѣльное истребленіе собственникомъ полезныхъ животныхъ, или мученіе ихъ съ цѣлію наслажденія зрѣлищемъ ихъ страданій; таковы всѣ такъ называемые противоестественные пороки и самое злое изъ этого рода дѣяній—самоубійство).

Понятно отсюда, что область нравственности несравненно шире права: она можетъ проникать и въ самую область его; въ то же время понятно, что законъ нравственности совершеннѣе законовъ права, посему и одна изъ задачъ послѣдняго быть согласнѣе съ нравственностью, помогать ей и желаніе,

чтобы отдѣльные члены общества и въ сферѣ своей юридической свободы руководились нравственнымъ закономъ [1]).

Минуя эту область нравственныхъ законовъ и переходя въ область права, мы и здѣсь поражаемся тѣмъ великимъ разнообразіемъ сторонъ человѣческой жизни и дѣятельности, какое обнимаетъ оно. Безъ преувеличенія можно сказать, что нѣтъ отрасли человѣческой дѣятельности, въ которую не проникало бы право; оно слѣдитъ за человѣкомъ и разростается въ массѣ своихъ предписаній по мѣрѣ того какъ развивается и расширяется сфера человѣческой дѣятельности. Отсюда проистекаетъ и разнообразіе видовъ права.

Прежде всего право объективное различаетъ по предметамъ своихъ опредѣленій — два рода человѣческихъ отношеній: оно различаетъ въ нихъ отношенія *общественныя и частныя*. Какъ общественная единица, человѣкъ необходимо принадлежитъ къ извѣстной націи, къ извѣстному государству, къ извѣстной церкви или вѣроисповѣданію; въ качествѣ члена этихъ обществъ онъ долженъ находить себѣ въ объективномъ правѣ опредѣленіе, знать — что онъ такое въ этомъ цѣломъ, что онъ отъ него и чего оно отъ него можетъ и должно требовать и къ чему обязывать, какъ онъ долженъ относиться и въ частности къ каждому другому человѣку. какъ члену этихъ же союзовъ. Такъ открывается обширная сфера такъ называемаго общественнаго или *публичнаго* права. Въ отношеніи къ цѣлому его задача опредѣлить общую организацію или форму устройства общественнаго и организацію и отношенія разныхъ учрежденій, на-

[1]) Ср. Пухты Кур. Институцій стр. 9—11. § 4, 5.

значенныхъ къ достиженію общественнаго благополучія, и тѣхъ задачъ, которыя историческія судьбы этого общества и настоящее его положеніе въ ряду другихъ обществъ указываютъ ему. Нормы, выражающія это право, подраздѣляются на законы органическіе, изображающіе форму государственнаго устройства, законы объ учрежденіяхъ, законъ о службѣ государственной; затѣмъ, законы, опредѣляющіе разныя стороны государственнаго вѣдомства, каковы законы объ управленіи, опредѣляющіе форму и способъ изданія и публикаціи законодательства, въ тѣсномъ смыслѣ управленія или администраціи, надзора или полиціи, суда, государственныхъ имуществъ или финансовъ, законы военные, народнаго образованія и религіозныхъ исповѣданій и статуты, опредѣляющіе положеніе въ государствѣ и внутреннее устройство разныхъ порпорацій и коллегіальныхъ учрежденій, вѣдующихъ ту или другую отрасль государственной службы. При широкомъ развитіи государственной жизни, при широкомъ развитіи цивилизаціи, экономическаго благосостоянія, общественнаго развитія и обширности территоріальной, и разнообразіи и численности этнографической, законы, опредѣляющіе каждую изъ вышеисчисленныхъ отраслей государственнаго устройства и службы, могутъ разсматриваться какъ особый видъ публичнаго права даннаго государства. Въ отношеніи къ отдѣльному члену общества задача публичнаго права — отвѣтить на вопросъ: что такое составляетъ онъ собою какъ общественная единица въ цѣломъ обществѣ, какія блага онъ можетъ отъ него получать чрезъ состояніе въ немъ, какія условія отъ него требуются, чтобы оставаться его членомъ, какія основанія государство почитаетъ достаточными, чтобы выдѣлить его изъ со-

става своихъ членовъ или подданныхъ [1]). Опредѣленіе этихъ правъ отчасти находится въ изложеніи органическихъ или основныхъ законовъ государства, въ законахъ, опредѣляющихъ общую подсудность и уголовное и полицейское права, но главнымъ образомъ въ законахъ о состояніяхъ, изображающихъ права и преимущества—личныя, имущественныя и общественныя различныхъ сословій государства.

Такъ право опредѣляетъ ту сторону человѣческаго существа, по которой человѣкъ издревле характеризованъ какъ живое общественное существо: homo sociale animal. Но служеніемъ общему благу съ одной стороны не исчерпывается все назначеніе человѣка: природа создала его индивидуальнымъ существомъ, лич-

---

1) *Робертъ Моль* въ своей «Энциклопедіи государствен. наукъ» (перев. А. Попова СПБ. 1878) исчисляетъ слѣдующія публичныя права каждаго подданнаго: они раздѣляются на два класса: во 1-хъ, *государственно-гражданскія права*—staatsbürgerliche Recht и во 2-хъ, *политическія права*. Къ первымъ принадлежатъ: 1) *право постояннаго участія въ государствѣ*, сущность котораго состоитъ съ одной стороны въ томъ, чтобы въ случаѣ отчужденія государствомъ земель въ подданство другаго государства, это отчужденіе происходило не иначе какъ съ согласія заинтересованныхъ въ немъ лицъ, равно и въ правѣ свободно покидать, выселяться изъ государства.

2. Право пользоваться *выгодами*, которыя извѣстный родъ государства предлагаетъ каждому лицу, участвующему въ государственной жизни. „Произвольное ограниченіе въ правахъ отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ классовъ противорѣчитъ высшей идеѣ государства и является величайшею съ его стороны неправдою. Доставленіе выгодъ не есть поэтому такая неважная вещь, которую можно и отнять, когда заблагоразсудится; нѣтъ, это формальная юридическая обязанность со стороны государства и его главы и отъ исполненія этой обязанности зависитъ самое ихъ существованіе. При доказанной и неустранимой несостоятельности средствъ (у государства) долженъ быть соблюдаемъ по крайней мѣрѣ законъ

ностію; съ другой стороны и для благосостоянія общественнаго требуется не обезличенное орудіе, а именно по возможности развитая физически, умственно и нравственно личность. Въ силу этого наибольшая и главнѣйшая часть усилій человѣка уходитъ на развитіе въ себѣ этой личности, на то, чтобы не дать ей затереться въ массѣ и сложныхъ отношеніяхъ и обстоятельствахъ жизни до степени обезличенной живой фигуры, автомата, чтобы наложить печать своей личности на вещи, служащія ей и по возможности передать свою личность и свое пріобрѣтеніе потомкамъ своимъ. Этого своего личнаго назначенія, осуществленія личныхъ своихъ интересовъ человѣкъ точно также достигаетъ только чрезъ взаимоотношеніе

соразмѣрности. Прежде всего, поэтому, должно доставлять по меньшей мѣрѣ *необходимое* для поддержанія жизни— именно *охрану* ѣправъ. Эту обязанность государства въ лицѣ князя сознавали напр. еще наши новгородцы, когда, договариваясь съ княземъ, ставили ему въ обязанность не только не касаться ихъ *пошлины*, но и охранять ее.

3. Право на безпрепятственное развитіе личности и общественныхъ отношеній. Въ сообщеніи частнымъ лицамъ правъ этого рода государства очень расходятся: одни какъ напр. теократія и классическое государство присвоиваютъ себѣ большую часть человѣческой личности, другія, напротивъ (напр. новѣйшія теоріи юридическихъ государствъ), самобытность личности и общественныхъ классовъ оставляютъ почти неприкосновенными. Впрочемъ полное поглощеніе личности и ея цѣлей государствомъ и его цѣлью нигдѣ не встрѣчается. Притязанія, наиболѣе распространенныя, суть слѣдующія: а) право на свободное, для другихъ безвредное употребленіе духовныхъ и физическихъ силъ, вмѣстѣ съ тѣмъ прежде всего освобожденіе отъ рабства и крѣпостнаго состоянія; б) право устроивать собственное хозяйство по своему усмотрѣнію; в) право на свободное выраженіе мысли и свободное ознакомленіе съ чужими мыслями, г) право на религіозную свободу; д) право вступать съ другими лицами въ добровольныя товарищества для занятій дозволительными

и взаимопомощь близкихъ и подобныхъ себѣ, и чрезъ господство надъ вещами. Право, слѣдующее всюду за дѣятельностію и отношеніями человѣка, входитъ и въ эту область частной его жизни, частной дѣятельности, частныхъ отношеній и частнаго назначенія: нормы, которыя оно здѣсь установляетъ, называются частнымъ правомъ. — Посмотримъ, съ какихъ сторонъ право опредѣляетъ дѣятельность человѣка здѣсь; войдемъ на нѣкоторое время въ эту *область частнаго* права.

Человѣкъ въ той мѣрѣ подлежитъ правовому опредѣленію, въ какой онъ — лицо. Въ противоположность вещи, лицо мыслится какъ субъектъ, имѣющій способность самоопредѣленія къ дѣятельности. Только эту сторону во всемъ многостороннемъ существѣ чело-

---

частными дѣлами. Впрочемъ, государство уполномочено полагать извѣстныя ограниченія дѣятельности, предоставляемой по общему правилу свободной волѣ личности, если полная свобода порождаетъ слишкомъ большое разстройство государственнаго порядка".

4. Право на справедливое и умѣренное поведеніе государственныхъ чиновниковъ въ случаяхъ личнаго ареста, домоваго обыска и секвестраціи переписки.

5. Право на обезпеченіе собственности.

6. Право на подачу петицій и жалобъ, въ случаѣ если справедливыя требованія ихъ остаются неудовлетворенными или если положительно нарушено право.

Еще большее разнообразіе представляютъ *политическія права* подданныхъ того или другаго государства, именно смотря *по роду* той или другой государственной конституціи. Ибо само собою ясно, что иною свободою пользуются подданные въ государственныхъ дѣлахъ въ государствахъ теократическихъ, неограниченно монархическихъ, иначе въ монархическихъ съ сословнымъ или народнымъ представительствомъ и еще иначе въ государствахъ чисто республиканскихъ.

Самое же участіе гражданъ въ государственныхъ дѣлахъ можетъ быть троякаго рода: во 1-хъ, имъ можетъ принадлежать право на законное соучастіе въ опредѣленныхъ дѣй-

вѣка право и беретъ въ свою область, поставляя конечною своею задачею установить между разнообразными индивидуумами человѣческими отношенія лица къ лицу. Вслѣдствіе этого, для отысканія и опредѣленія точныхъ правоотношеній между сложными отношеніями людей между собою, создаваемыхъ самыми разнообразными ихъ обстоятельствами, всегда приходится производить весьма усиленную и тщательную абстракцію всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя создало фактическое отношеніе. Представьте напр. двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ, возставшій отъ продолжительной болѣзни, для покрытія своихъ издержекъ по леченію, для пріобрѣтенія возможности начать снова трудъ свой и для прокормленія своей многочисленной семьи взялъ у другаго, которому въ

ствіяхъ государственной власти—напр. участіе въ законодательствѣ, при установленіи государственнаго бюджета, при заключеніи войны и объявленіи мира, каковымъ правомъ могутъ пользоваться или всѣ въ совокупности, или чрезъ своихъ представителей. Во 2-хъ, граждане могутъ *контролировать* въ какой нибудь опредѣленной формѣ дѣйствія правительства, чтобы такимъ образомъ обезпечить себя отъ нерадѣнія или противозаконности: такъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ было установлено, „чтобы намѣстнику и его тіунамъ безъ целовальниковъ суда не судити, а быти на судѣ у нихъ целовальникомъ (т. е.) лучшимъ людямъ и земскому дьяку, которыхъ целовальниковъ и дьяка земскаго *землею* выберутъ и къ целованью приведутъ“ (Уставн. грам. Ивана Васильевича Двинскимъ тіунамъ и намѣстникамъ. Русск. Достопам. ч. I. стр. 129). Въ 3-хъ, наконецъ, можетъ быть предоставлено *исключительное* попеченіе объ *извѣстныхъ государственныхъ дѣлахъ* всѣмъ подданнымъ въ совокупности или отдѣльнымъ классамъ ихъ — непосредственно или чрезъ представителей. Таково напр. участіе въ извѣстныхъ частяхъ *областнаго* управленія (наше земство), въ отправленіи правосудія (наши присяжные засѣдатели и мировыя установленія), въ попеченіи о бѣдныхъ, объ учебныхъ заведеніяхъ и проч. (стр. 172—176).

лучшіе свои дни помогалъ и трудомъ и деньгами, подъ огромные проценты извѣстную сумму денегъ и, будучи не въ состояніи уплатить ихъ въ назначенное время, подвергся взысканію со стороны этого послѣдняго. Какую абстракцію долженъ произвести въ данныхъ отношеніяхъ судья, чтобы представить этого бѣдняка, ждущаго какъ милости отсрочки, и этого богача, дающаго въ долгъ свои деньги, чтобы чрезъ это къ тысячамъ своимъ присоединить новую тысячу— совершенно одинаковыми лицами и положенія ихъ одинаковыми! А между тѣмъ юридически они — таковы, и судья не имѣетъ права смотрѣть на нихъ иначе. Для него они—не бѣдный и богатый, не жестокосердый и добрый люди, а только опредѣленныя лица—должникъ и заимодавецъ.

Безконечное разнообразіе индивидуальныхъ особенностей людей право стремится свести къ немногимъ простымъ схематическимъ или типическимъ очертаніямъ, подобно тому какъ геометрія все богатое разнообразіе тѣлъ—разложить въ элементарныя линіи и фигуры. И—какъ послѣдняя ограничивается только одною ихъ стороною—именно поверхностью, не проникая во внутрь ихъ субстанціи—такъ и право имѣетъ въ виду *только одно* свойство человѣка: его стремленіе и способность *быть соціальнымъ существомъ*, *членомъ общества* и именно даннаго.

Естественно, поэтому, ожидать, что правовое опредѣленіе лицъ и распредѣленіе ихъ по разрядамъ во многомъ совсѣмъ разнится отъ естественной способности человѣка быть физическо-нравственною личностью, и можетъ разнообразиться смотря по характеру того общества, къ которому юридически принадлежитъ.

Понятія *человѣкъ* и *гражданинъ* не только не однородныя, одно другое необходимо предполагающія—но нерѣдко совсѣмъ несравнимыя. Естественная равно-

правность *людей* въ разсужденіи свободы и независимости однихъ отъ другихъ подъ дѣйствіемъ правовыхъ отношеній сплошь и рядомъ превращается въ прямую противоположность гражданскаго неравенства. Сплошь и рядомъ можно встрѣтить двухъ человѣкъ одинаковаго возраста, воспитанія, одинаковыхъ природныхъ духовныхъ дарованій, но въ соціальномъ отношеніи отстоящихъ одинъ отъ другаго на множество ступеней и потому столько же равныхъ между собою, сколько равны стоящій у основанія лѣстницы съ стоящимъ на верхней ея ступени.

Эта соціальная разность обнаруживается и въ сферѣ чисто гражданскихъ отношеній, и въ сферѣ отношеній политическихъ.

По основной идеѣ справедливости, всѣ члены общества какъ частныя лица или какъ граждане должны бы быть одинаковы и равноправны: однако же въ дѣйствительности осуществленіе этой идеи встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія даже въ самыхъ природныхъ свойствахъ людей. Такъ полная гражданская правоспособность требуетъ зрѣлаго возраста: отсюда юридическое дѣленіе человѣчества на граждански совершенно — и несовершеннолѣтнихъ. Далѣе есть много людей отъ природы или вслѣдствіе болѣзни и дурного образа жизни не имѣющихъ необходимыхъ духовныхъ силъ для надлежащаго нормальнаго и разумнаго опредѣленія себя къ дѣятельности: естественно и справедливо поэтому свобода этихъ лицъ ограничивается волею ихъ опекуновъ и попечителей. Бываютъ лица, подвергающіяся нѣкоторымъ ограниченіямъ въ гражданскихъ правахъ своихъ вслѣдствіе того, что они обнаружили недобросовѣстность или вовсе неспособность къ пользованію имѣвшимися у нихъ правами.

Но и помимо этихъ болѣе или менѣе субъектив-

ныхъ условій разнообразія въ личныхъ правахъ гражданъ у всѣхъ почти народовъ искони существовали и признавались основаніями гражданскаго неравенства обстоятельства, лежащія внѣ вышеуказанныхъ субъективныхъ свойствъ людей. Такъ у множества народовъ существовало начало распредѣленія гражданскихъ правъ на принципѣ *кастоваго* различія; но и у тѣхъ, политическое устройство которыхъ слагалось на иныхъ началахъ, всегда только меньшинство пользовалось полными гражданскими правами, большинство же если не совершенно обезличивалось, то во всякомъ случаѣ не имѣло нѣкоторыхъ существенныхъ свойствъ въ гражданской своей личности, которыя имѣло меньшинство, и вслѣдствіе этого представляло совершенно особый родъ лицъ. Какое глубокое различіе въ гражданскомъ положеніи своемъ представляли напр. старинный нашъ вельможа помѣщикъ и его крѣпостной человѣкъ или холопъ! А между тѣмъ—это неравенство еще не максимальное: у цивилизованныхъ народовъ древняго міра разность личныхъ правъ простиралась еще далѣе. Рабъ у римлянъ совсѣмъ не почитался лицомъ, а зачислялся въ разрядъ домашняго имущества. Немногимъ выше стояли дѣти господина и его жена—ихъ мать—при жизни его [1]).

[1]) Естественно возникаетъ здѣсь вопросъ: какъ же можно послѣ этого утверждать, что право есть результатъ разума и нравственнаго чувства? Но въ отвѣтъ на этотъ вопросъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, давно ли признаніе естественнаго равенства людей для большинства перестало быть вопросомъ? Развѣ до послѣдняго столѣтія негритянская раса не почиталась въ сознаніи большинства естественно призванной къ рабству и неспособной къ свободѣ? Отсюда слѣдуетъ, что то, что теперь представляется явнымъ невѣжествомъ и грубостію, въ былыя времена согласовалось съ требованіями и разума, и нравственнаго чувства. Но кромѣ того одного *сознанія* разумности и нравственности извѣстнаго начала еще

Въ чемъ же выражается это неравенство лицъ, составляющее гражданское положеніе или состояніе ихъ въ обществѣ?

Въ отвѣтъ на это право каждаго народа указываетъ свои особенныя обстоятельства. Однако же можно указать нѣкоторыя общія каждому праву стороны въ этомъ отношеніи.

Разность гражданскаго положенія сводится къ разности, во 1-хъ, положенія въ обществѣ каждаго какъ индивидуума, во 2-хъ, какъ члена семьи, въ 3-хъ, какъ собственника. Этими тремя группами правоотношеній и исчерпывается сфера гражданскаго или частнаго права.

На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ *система личныхъ правъ*. Мы опредѣлили юридическое понятіе лица какъ субъекта свободы, опредѣленной извѣстнымъ образомъ, и какъ субъекта власти также опредѣленнаго размѣра. На какіе же объекты направлена эта свободная дѣятельность лица?

При существованіи рабства и крѣпостничества

недостаточно для того, чтобы это начало превратилось въ правовое положеніе: идеи завоевываютъ себѣ господство въ жизни только долгою борьбою съ противодѣйствующими имъ элементами. Такъ еще до возвѣщенія евангельскаго ученія о достоинствѣ человѣка среди римлянъ ясно высказываемо было убѣжденіе въ томъ, что по природѣ «всѣ люди свободны», а между тѣмъ въ дѣйствительности царствовало рабство, юридическую законность котораго признавали именно тѣ, которые высказывали вышеозначенное убѣжденіе. Нужно было пережить тысячелѣтія и самимъ христіанскимъ народамъ и государствамъ, чтобы наконецъ изъ основъ права своего вычеркнуть рѣзко противорѣчащую евангелію идею рабства и неравенства. И тѣмъ не менѣе, какъ показываетъ исторія христіанскихъ государствъ, идеи христіанства и европейскаго гуманизма достигали господства только путемъ права, только тогда, когда онѣ становились и юридическими идеями.

важнѣйшимъ изъ объектовъ личныхъ правъ служило право самоопредѣленія, дѣйствованія отъ своего лица, короче—право быть лицомъ. Ибо рабъ или крѣпостной не признавался таковымъ; его дѣятельность была дѣятельностію господина; оскорбленіе, ему нанесенное, относилось не къ нему лично, а къ его господину.

Съ уничтоженіемъ рабства, какъ факта, юридическими условіями, ограничивающими личное право, остались исключительно вышеуказанныя субъективныя свойства людей, въ силу которыхъ они устраняются отъ права самопроизвольно предпринимать нѣкоторыя гражданскія дѣйствія, какъ напр. пріобрѣтать или отчуждать свои вещи, вступать въ бракъ, заключать обязательства и условія, производить торговлю, вступать въ общества и компаніи. Какъ видно изъ этого перечисленія, права личныя опредѣляются только съ отрицательной стороны: черезъ перечисленіе тѣхъ дѣйствій, которыхъ данное лицо не можетъ совершать. Нѣтъ ничего удивительнаго, что ограниченіе личныхъ правъ этимъ отрицательнымъ путемъ доходитъ иногда до такого тѣснаго минимума, что сумма положительныхъ объектовъ, составляющихъ все личное право, исчерпывается тѣмъ, что природа дала человѣку и что ему необходимо для поддержанія жизни. Въ его власти находится только то, что въ немъ и на немъ.

Но съ другой стороны права полнаго гражданства могутъ возвышать индивидуума до степени почти ничѣмъ со внѣ неограниченнаго въ употребленіи своей свободы. Это полное право личности и есть идеалъ права и цивилизаціи культурныхъ народовъ, доселѣ въ дѣйствительности остающійся удѣломъ меньшинства.

Болѣе положительны объекты права семейнаго и правъ имущественныхъ.

Отношенія семейныя, т. е. супружескія и родственныя, по натурѣ своей физико-нравственнаго свойства, и возникаютъ равно какъ и существуютъ помимо всякаго права. Право не есть основаніе семьи; послѣдняя существовала задолго до права; точно также не право установляетъ и отношенія, фактически образующіяся между отдѣльными индивидуумами, семью и родство составляющими, соотвѣтственно ихъ индивидуальнымъ физическимъ и нравственнымъ свойствамъ. Но право находитъ себѣ, такъ сказать, случай проникнуть въ эти отношенія въ томъ свойствѣ этихъ индивидовъ, по которому они мыслятся какъ субъекты права, обладающіе такими или иными правами. Но въ этомъ качествѣ предъ каждымъ индивидомъ, желающимъ напр. вступить въ бракъ, предстоитъ неумолимый по неизбѣжности вопросъ: а имѣетъ ли онъ личную правоспособность вступить въ такое важное по своимъ послѣдствіямъ для общественной жизни отношеніе, какъ бракъ? У римлянъ, у которыхъ бракъ въ особенности строго формулированъ былъ правомъ, эта способность къ заключенію брака составляла даже одно изъ важныхъ личныхъ правъ римскаго гражданина. Connubium—такъ технически называлась эта правоспособность—была именно только правомъ римскаго гражданина: но ея не имѣлъ латинянинъ, житель провинціи и колонистъ. Тамъ естественный союзъ съ женщиною, который заключалъ не римскій гражданинъ, назывался не законнымъ бракомъ, а конкубинатомъ, или если и назывался бракомъ matrimonium, то не legitimum и во всякомъ случаѣ не имѣлъ тѣхъ юридическихъ послѣдствій, какими сопровождался matrimonium legitimum.

Частнѣйшими положительными объектами права служитъ для мужа—жена, для отца и матери—дѣти: первому принадлежатъ извѣстныя права и власть

надъ женой—затѣмъ вмѣстѣ съ нею—право и власть надъ дѣтьми.

Само собою разумѣется, что у разныхъ народовъ и на разныхъ ступеняхъ общества количество и качество этихъ отдѣльныхъ правъ, возникающихъ изъ семейныхъ и родственныхъ отношеній — видоизмѣняются весьма многоразличнымъ образомъ: вообще же право семейственное, въ особенности въ соединеніи съ особыми отношеніями имущественными, изъ семейнаго союза возникающими, образуетъ едва ли не важнѣйшую группу въ общей системѣ *частнаго права*.

Дальнѣйшую весьма обширную отрасль частнаго права составляетъ *имущественное право*.

Оно по преимуществу область правовая; съ нея, какъ свидѣтельствуетъ исторія, начинается развитіе права у всѣхъ народовъ; положительные объекты этого права и вызываютъ сильнѣе всего къ жизни идею права. И это очень естественно: ибо свою дѣятельность человѣкъ прежде всего обнаруживаетъ на предметахъ внѣ его существующихъ и доставляющихъ ему пользу и удовольствіе или препятствующихъ какимъ бы то ни было его намѣреніямъ. Это основное и элементарное отношеніе человѣка къ предметамъ видимаго міра, состоящее или въ усвоеніи ихъ себѣ, или въ измѣненіи ихъ даннаго вида (въ уничтоженіи), или *власть* надъ ними и есть основаніе и сущность его *вещнаго* права. Все естественное разнообразіе предметовъ природы съ точки зрѣнія права покрывается однимъ ихъ свойствомъ—*быть въ подчиненіи у человѣка* для служенія его потребностямъ, и всѣ они подводятся подъ одно схематическое понятіе *вещи* (res). Вещь есть то, что безусловно подчинено человѣку и что не имѣетъ никакого независимаго отъ этого назначенія.

Человѣкъ подчиняетъ себѣ вещи и разными спосо-

бами проявляетъ свою надъ ними власть. Эта власть, сама по себѣ взятая и разсматриваемая, какъ она естественно образовалась, есть только *фактическая*, или простое обладаніе или владѣніе вещію; но когда она признана правомъ и признана принадлежащею этому именно лицу: тогда она становится *правомъ* на эту вещь или властію юридическою. Различіе фактическаго и юридическаго владѣнія въ ихъ послѣдствіяхъ то, что фактическое подвержено случайности: оно продолжается за мною до тѣхъ поръ, пока и насколько я въ силахъ удерживать ее въ своемъ непосредственномъ владѣніи, охранять, оборонять ее своими средствами. Власть юридическая не подвержена такой случайности: разъ мое право на вещь признано — и моя власть надъ нею не уничтожается, не теряется, хотя бы вещь фактически находилась въ обладаніи другого. Эта юридическая власть надъ вещью называется — *правомъ собственности* — *proprietas*. Кромѣ права непосредственнаго обладанія и передачи ея во временное владѣніе другому, въ этомъ правѣ eo ipso заключается и полномочіе требовать вещь отъ всякаго, кто предвосхищаетъ у собственника помимо его воли фактическую надъ нею власть.

Намъ нѣтъ въ настоящее время нужды заниматься этою областью права и мы ограничимся тѣмъ, что прежде сказали о ней, остановясь лишь нѣсколько на указаніи *нѣкоторой особенности*, какую въ этомъ правѣ собственности получаетъ общее юридическое понятіе *лица*.

Доселѣ, употребляя это названіе, мы необходимо предполагали при этомъ каждый разъ живаго человѣческаго индивидуума, какъ единственно способнаго быть лицомъ. Но право собственности создаетъ иногда такія отношенія между отдѣльными индивидуумами, при которыхъ является необходимость прибѣгнуть къ

созданію вымышленныхъ лицъ, или просто фикцій, и имъ придать свойства лицъ физическихъ. Такъ эта необходимость сказывается напр. въ моментъ перехода имущества отъ умершаго лица (напр. отца) къ живому, напр.—сыну. Можетъ случиться, что промежутокъ времени со смерти отца до достиженія совершеннолѣтія сыномъ случится очень значительный, между тѣмъ имущество будетъ заключаться въ такихъ вещахъ, которыя, кромѣ собственной стоимости, могутъ приносить доходъ. Естественно возникаетъ здѣсь вопросъ: кому принадлежитъ здѣсь право собственности? Сыну оно еще не принадлежитъ, пока онъ не достигъ совершеннолѣтія; опекунамъ тѣмъ болѣе; собственникъ уже не существуетъ въ живыхъ; между тѣмъ интересъ самого наслѣдника и свойство самаго имущества требуютъ извѣстныхъ юридическихъ дѣйствій, которыя должны же совершаться отъ имени какого либо лица. За таковое лицо здѣсь и почитается воля завѣщателя или *наслѣдство*: при существованіи въ древности рабства и у насъ—крѣпостнаго права здѣсь возникали сплошь и рядомъ весьма странныя на простой взглядъ отношенія: были напр. рабы или крѣпостные крестьяне, *господиномъ* которыхъ служило *наслѣдство*; такимъ образомъ дѣйствительная *личность* являлась *собственностью* фикціи.

Подобныя же свойства личности придаются и нѣкоторымъ другимъ отвлеченнымъ фактамъ, напр. *цѣли* какого либо общественнаго учрежденія, благотворительной, просвѣтительной или религіозной (каковы богадѣльни, учебныя заведенія, храмы и часовни и т. д.). Каждое изъ учрежденій съ одною изъ таковыхъ цѣлей обладаетъ или можетъ обладать правами личности въ имущественномъ отношеніи, т. е. отъ своего имени владѣть собственностію, заключать сдѣлки, давать обязательства, причемъ собственниками

отнюдь не почитаются ни лица, управляющія этими учрежденіями, ни отъ нихъ получающія выгоды. Могутъ точно также образовать такое учрежденіе съ правами лица и отдѣльныя лица, составивъ изъ себя общество; таковы напр братства и монастыри и т. п. Имущество, составленное изъ ихъ приношеній въ пользу учрежденнаго ими общества, уже съ момента приношенія перестаетъ быть собственностію каждаго изъ нихъ въ частности, а становится собственностію цѣлаго.

Таковыя *фикціи*, облеченныя правами *лицъ*, въ отличіе отъ лицъ натуральныхъ или физическихъ, именуются *юридическими лицами*.

Еще маленькое замѣчаніе о понятіи лица: въ юридическомъ мышленіи съ особенною строгостію должно всегда различать *лицо* отъ *личности*, какъ нравственной индивидуальности, облеченной въ человѣческій организмъ. Въ этомъ качествѣ *личность* рѣдко появляется въ языкѣ юриста. Съ понятіемъ *лица* мыслится исключительно одна сторона личности человѣческой, именно поколику она проявляется какъ субъектъ самоопредѣленія, какъ субъектъ, обладающій свободой опредѣлять себя къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ, или даже къ бездѣйствію. Это различіе особенно важно имѣть въ виду, во 1-хъ, для уразумѣнія различенія людей по такъ называемой правоспособности, опредѣляемой также частнымъ правомъ. Не каждый человѣкъ, какъ *индивидъ*, имѣетъ одинаковую правоспособность въ сферѣ имущественнаго права, но только обладающій способностію къ *самоопредѣленію*. Общими условіями для этого въ большинствѣ законодательствъ признается возрастъ или *совершеннолѣтіе* и нормальное состояніе умственныхъ *способностей*; дитя и сумасшедшій всюду и всегда ограничиваются въ приложеніи имущественнаго

права властью другихъ—родителей или опекуновъ и какъ *лица* стоятъ подъ ихъ властію — это personae не sui juris, а personae juris *alieni*. Такъ открывается второй видъ частнаго права—правъ *на лица*—но не *на личности*, и вышесказанное замѣчаніе имѣетъ въ уразумѣніи сихъ правъ важное значеніе. Сюда принадлежатъ права родителей на лица дѣтей, права одного изъ супруговъ на лицо другого и, словомъ, такъ называемое *семейное право*.

Понятно, что недалеко ушло бы человѣчество въ экономическомъ своемъ развитіи, если бы каждый, господствуя только надъ вещами, не пользовался помощью, *услугами* другого и обратно. То необходимое и самое важное условіе экономическаго процвѣтанія, чтобы люди, индивидуально различающіеся своими талантами, именно этими то послѣдними и оказывали взаимопомощь. Что за польза мнѣ будетъ, если я, подобно библейскому патріархальной эпохи богачу, буду считать тысячами свою мелкую и крупную скотину и не буду входить ни въ какія экономическія сношенія съ мастерами кожевенныхъ и шерстяныхъ производствъ, у которыхъ нѣтъ матеріала, но, какъ говорится, золотыя руки? Иное дѣло, если я вступлю съ ними въ экономическую сдѣлку и установлю такія отношенія, чтобы эти золотыя руки работали также и мнѣ. Словомъ, тѣ же экономическія стремленія, которыя заставляютъ человѣка пріобрѣтать вещи, побуждаютъ подчинить своей власти и личныя силы другого. Это однакоже не отношенія господина къ рабу: въ томъ и задача права, чтобы предотвратить въ этихъ отношеніяхъ характеръ рабства и господства, а поставить это отношеніе или *право одного на личныя силы и дѣйствія другого* такъ, чтобы при этомъ оставались *неприкосновенными отношенія лица къ лицу*. Даже мало того: сохраненіе

при такихъ отношеніяхъ личной свободы каждаго правомъ требуется какъ необходимое и основное условіе. Гдѣ оно нарушено, гдѣ замѣчается отсутствіе въ какой либо изъ сторонъ, стоящихъ въ этихъ отношеніяхъ полнаго личнаго самоопредѣленія, тамъ уничтожаются всякія отношенія. Право одного на дѣйствія или силы другого получается только изъ взаимнаго соглашенія двухъ свободныхъ воль, взаимно обязываемыхъ юридически. Таковыя отношенія,— сдѣлки на юридическомъ языкѣ, составляютъ сущность такъ называемыхъ договоровъ и обязательствъ.

Какимъ же образомъ договоромъ можно установить право одного на *силы* другого, сохраня однакоже между ними отношеніе лица къ лицу.

Предметомъ договора можетъ быть только такое отношеніе лица къ лицу, которое имѣетъ въ виду *интересъ* именно денежный, имущественный, цѣнный. Когда нѣсколько человѣкъ соглашаются помогать другъ другу для взаимнаго преуспѣянія въ добродѣтели, въ искусствѣ, въ наукѣ, только совѣтомъ, примѣромъ или талантами своими, то такое ихъ сообщество еще не договоръ. Главная цѣль гражданскаго договора есть установленіе *обязательства* и права на дѣйствіе лица, причемъ это дѣйствіе объективируется, получаетъ матеріальную цѣнность: напр. два лица соглашаются на томъ, что одно изъявляетъ согласіе, формально скрѣпленное, доставить къ опредѣленному времени товаръ другого въ означенный срокъ, а другое изъявляетъ согласіе вознаградить за это опредѣленною платою. Здѣсь, во-первыхъ, мы видимъ точно опредѣленный предметъ соглашенія: перемѣщеніе товара съ одного мѣста на другое въ означенный срокъ. Съ исполненіемъ этого связанъ цѣнный интересъ каждаго изъ двухъ лицъ: первое ожидаетъ получить отъ этого выгоду, которую оно можетъ перевести на общую

мѣру цѣнности — на опредѣленную цифру деньгами; второе имѣетъ въ виду получить прямо въ деньгахъ опредѣленную плату. Во 2-хъ, съ того момента, въ который оба эти лица договорились, они вступили въ строго-опредѣленныя отношенія: одно сдѣлалось обязаннымъ перемѣстить товаръ своими средствами безъ всякой помощи другого; другое пріобрѣло *право требовать* совершенія этого дѣйствія или право на это *дѣйствіе* перваго. Между двумя лицами возникли такимъ образомъ отношенія *обязательства* и права *требованія*. Что касается обязательства, то сущность его понятна, но въ чемъ состоитъ это право *на дѣйствіе другого*? Оно состоитъ не въ томъ, что первое изъ этихъ лицъ взяло въ свою власть другое со всѣми его средствами передвиженія товара: это значило бы, что одно лицо подчинило во власть свою сполна другое лицо: это было бы отношеніе рабства, договоръ къ этому не уполномочиваетъ. Но какимъ же образомъ осуществится право на дѣйствіе, если обязавшійся не исполнитъ этого дѣйствія? Оно осуществится тѣмъ, что не исполнившій объявленъ будетъ повиннымъ вознаградить деньгами сполна тотъ ущербъ, какой нанесенъ неисполненнымъ дѣйствіемъ. Такъ силы должника превращаются въ точно опредѣленную цѣнность, причемъ самая личность его, какъ личность, остается неприкосновенною для другого *частнаго лица*.

Итакъ, право собственности можетъ подраздѣляться на слѣдующіе виды: 1) вещное (на свою) и 2) чужую вещь, 3) право на дѣйствія другого лица. Всѣ эти виды права могутъ быть переведены на деньги и во всякомъ случаѣ юридически разсматриваются какъ цѣнность. Въ этомъ качествѣ вся совокупность правъ собственности даннаго лица называется его *имуществомъ*.

Таково подраздѣленіе права по тѣмъ отношеніямъ въ жизни и дѣятельности человѣка, которыя оно опредѣляетъ.

Однимъ изъ принциповъ справедливости общественной и гражданской служитъ требованіе, чтобы *законъ*, какъ выразитель права, былъ въ одинаковой мѣрѣ одинаково священнымъ, т.-е. абсолютно обязательнымъ для всѣхъ подданныхъ, съ другой—политическое благоразуміе требуетъ, чтобы всѣ подданные управлялись одними и тѣми же законами, исходящими изъ одного общепризнаннаго авторитета: ибо только при этомъ условіи достигается политическое единство, и цѣлое зданіе государства сохраняетъ за собою стройность и стойкость. Однакоже въ обширныхъ и развитыхъ политически государствахъ весьма часто допускаются уклоненія отъ того и другого вышеназванныхъ принциповъ. Такъ въ государствахъ разноплеменныхъ и особенно обширныхъ территоріально имѣетъ мѣсто необходимость установлять на ряду съ общегосударственными нормами и особенныя, для нѣкоторыхъ только областей или частей общей государственной территоріи, условливаемыя мѣстными особенностями. Посему право объективное, какъ публичное, такъ и частное, по *объему* или пространству, на которое простирается его сила и значеніе, подраздѣлется на право *общее* и *особенное*—jus generale и jus particulare. Тотъ же политическій интересъ нерѣдко побуждаетъ напр., въ видахъ привлеченія лучшихъ гражданъ на трудную государственную службу или въ видахъ успѣшнаго ея прохожденія, дѣлать исключенія изъ общаго права (jus commune) въ пользу отдѣльныхъ лицъ и сословій и одарять ихъ особыми льготами отъ общихъ обязанностей, или преимуществами въ пользованіи тѣми или иными правами. Это обстоятедьство служитъ основаніемъ особаго вида

права: jus singulare въ противоположность jus commune, или такъ называемыхъ привиллегій, т.-е. частныхъ законовъ—privilegia=privata lex.

Необходимымъ условіемъ для дѣйствованія права на жизнь служитъ общедоступность, удобопознаваемость его каждымъ, внѣшняя форма, подъ которою оно можетъ являться таковымъ. Таковою формою служатъ или *обычай*—точнѣе общеизвѣстное и долговременное практическое примѣненіе какихъ-либо положеній права, или писанный законъ. Древнѣйшею первоначальною формою, подъ которою открывается объективное право, служитъ именно обычай. Мы уже имѣли случай приводить изображеніе того процесса, какимъ въ данномъ обществѣ пріобрѣтаетъ всеобщее признаніе извѣстное, опредѣленное правило и становится на степень необходимаго. «Когда мнѣніе о томъ, что общество разсчитываетъ на извѣстный образъ дѣйствія, говоритъ *Тонъ*, достигнетъ такой силы и значенія, что подобный образъ дѣйствія обществомъ требуется какъ должное, когда, далѣе,—такое мнѣніе превратится въ мотивъ, которымъ руководствуются въ дѣятельности, то пришедшее сюда сознаніе необходимости—opinio necessitatis превращаетъ обычай въ обычное право». *Пухта*, которому первому принадлежитъ честь вѣрной и глубокой оцѣнки значенія обычнаго права, такъ изображаетъ его происхожденіе: «Первый изъ видовъ возникновенія права есть народное убѣжденіе, какимъ оно обнаруживается въ сознаніи членовъ народа. Полное обнаруженіе этого убѣжденія состоитъ въ томъ, что члены народа *дѣйствуютъ* согласно ему, признаютъ его посредствомъ самой практики, самымъ дѣломъ (durch die Uebung). Эта практика отдѣльныхъ лицъ, имѣя въ основаніи общее убѣжденіе, равномѣрно повторяется въ одинаковыхъ случаяхъ и получаетъ свойство нрава, обы-

чая,— почему возникшее въ этой формѣ право назвали *обычнымъ правомъ*. Значеніе, какое имѣетъ въ возникновеніи права таковая практика, опредѣляютъ по большей части такъ, что право происходитъ изъ обычая. Но истинный взглядъ состоитъ въ противоположномъ представленіи: практика есть только послѣдній моментъ, въ которомъ проявляется и воплощается возникшее право, живущее въ убѣжденіи членовъ народа Вліяніе, производимое обычаемъ на убѣжденіе, заключается только въ томъ, что послѣднее приводится обычаемъ къ сознанію и имъ укрѣпляется; поэтому, если напр. то юридическое воззрѣніе, что для передачи собственности недостаточно одного договора между прежнимъ собственникомъ и новымъ, а долженъ произойти еще дальнѣйшій актъ, хотя бы напр. дѣйствительная передача владѣнія вещью,— если это воззрѣніе высказывается въ постоянно повторяющемся примѣрѣ, по которому во всѣхъ случаяхъ лицо, имѣвшее за себя только одинъ договоръ, не считалось еще собственникомъ: то этотъ примѣръ или обычай можетъ только содѣйствовать достовѣрности и прочности юридическаго положенія, но нельзя сказать, что это положеніе возникло изъ обычая, который даже не имѣлъ бы въ себѣ ничего юридическаго, если бы ему уже не предшествовало юридическое положеніе» [1]).

Являясь древнѣйшею, первоначальною формою права, обычай не прекращаетъ своего юридическаго значенія и въ послѣднее время; напротивъ онъ живетъ постоянно и параллельно съ законами или писаннымъ правомъ. При этомъ, отношеніе, въ какое онъ становится къ послѣднему, можетъ быть троякаго рода: обычай установляется и дѣйствуетъ или вполнѣ со-

---

[1]) *Пухта*, Институц. § 13.

гласно съ закономъ, т. е., говоря проще, самый законъ вслѣдствіе частаго и долговременнаго приложенія переходитъ въ обычай: это consuetudo secundum legem; или же является въ качествѣ дополненія къ нему, указывая напр. образъ приложенія его: это consuetudo praeter legem; но можетъ укорениться и дѣйствовать и обычай несогласный, противорѣчащій писанному закону: это consuetudo contra legem.— Юридическое значеніе обычая при дѣйствованіи писаннаго права обусловливается главнымъ образомъ двумя его свойствами: во 1-хъ, онъ долженъ быть давнимъ обычаемъ: longa consuetudo; во 2-хъ, онъ долженъ выражать разумное и цѣлесообразное правило— rationabilis consuetudo. Иногда законъ самъ ясно опредѣляетъ, въ какихъ случаяхъ должно руководиться обычаемъ.

§ 2.

О церковномъ правѣ.

Церковное право составляетъ особый родъ въ общемъ понятіи права.—Цѣль установленія Церкви и назначеніе ея въ родѣ человѣческомъ, какъ основанія самобытнаго ея права.

Представленною классификаціею исчерпывается вся сфера гражданскихъ отношеній, которыя такъ или иначе въ большей или меньшей мѣрѣ подлежатъ опредѣленіямъ права, могутъ становиться чрезъ это правовыми или юридическими. Но гдѣ же мѣсто въ этой классификаціи церковному праву? Къ области ли публичнаго или частнаго права отнести его? Весьма трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Тѣ положительныя предписанія, какія оно предъявляетъ человѣку и какими регулируетъ употребленіе даваемыхъ имъ правъ, носятъ характеръ правъ того и другого;

и публичнаго, и частнаго. Церковь даетъ іерархическія и правительственныя полномочія нѣкоторымъ изъ своихъ членовъ; эти полномочія никакимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ сферѣ частнаго права. Но она даетъ предписанія и семейственнаго права, она вноситъ свои опредѣленія, налагаетъ свою печать, видоизмѣняетъ характеръ даже имущественныхъ правъ: слѣдовательно нѣкоторая часть ея права носитъ характеръ права частнаго. Гдѣ же выходъ изъ этого затрудненія? Представляется одно изъ двухъ: или признать, что сама по себѣ Церковь не въ силахъ сообщить никакихъ правъ, а то, что выдается подъ именемъ церковнаго права, есть въ сущности государственное право, только имѣющее своимъ содержаніемъ религіозную жизнь, отношенія людей, изъ религіи ихъ возникающія; въ такомъ случаѣ мѣсто церковнаго права — въ общемъ гражданскомъ кодексѣ, гдѣ оно и должно быть распредѣлено по разнымъ отдѣламъ публичнаго и частнаго права; или признать, что церковное право есть право совсѣмъ *иного* порядка, не сравнимое ни съ публичнымъ, ни съ частнымъ правомъ, ни соподчинено, ни подчинено ни тому ни другому, есть *особый родъ права*. Въ такомъ случаѣ въ цѣломъ организмѣ права различаются двѣ крупнѣйшія единицы: *свѣтское* и *церковное* право; высшею, обѣ соединяющею единицею будетъ общее родовое понятіе права [1]). Тотъ и другой выходъ изъ представляющагося затрудненія имѣютъ за себя данныя. За первый говоритъ вся до-христіанская древность. У всѣхъ народовъ древняго міра религіозныя обязанности и права были въ то же время обязанностями и правами національными; римское право съ

---

[1]) *Schulte*. Die Lehre von den Quellen des katholischen Kirchenrechts. Giessen. 1860. S. 18.

совершенною ясностію характеризовало jus sacrum какъ публичное государственное право: publicum jus in sacris, in sacerdotibus, in magistratibus consistit [1]). Даже Богооткровенная религія въ средѣ іудейскаго народа не выдѣляла своихъ предписаній изъ сферы національнаго іудейскаго законодательства: они ничѣмъ не различались отъ предписаній права публичнаго и частнаго этой націи и этого строго національнаго государства. За второй выходъ говоритъ какъ существо церкви, такъ и вся послѣдующая исторія права и новой цивилизаціи.

Проповѣдь христіанства въ мірѣ и основаніе въ немъ Церкви и ознаменовались кореннымъ преобразованіемъ такихъ представленій объ отношеніи религіи къ государству и обратно. Блюнчли характеризуетъ слѣдующимъ образомъ эту особенность отношенія христіанской религіи къ государству по сравненію съ отношеніями прежнихъ государственныхъ и національныхъ религій: «Христосъ не училъ религіи, какъ ее предписывали римское царство или іудейское государство. Онъ не былъ священникомъ или проповѣдникомъ государственной религіи, равно какъ не имѣлъ ни порученія, ни полномочія (на то) отъ государства. *„Азъ отъ Бога изыдохъ и пріидохъ: не о Себѣ бо пріидохъ, но Той мя посла“* (Іоан. VIII, 42). *Якоже научи Мя Отецъ Мой, сія глаголю* (Іоан. VIII, 28).

«Христіанская религія явилась вслѣдствіе сего *независимою* отъ государства и даже въ противорѣчіи съ существовавшею въ государствѣ религіей, какъ откровеніе Бога и, несмотря на презрѣніе и преслѣдованіе со стороны государства, распространила въ мірѣ свое царство. Самъ Основатель ея былъ

[1]) Dig. L. I tit. 1 § 2.

осужденъ какъ государственный преступникъ за то, что «хулилъ Бога». Многіе изъ учениковъ и послѣдователей Его заплатили жизнію за свое противорѣчіе господствовавшей государственной религіи и ради истины своей вѣры вкусили земную смерть, полные упованія вѣчной жизни для своихъ душъ».

«Отсюда открываются два основныя положенія, сообщающія христіанству величайшую силу: 1) религія, поколику она не есть продуктъ государства, то и по существу своему независима отъ него; 2) религія исполняетъ человѣка божественнымъ духомъ и соединяетъ безсмертную душу съ Богомъ. Посему она никакимъ образомъ не есть какое либо отношеніе человѣческаго права, но по существу своему принадлежитъ вѣчному и духовному царству, о которомъ Христосъ сказалъ, что оно не отъ міра сего» [1]).

Приведенными словами извѣстнаго авторитета государственной науки, по нашему мнѣнію, достаточно ясно и опредѣленно указываются фундаментальные возвѣщенные и дѣломъ оправданные Основателемъ Церкви и ею самою принципы, которые произвели полный переворотъ въ дотолѣ господствовавшихъ политическихъ и юридическихъ воззрѣніяхъ и дали совершенно новое направленіе всей исторіи человѣчества. Не болѣе трехъ столѣтій потребовалось для того, чтобы подъ дѣйствіемъ духовнаго вліянія Церкви, гонимой, преслѣдуемой, эти новые принципы завоевали себѣ всеобщее признаніе, проникли въ самую жизнь отдѣльныхъ лицъ, народовъ и побѣдоносно начали преобразовывать право и политику самого всесвѣтнаго государства.

Итакъ, для доказательства независимости Церкви

---

1) *Bluntschli*, Allgemeines Staatsrecht. 2. B. 1857, München S. 251—253.

отъ государства въ образованіи ея внутренняго устройства и слѣдовательно ео ipso ея внутренняго права, достаточно сказать только, что Церковь, поколику есть религіозное общество—общество послѣдователей Учителя истинной, богооткровенной религіи,—чтобы вызвать признаніе за нею права на признаніе со стороны государства ея полномочія вырабатывать и охранять свое собственное право, такое право, которое *предписывать* этому обществу государство не имѣетъ ни призванія, ни власти.

Наша ближайшая задача разъяснять и доказывать не независимость Церкви отъ государства, *а особенность* церковнаго *права*, слѣдовательно, его характерныя свойства, въ силу которыхъ оно—особый родъ въ общемъ понятіи права и въ этомъ качествѣ должно быть противопоставлено праву гражданскому (свѣтскому) и разсматриваемо и изучаемо какъ предметъ спеціальной юридической науки. Для сего мы должны войти въ ближайшее и частнѣйшее разсмотрѣніе понятія истинной Христовой Церкви.

Прежде всего и болѣе всего мы должны обратить вниманіе на *цѣль* Церкви, чтобы точнѣе уразумѣть и истинную сущность ея и характеръ ея права.

Самая очевидная и по своей очевидности, кажется, никогда не оспаривавшаяся у Церкви Христовой цѣль, это – религіозно просвѣтительная. Церковь есть единственная учительница истинной религіи; она вноситъ всюду, гдѣ ни является, свѣтъ религіозной истины. Но какъ широко распространяется этотъ истинный свѣтъ на человѣческія отношенія? Ограничивается ли онъ въ строгомъ смыслѣ сферою религіознаго вѣдѣнія—богословіемъ, или же этотъ свѣтъ христіанской вѣры освѣщаетъ и нравственное міросозерцаніе человѣка, проникаетъ въ отношенія его къ ближнимъ—личныя, семейныя, общественныя. по-

литическія? Въ рѣшеніи этого вопроса исповѣдники разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій уже разногласятъ между собою. Впрочемъ трудно указать такое христіанское вѣроисповѣдное общество и даже философовъ моралистовъ, которые оспоривали бы у Церкви и высочайшій авторитетъ въ нравственной сферѣ. Такимъ образомъ Церковь есть учительница религіи и нравственности. Этого назначенія у нея нельзя оспоривать и, поколику для осуществленія этого ея назначенія необходима извѣстная гражданская свобода, нѣтъ никакого раціональнаго оправданія тому государству, которое не доставляло бы ей этой свободы и тѣмъ менѣе тому, которое ставило-бы этой свободѣ намѣренныя преграды.

Правильно или нѣтъ такое ограниченіе религіозно-просвѣтительной въ человѣчествѣ миссіи Церкви—вопросъ этотъ для нашей цѣли значенія не имѣетъ; положимъ даже, что правильно. Важнѣе другой вопросъ: только ли одной этой миссіей исчерпывается все назначеніе, вся цѣль Церкви Христовой? Нужно игнорировать добрую половину евангельской исторіи, Новозавѣтнаго писанія, Церковной исторіи, чтобы такъ ограничивать цѣль и назначеніе Церкви Христовой въ родѣ человѣческомъ. Даже грубый, непросвѣщенный благодатію взоръ усматривалъ и ощущалъ во Христѣ не только учителя, но и пророка, и врача неизлѣчимыхъ болѣзней душевныхъ и тѣлесныхъ; и посылая учениковъ своихъ на проповѣдь, Онъ не ограничилъ миссію ихъ только просвѣтительною дѣятельностію; напутствуя ихъ, Онъ такъ наставлялъ ихъ: *прокаженныя очищайте, мертвыя воскрешайте, бѣсы изгоняйте,—туне пріясте, туне дадите* (Мѳ. X, 8). Церковь есть источникъ свѣта, и въ то же время источникъ другихъ благодатныхъ *даровъ*, туне принимаемыхъ отъ тѣхъ, кому въ Цер-

кви поручено давать ихъ. Но и эти дары, сообщаемые каждому человѣку—какой бы національности, общественнаго положенія, возраста, степени нравственнаго развитія ни былъ онъ,—не главная цѣль Церкви; это только средства къ другой высшей цѣли—всестороннему возрожденію человѣка для того, чтобы онъ, возрожденный, облекся въ новаго человѣка, возстановленъ былъ въ первоначальной, богосозданной чистотѣ, какъ образъ и подобіе Бога, и сдѣлался достойнымъ вѣчной славы и блаженства въ вѣчномъ царствѣ Христа. Здѣсь, въ спасеніи человѣка, крайняя цѣль Церкви Христовой.

Это назначеніе, эта крайняя цѣль Церкви не ограничена ни опредѣленнымъ временемъ, ни какой либо частью человѣчества: не на какой либо опредѣленный срокъ эта цѣль назначена ей, но до скончанія міра; не народомъ іудейскимъ или еще какимъ либо другимъ ограничено выполненіе ея, но она обнимаетъ народы, человѣчество.

При такой всеобъемлемости, при такомъ универсальномъ характерѣ назначенія Христовой Церкви, возможно ли разсматривать ее по внѣшней ея формѣ, только какъ *общество учениковъ и послѣдователей Іисуса Христа*? Никогда истинная Церковь Христова не была таковою по существу своему. Видимое общество вѣрующихъ въ Іисуса Христа, въ настоящій моментъ напр., представляющееся по численности своей такимъ громаднымъ, что оно превосходитъ каждое изъ государствъ,—есть въ то же время носитель богосозданнаго учрежденія (divinum institutum) Церкви Божіей. Церковь Христова только по внѣшности есть видимое общество вѣрующихъ во Христа, по внутренному же характеру своему, по существу своему есть Божественное установленіе, какъ изрекъ это самъ Основатель ея: *Созижду Цер-*

ковь мою и врата адова не одолѣютъ ю —и въ этомъ, т.-е. въ свойствѣ ея какъ Божественнаго установленія, заключается и главная сила ея, а не въ тѣхъ великихъ принципахъ, какіе усматриваетъ въ ней философія, мораль, наука права, въ родѣ тѣхъ напр. принциповъ, какіе усмотрѣлъ Блюнчли.

Какъ Божественное установленіе, Церковь, представляемая видимо черезъ форму религіознаго общества, есть столь же необходимое въ человѣчествѣ установленіе, какъ и государство. Она не часть государства, не входитъ въ организмъ его, какъ корпорація или какъ частное товарищество, отъ государства получающія свое бытіе, но есть такое же въ себѣ законченное цѣлое, стоящее особо отъ государства, какъ и само государство. Правда, видимой обособленности между ними нельзя представить: потому что каждый христіанинъ, членъ ея, есть *необходимо* подданный государства, внѣ государства никто изъ людей жить не можетъ, такъ что по внѣшности Церковь проникаетъ государство, а не подлѣ него стоитъ; но это проникновеніе только кажущееся: Церковь и государство, какъ институты, не проникаются одно другимъ чрезъ то, что они оба воздѣйствуютъ на однихъ и тѣхъ же людей; они только встрѣчаются своими требованіями въ одномъ и томъ же человѣкѣ или въ одномъ и томъ же народѣ, но каждое съ своего рода требованіями и каждое чрезъ эту встрѣчу не измѣняется въ своемъ существѣ, т.-е. Церковь не становится государствомъ и государство Церковію, а остаются неизмѣнными каждое въ своей сущности. Аналогичныхъ этому отношеній въ жизни встрѣчается весьма много. Одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть дѣйствительнымъ членомъ тридцати союзовъ или обществъ, слѣдовательно, стоять разными сторонами своего существа, своей

дѣятельности въ ближайшихъ отношеніяхъ къ каждому изъ этихъ тридцати обществъ: но это очевидно нисколько не препятствуетъ каждому изъ этихъ обществъ оставаться совершенно особнякомъ отъ каждаго другого и ни чуть не обязываетъ одного проникаться характеромъ другого: ученое напр. общество не превращается въ благотворительное и обратно вслѣдствіе того, что нѣкоторые, даже всѣ члены перваго суть въ тоже время и члены второго. Именно съ того момента, какъ явилась въ мірѣ Церковь, сдѣлалось обычнымъ явленіемъ, что лица разныхъ національностей и государствъ сдѣлались исповѣдниками единой Церкви, не утрачивая своего національнаго и политическаго сродства, и наоборотъ лица одной національности стали исповѣдниками разныхъ религій.

Вотъ въ качествѣ этого-то института божественнаго Церковь Христова и становится источникомъ правъ, которыя человѣку тщетно искать гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Ибо ей только, а не какому либо государству, Господь, Основатель Церкви, далъ эту силу. *Дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли: шедше убо научите вся языки крестяще их*: и Апостолы пошли въ міръ учить народы и запечатлѣвать ихъ крещеніемъ съ такою властію, что не останавливались ни предъ какими преградами, воздвигаемыми свѣтскимъ правительствомъ или іудейскимъ синедріономъ. Конечно, и государственный чиновникъ, и простой гражданинъ могутъ идти и учить; но у нихъ никогда не будетъ сознанія этой власти, съ какою учитъ лицо, Церковію уполномоченное, и никто въ этомъ ихъ дѣйствіи не признаетъ ихъ права: ибо какъ можетъ учить не посланный на то? Никому, кромѣ Апостоловъ, Христосъ не даровалъ и этого великаго полномочія: *пріимите Духъ*

Свять и имже отпустите грѣхи отпустятся имъ и имже держите держатся, кромѣ Апостоловъ. Никого, кромѣ Апостоловъ, не одарилъ Онъ и силою низводить дары Св. Духа рукоположеніемъ. Еще Симонъ волхвъ ясно усмотрѣлъ это: *ибо увидѣвъ, яко возложеніемъ рукъ апостольскихъ дается Духъ Святый, принесе имъ сребро, глаголя: дадите и мнѣ власть сію* (ἐξουσίαν ταύτην) *да на него же аще положу руцѣ пріиметъ Духа Святаго.* (Дѣян. VIII, 18, 19).

Можно ли въ виду столь ясныхъ изреченій Господа, въ виду такого положительнаго уполномоченія Имъ строителей Церкви этою великою властію, отрицать у Церкви характеръ Божественнаго установленія, надѣленнаго великими и исключительно ему принадлежащими полномочіями? По-истинѣ нужно сдѣлаться слѣпѣе Симона волхва, чтобы отважиться на это. Но Церковь создана съ такимъ характеромъ не на краткое время; таковою она пребудетъ до скончанія міра. Въ ней всегда сохраняется преемство этой власти, которую хотѣлъ купить за сребро Симонъ, въ ней всегда дѣйствуетъ Духъ Святый, съ нею всегда пребываетъ Христосъ, содѣйствуя ей, или чрезъ нее осуществляя назначеніе Церкви—привести ко Христу всѣ народы, распространять въ мірѣ истинный свѣтъ, возрождать, обновлять, освящать и спасать всякаго человѣка.

Итакъ, Церковь, какъ институтъ, учрежденіе, есть источникъ прежде всего божественныхъ іерархическихъ полномочій—это ея божественное право (Ius divinum). Оно совершенно отлично отъ того права, которое даетъ своимъ подданнымъ государство, отлично по существу. Никто, кромѣ Церкви, не можетъ дать его человѣку. Это извѣстныя полномочія: ученія, священнослуженія и пастырства,

Но Церковь есть правильный общественный организмъ: въ ней есть опредѣленное устройство: есть епископы, пресвитеры, діаконы и прочіе служители, есть пророки, учители, пастыри, проповѣдники; есть чинъ монашествующихъ и священныхъ дѣвъ; въ ней есть вѣрные, пользующіеся всѣми благами общенія съ Церковію, ея дарами, изливающимися непосредственно на нихъ и посредственно чрезъ ея іерархію; есть классъ оглашаемыхъ, готовящихся къ крещенію и просвѣщаемыхъ, есть наконецъ классъ исправляемыхъ путемъ точно установленной покаянной дисциплины. Весь этотъ разнообразный и своеобразный составъ лицъ церковныхъ живетъ и дѣйствуетъ въ стройномъ порядкѣ, благообразно и по чину. Онъ управляется въ своей жизнедѣятельности не прибѣгая къ содѣйствію государственной силы; Церковь осуществляетъ свое собственное право своими собственными средствами и можетъ, какъ это доказала она трехвѣковымъ опытомъ, охранять его не только безъ содѣйствія, но и при энергическомъ отчаянномъ противодѣйствіи могущественнаго и образованнѣйшаго государства. Можно-ли послѣ этого отрицать у Церкви внутреннюю силу, способность вырабатывать и охранять свое законодательство органическаго устройства, свое публичное право? Напротивъ, здѣсь именно неопровержимое доказательство ложности доктрины, утверждающей, что безъ государства нѣтъ и права; наоборотъ, и внѣ государства можетъ быть и есть право божественное, право церковное.

Христіанская религія глубоко и всесторонне проникаетъ существо человѣка; она, не какъ религіи естественныя, не ограничивается только заповѣдями объ угожденіи Божеству, не культъ только предписываетъ она, оставляя прочія духовныя потребности

на произволъ самихъ людей, какъ это дѣлаютъ естественныя религіи. Она даетъ глубочайшее вѣдѣніе міра духовнаго и чувственнаго, объясняетъ устройство міра, человѣка, законы общественнаго и государственнаго развитія; въ ней—объясненіе самыхъ трудныхъ вопросовъ нравственности, положительное и ясное раскрытіе таинъ и задачъ человѣческой жизни, настоящей и загробной. Въ силу этого, обладая могущественнымъ духовнымъ вліяніемъ надъ человѣкомъ, съ непоколебимымъ авторитетомъ и достоинствомъ она изъясняетъ ему нормальныя отношенія семейныя и общественныя и предписываетъ правила дисциплины, энергически отъ него требуя исполненія ихъ, если онъ хочетъ быть ея членомъ.

Церковь именно *требуетъ* исполненія своей дисциплины и требуетъ съ такимъ искреннимъ и непоколебимымъ убѣжденіемъ въ *своемъ правѣ и обязанности* этого *требованія*, съ какими дай Богъ, чтобы предъявляли государственные чиновники и учрежденія къ подданнымъ государства требованія государственной дисциплины. Это сознаніе права ея опирается съ одной стороны на ясной заповѣди Апостола Павла: *настой благовременнѣ и безвременнѣ, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. IV, 2), съ другой стороны—на сознаніи божественнаго источника и авторитета правилъ своей дисциплины: когда напр. слышитъ она голосъ Апостола Павла: *„женѣ отъ мужа не разлучатися и мужу жены не отпущати“* и завѣреніе Апостола: *„завѣщаваю* (сіе) *не азъ, но Господь“* (I Кор. 10, 11): то найдется ли для нея на всей землѣ такой авторитетъ, который поколебалъ бы ея увѣренность въ томъ, что это ея правило—не божественное правило? Наконецъ, сознаніе *права* сво-

его требовать исполненія правилъ своей дисциплины Церковь утверждаетъ и на ясной заповѣди, повелѣніи и примѣрѣ Ап. Павла: не исполняющихъ этого рода требованій христіанъ-братьевъ—удалять изъ среды своей, прекращать всякое съ ними общеніе: смотрѣть на такого брата, какъ бы онъ пересталъ быть живымъ, сталъ мертвымъ въ живомъ тѣлѣ Церкви. „*И вы разгордѣсте, и не паче плакасте, да измется отъ среды васъ содѣявый дѣло сіе. Зане азъ убо аще не у васъ сый тѣломъ, ту же живый духомъ, уже судихъ, яко тамо сый, содѣявшаго сице сіе, о Имени Господа нашего Іисуса Христа, собравшимся вамъ и моему духу, съ силою Господа нашего Іисуса Христа, предати таковаго сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется въ день Господа нашего Іисуса Христа. Не добра похвала ваша, не вѣсте ли, яко малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ. Очистите убо ветхій квасъ, да будетъ ново смѣшеніе* (1 Кор. V, 2—7). Нужно ли еще болѣе ясныхъ доказательствъ въ пользу того, что дисциплина истинной Христовой и Апостольской Церкви есть disciplina correctiva et purgatoria, какъ выражаются юристы, и что эта дисциплина есть ея *право?*

Да, нельзя представлять отношеніе христіанина, какъ частнаго лица, къ Церкви зиждущимся только и исключительно на принципѣ индивидуальной свободы совѣсти, хотя Церковь дѣйствительно проповѣдуетъ и защищаетъ этотъ принципъ. Церковь не *привлекаетъ* насильственно въ общество свое, или точнѣе не принимаетъ въ живой организмъ (тѣло) свой новаго члена безъ искренняго желанія его вчлениться въ этотъ организмъ: тутъ принципъ индивидуальной свободы совѣсти дѣйствуетъ со всею своею силою и безусловно: но разъ по своему свободному произво-

ленію человѣкъ вчленился въ организмъ церковный, онъ не долженъ противодѣйствовать ассимиляціи своей тѣлу церковному: онъ долженъ совершенно уподобиться прочимъ членамъ; и Церковь съ своей стороны употребляетъ всѣ мѣры для вчлененія его, для сродства его съ своею духовною средою; если же онъ не поддается этимъ усиліямъ ея, онъ извергается Церковію, какъ извергается изъ живаго организма неспособный къ уподобленію съ нимъ отбросъ.

Чтобы составить себѣ нѣсколько полное представленіе какъ о цѣломъ характерѣ Церкви, какъ учрежденія, такъ и о разнообразіи и широтѣ сферы предметовъ, по коимъ она имѣетъ внутреннюю, самостоятельную способность правоопредѣленія, слѣдуетъ обратить вниманіе на видоизмѣненіе права имущественнаго, какое наступаетъ съ момента поступленія его въ собственность Церкви. Но возразятъ, можетъ быть, на это: неужели и право Церкви на имущество можно считать существенно необходимымъ свойствомъ ея какъ божественнаго института? Можно ли или по крайней мѣрѣ удобно ли вести рѣчь о такомъ низменномъ предметѣ, какъ имущество, тому, кто только что изобразилъ Церковь какъ учрежденіе столь духовное, съ такими возвышенными нравственными задачами и стремленіями. — Въ отвѣтъ на это лицемѣрное возраженіе мы ограничимся ссылкою лишь на слѣдующій случай изъ жизни древняго скитскаго монашества: „одинъ братъ, пришедшій къ Силуану, увидавъ, что братія работаютъ, сказалъ старцу: *дѣлайте не брашно гиблющее* (Іоан. VI, 7); *Марія же благую часть избра* (Лук. XVI, 22)“. Старецъ велѣлъ ученику своему отвести пришедшаго въ пустую комнату и дать ему книгу. Наступилъ девятый часъ— время трапезы иноковъ; братъ ждетъ, не позовутъ ли его обѣдать. Но зова не было. Онъ пошелъ къ

старцу и говоритъ: «неужели братія не ѣли»? — Ѣли, отвѣчалъ старецъ.—Почему же не позвали меня?— Ты человѣкъ духовный, избралъ благую часть, читая цѣлый день, и не имѣешь нужды въ такой пищѣ; а мы, какъ плотскіе, хотимъ ѣсть и потому работаемъ. Вразумленный братъ просилъ прощенія у старца. Тогда Силуанъ сказалъ: такъ и Марія имѣетъ нужду въ Маѳѣ: ибо и Марія похваляется изъ-за Маѳы [1]).—Такъ было въ этомъ монастырѣ, такъ и въ цѣлой Церкви.

Извѣстно евангельское сказаніе объ Іудѣ, что еще при земной жизни Господа онъ былъ—если позволено будетъ выразиться—экономомъ имущества, принадлежащаго обществу учениковъ Іисуса. Затѣмъ на первыхъ страницахъ Апостольской Исторіи мы встрѣчаемся уже съ цѣлымъ установленіемъ—семи діаконовъ, мужей, исполненныхъ Духа Святаго и премудрости,—поставленныхъ на службу церковной экономіи. Здѣсь же мы встрѣчаемся съ извѣстіемъ о существованіи въ Апостольской Церкви и имущества, настолько значительнаго, что его доставало на всѣхъ нуждающихся братій. По-истинѣ, нельзя безъ удивленія читать это извѣстіе; такъ необычно отношеніе собственниковъ къ своему имуществу, здѣсь изображаемое: „*Народу же вѣровавшему бѣ сердце и душа едина: и ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся общая... благодать же бѣ велія на всѣхъ ихъ. Не бяше бо нищъ ни единъ въ нихъ: елицы бо господіе селомъ или домовомъ бяху, продающе приношаху цѣны продаваемыхъ, и полагаху при ногахъ Апостолъ: даяшеся же коемуждо, его же аще кто требоваше.*

---

[1]) П. Казанскаго, Исторія православнаго монашества на Востокѣ. Ч. 2. Москва. 1854. Стр. 106.

Іосія же нарченный Варнава отъ Апостоловъ, еже есть сказаемо сынъ утѣшенія, левитъ, киприянинъ родомъ, имѣя село, продавъ принесе цѣну и положи предъ ногама Апостолъ“ (Дѣян. IV, 32—37). Много можно было бы привести подобнаго рода извѣстій изъ Апостольской исторіи и исторіи Церкви послѣдующихъ временъ, извѣстій, представляющихъ Церковь обладательницею и собственницею имущества, составляющагося такимъ же способомъ и служащаго такому же назначенію: но и приведенныхъ достаточно: такъ типичны они, чтобы видѣть, какой внутренній мотивъ побуждаетъ христіанъ-собственниковъ такъ своеобразно относиться къ своему праву собственности, которое такъ старательно гарантируетъ jus civile. Этотъ мотивъ—любовь къ ближнимъ, особенно страждущимъ (алчущимъ, жаждущимъ, страннымъ, заключеннымъ въ темницу), возгрѣваемая и возбуждаемая любовью Сына Божія, не стыдящагося называть ихъ братіями своими: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѳ. XXV, 40). Можетъ быть, наше ухо слишкомъ привыкло слышать это слово Господа, до конца возлюбившаго сущія своя, что мы остаемся глухи и слѣпы къ толпамъ жалкаго пролетаріата, разстроивающаго своимъ безобразнымъ видомъ все наше добродушіе, имѣющее столь много шансовъ за свое успокоеніе на ихъ счетъ въ этихъ нашихъ утомительныхъ и безвозмездныхъ засѣданіяхъ въ разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ и членской дѣятельности по комитетамъ о нищихъ, и потому не замѣчаемъ, что въ жестокосердіи къ своей по-истинѣ меньшей братіи далеко опередили гордаго римскаго гражданина. Но представьте человѣка, выслушавшаго эти слова въ первый разъ и воспринявшаго ихъ со всею

ясностію сознанія ихъ силы, съ полною вѣрою въ изрекшаго ихъ Господа, и тогда совершенно понятенъ будетъ Закхей въ его рѣшимости: *се полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ.* Понятенъ Іосія, продавшій село свое и цѣну его положившій къ ногамъ Апостоловъ, понятны всѣ послѣдующаго времени жертвы подобныхъ жертвователей на церковь и въ церковь, понятны тѣ приношенія самыхъ лучшихъ начатковъ отъ плодовъ трудовъ своихъ, которыя съ такимъ обиліемъ накоплялись въ древней Церкви [1]), понятна бѣдная старуха, собирающая послѣднія силы свои на то, чтобы свою трудовую холстину принести въ даръ Церкви, положить ее къ ногамъ не Апостоловъ, а преемниковъ ихъ—что видимъ мы и до сего дня.

Да, съ появленіемъ Церкви Христовой возникъ новый родъ имущества—имущества церковнаго, новый родъ богатства—богатства нищихъ: ибо „церковное богатство есть нищихъ богатство"; возникли новыя права по имуществу; возникли новыя правоотношенія, явились новые документы, удостовѣряющіе право предъявителя на довольствованіе общественнымъ имуществомъ (такъ называемыя мирныя грамоты, дававшіяся бѣднымъ странникамъ). Явилось новое церковное законодательство по имуществу. И право гражданское мало-по-малу признало его постановленія, признало новыхъ субъектовъ права, новыя опредѣленія цѣнности вещей, и въ настоящее время, напр , нашъ кодексъ гражданскій и уголовный уже безъ всякаго колебанія заимствуетъ опредѣленія этого права [2]).

---

[1]) Гангр. соб. прав. 7 и 8.

[2]) Таковы статьи нашего IX-го тома о правахъ и преимуществахъ церквей, монастырей и духовенства; таковы и

Можно ли въ виду этихъ фактовъ отрицать у Церкви правоспособность давать вещамъ (имуществу) свое назначеніе, опредѣлять способъ и размѣры пользованія имъ и отчужденія его, и дѣлать это съ своей своеобразной точки зрѣнія, руководиться при этомъ своими нравственно экономическими воззрѣніями, совершенно независимо отъ того, какихъ воззрѣній на этотъ предметъ держится гражданскій законодатель той или иной эпохи, того или иного государства? По крайней мѣрѣ, сами члены Церкви, сами собственники, отчуждающіе свое имущество Церкви, слагаютъ съ себя все свое право на него и безусловно подчиняются тѣмъ предписаніямъ Церкви, какія она выработала, и нимало не сомнѣваются въ правоспособности Церкви распоряжаться какимъ бы то ни было имуществомъ по ея собственному усмотрѣнію. Мало того: вправѣ ли и внѣшнее jus civile отказывать Церкви въ этой правоспособности? Вправѣ ли и государственное право отказывать въ ней Церкви? Христіанское государственное управленіе Византіи совершенно признало за Церковью эту правоспособность. Западныя христіанскія государства также; наше русское государство также. Только въ новѣйшее время тутъ и тамъ стали раздаваться голоса: не подвергнуть ли церковныя и монастырскія имущества контролю и управленію государства? Не внести ли и въ имущество и въ доходы Церкви общую государственную регламентацію? Не преобразовать ли и способъ употребленія и пользованія церковными доходами и имуществами по гражданскимъ нормамъ

статьи XV тома о святотатствѣ. Откуда явились здѣсь опредѣленія сущности, свойствъ и подраздѣленія церковныхъ лицъ (собственниковъ) и предметовъ (церковныхъ) и т. п., какъ не изъ каноническаго права?

(напр. назначить священнослужителямъ жалованье, ввести государственныя таксы за требоисправленія и т. п.)? Конечно, отчего не сдѣлать этого: но будетъ ли это справедливо? Не будетъ ли это явнымъ рѣзкимъ попраніемъ того принципа гражданскаго права, по которому гражданинъ частнымъ своимъ правомъ можетъ дѣйствовать по полной своей волѣ, слѣдовательно и отчуждать его отъ себя кому угодно? Не нарушится ли тогда этотъ принципъ и по отношенію къ лицу, въ пользу Церкви отчуждающему свою собственность, и по отношенію къ Церкви, на которую перешло отчужденное собственное право? Какой отвѣтъ дастъ то государственное или гражданское законодательство, которое задумало бы напр. лишить священнослужителей права на доходы, составляющіеся изъ добровольныхъ приношеній прихожанъ — отвѣтъ на заявленіе Церкви, что это право священнослужителей — божественное право: „ибо *законъ Божій* постановилъ, да служащія алтарю отъ алтаря питаются“ (Апост. пр. 41)?

Итакъ, Церковь Христова, каѳолическая и Апостольская, въ своемъ свойствѣ Божественнаго Установленія, видимо являющаяся какъ религіозное общество или совокупность религіозныхъ обществъ, имѣетъ совершенную правоспособность и существенную необходимость охранять и развивать свое особенное право. Изъ разсмотрѣнія только существа ея, цѣли и назначенія въ человѣческомъ родѣ можно уже усмотрѣть по крайней мѣрѣ общее содержаніе и общія начала ея права публичнаго, ея дисциплины и ея имущественнаго права. Историческое же изученіе памятниковъ (источниковъ) этого права совершенно оправдаетъ это апріорное усмотрѣніе. Это — божественное право Церкви, всегда остающееся неизмѣннымъ въ своихъ принципахъ, есть особый родъ

въ общемъ понятіи права, и самымъ пригоднымъ искусственнымъ терминомъ для обозначенія его по сравненію съ правомъ, производимымъ государствомъ, служитъ, по нашему мнѣнію, jus canonicum.

Собственно церковное право—jus canonicum, есть неизмѣнная принадлежность Церкви, постулятъ ея земного существованія. Чѣмъ обособленнѣе отъ jus civile истолковывается оно, тѣмъ лучше. Толкованіе его, совершающееся подъ вліяніемъ юридическихъ доктринъ, обезличеніе его, сглаживаніе его родовыхъ, индивидуальныхъ свойствъ и формъ намѣреніемъ сблизить съ свойствами и формами дѣйствующаго гражданскаго права, вмѣсто гармоніи между Церковію и государствомъ, приведетъ къ взаимному извращенію существа и той и другого и вмѣсто усиленія благотворнаго вліянія Церкви на государство и нравы подданныхъ совсѣмъ парализуетъ силу ея. Нѣтъ, не въ служеніе *государствамъ* создана Церковь Христова, а на благо *человѣческаго рода*, не въ тѣсные національные или политическіе предѣлы заключена она, а назначена дѣйствовать тутъ и тамъ, въ государствахъ и народахъ. Какъ корабль, плавающій по обширному океану, заключенный въ себѣ, оснащенный, снаряженный, имѣющій множество пассажировъ, управляемый искуснымъ кормчимъ, крѣпко и вѣрно направляющимъ корабль къ одной пристани, несмотря на вздымающіяся волны, въ непрерывномъ движеніи живетъ Церковь Христова въ этомъ мірѣ. Соприкасаясь съ народами и государствами, воспринимаетъ она въ корабль свой большее и большее число послѣдователей. Представителей какихъ національностей нѣтъ въ ея кораблѣ! Но всѣ они, вступивъ въ корабль, сродняются другъ съ другомъ: нѣтъ между ними разногласія относительно направленія плаванія: ибо правитъ самъ Христосъ

и кормило Его правленія есть тотъ божественный законъ, который ясенъ и близокъ каждому члену Церкви Христовой: это есть Божественное Писаніе и догматы и правила соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ. Таково по крайней мѣрѣ воззрѣніе Христовой Православной Русской Церкви, выраженное въ слѣдующихъ словахъ ея корпуса канонического права—Кормчей Книги: „Якоже въ кораблеплавательномъ художествѣ чувственнаго мира паче инѣхъ плавающимъ нужнѣйше есть кормничество, имъ же вящше и спасаются плавающіи, окормленіемъ изящнаго художника: сице и въ настоящемъ міра сего мори въ художествѣ кораблеплавательномъ божественнаго писанія паче инѣхъ плавающимъ въ кораблі, глаголю же въ Христовѣ Церкви нужнѣйше и потребнѣйше есть кормничество, сирѣчь божественные догматы: рекше святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ седьми вселенскихъ соборъ и девяти помѣстныхъ преданія, яже есть предложенная правила въ сей книзѣ, ими же купно наставляются и спасаются вси плавающіи въ мори житія сего, окормленіемъ истинныхъ художниковъ, глаголю же пастырей и учителей и преплаваютъ удобно и легцѣ, пучины же и заверты отъ нечистыхъ духовъ возмущаемыя, яже есть всякія страсти въ насъ воздвизаемыя отъ нихъ душевныя же вкупе и тѣлесныя, и преводятся въ пристанища тихая и небурная—вѣчнаго блаженства горняго Іерусалима. Сего ради сія божественная книга, по опасному ея художеству и по обрѣтаемому нами въ ней разуму въ лѣпоту и достойно получи наименованіе си кормчая“. [1]) Такого же воззрѣнія на свое положеніе въ мірѣ и назначеніе сво-

[1]) „Описаніе книзѣ сей, глаголемой Кормчей, къ любезнымъ читателемъ“ Кормчая л. хмк изд. 1653 г.

его каноническаго права держится и вся Восточная Православная Церковь, какъ въ этомъ можно удостовѣриться изъ первыхъ листовъ ея кормчей книги или пидаліона. [2]).

Но духовно нравственный организмъ Церкви является во внѣ, какъ религіозное общество, или какъ федерація многихъ обществъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нѣкоторыя изъ этихъ обществъ подъ вліяніемъ своихъ національныхъ свойствъ или подъ вліяніемъ политическаго своего положенія въ государствѣ и въ свое религіозное общеніе привнесутъ нѣкоторыя особенныя черты и тѣмъ отличатъ себя отъ другихъ обществъ, единыхъ съ ними въ церковномъ отношеніи: напротивъ, весьма естественно и совершенно необходимо единая по существу Церковь Христова, Апостольская и каѳолическая, въ исторической жизни своей является какъ совокупность не только помѣстныхъ, но и національныхъ помѣстныхъ церквей, даже помѣстныхъ *государственныхъ* церквей. То, что сообщаетъ отдѣльнымъ церковнымъ обществамъ или частямъ Вселенской Церкви мѣстный (и временной) отпечатокъ національный или государственный,—это публичныя и частныя права, даруемыя ей государствомъ. Смотря на исповѣдника Христовой Церкви своими глазами, съ своей точки зрѣнія, государство можетъ придать церковнымъ учрежденіямъ напр. характеръ публичныхъ корпорацій, одарить служителей Церкви правами чиновниковъ своей государственной службы, обезпечить исполненіе законовъ ея, ея администра-

---

[2]) См. „Πηδαλιον της νοητης νηος, της μιας, αγιας, καθολικης και αποστολικης των ορθοδοξων εκκλησιας (Кормило мысленнаго корабля Единой Святой, Каѳолической и Апостольской Церкви православныхъ) первыя страницы.

тивныхъ мѣропріятій и ея судебныхъ приговоровъ гарантіею своей государственной власти; можетъ ея учрежденіямъ, владѣющимъ имуществомъ, придать права лицъ юридическихъ, одарить ихъ льготами и привиллегіями и т. п. Церковь не имѣетъ никакихъ основаній отказываться отъ такого пожалованія государства: это благосклонное отношеніе къ ней государственной власти напротивъ для нея желательно и только облегчаетъ успѣхъ ея божественной миссіи въ человѣчествѣ. Боязнь, что облекшись этими мірскими и государственными привиллегіями, Церковь утратитъ свой духовно-нравственный и независимый характеръ, превратится въ „государство-церковь"—напрасная боязнь. Учебное или ученое учрежденіе нисколько не перестаетъ быть таковымъ въ своей сущности оттого, что государственная власть сообщаетъ ему свойство и привиллегіи государственнаго учрежденія, его начальство и преподавателей одаряетъ правами и честью своихъ государственныхъ чиновниковъ: тѣмъ болѣе это должно сказать о Церкви, которая имѣетъ въ себѣ столько внутренняго духа и силы, что эти внѣшнія привиллегіи, эта, такъ сказать, внѣшняя оболочка и украшеніе корабля ея никогда не въ состояніи извратить ея истиннаго характера.

Тѣмъ не менѣе эти внѣшнія права помѣстныхъ церквей, служащія выразителями отношеній къ нимъ тѣхъ или иныхъ государствъ налагаютъ на нихъ нѣкоторыя иногда довольно рѣзкія черты отличія одной отъ другой. Эти отличія естественно составляютъ *особенное*, помѣстное *церковное право*: это право хотя и церковное, потому что принадлежитъ Церкви, но существенно отлично отъ общаго церковнаго права, какъ исходящее не изъ самой Церкви, а отъ государства и не имѣющее такой устой

чивости и постоянства, какъ первое, но подверженное случайностямъ, колебаніямъ, измѣненіямъ.

Вслѣдствіе сего право каждой помѣстной церкви въ каждый данный моментъ составляется изъ двухъ главныхъ частей: общаго церковнаго или *канонического* права и права государственнаго и гражданскаго, и заключается въ канонахъ и законахъ или въ номоканонѣ.

Такъ опредѣляется существо и характеръ церковнаго права теоретически—изъ разсмотрѣнія существа самой Церкви. Въ какой мѣрѣ государственная политика европейская, законодательство, наука юридическая признавали и признаютъ такое положеніе Церкви среди государства и въ государствѣ—это видно будетъ изъ предлагаемаго далѣе краткаго историческаго очерка отношеній между Церковію и государствомъ отъ основанія Церкви до настоящаго времени.

§ 3. [1])

Положеніе Церкви въ государствѣ и взаимное между ними отношеніе.

Церковь и государство въ первые три вѣка по Рождествѣ Христовѣ; реформа Св. Равноапостольнаго Константина Великаго. Церковь среди германскихъ народовъ. Превосходство Церкви надъ государствомъ въ Средніе вѣка. Постепенное возрастаніе государственнаго могущества—и преобладанія надъ Церковью. Kirchenhoheit. Полицейское государство. Галликанизмъ. Новѣйшія теоріи.

Установляя свою Церковь въ родѣ человѣческомъ на всѣ времена, Господь не преподалъ ученикамъ Своимъ какой либо готовой системы принциповъ опре-

[1]) Этотъ параграфъ составленъ по *Шереру: R. von Scherer*, Handbuch des Kirchenrechts. Graz, 1885. B. 1 § 10-14.

дѣляющихъ отношеніе Церкви къ государственной власти. Онъ заповѣдалъ ученикамъ своимъ отдавать предпочтеніе душѣ предъ тѣломъ, страхъ Божій предпочитать страху человѣческому, оказывая при этомъ искреннее уваженіе существующей въ данное время формѣ государственнаго правленія. Въ исполненіи своего мессіанскаго призванія самъ Онъ дѣйствовалъ свободно, заповѣдалъ и Апостоламъ своимъ продолжать Его дѣло въ Его духѣ и предсказывалъ имъ со стороны свѣтской власти не защиту, а преслѣдованіе.

Лишенная помощи государства, даже запрещенная законами господствовавшаго надъ міромъ римскаго царства, Церковь въ теченіе первыхъ вѣковъ распространялась однакоже непрерывно и спокойно. Апостолы и ихъ послѣдователи вполнѣ признавали существующія власти, распоряженіямъ ихъ сами оказывали повиновеніе и учили тому же и своихъ послѣдователей, требуя отъ нихъ молитвъ за царя и властей, государственными учрежденіями пользовались какъ въ интересахъ Церкви, такъ и въ своихъ собственныхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждали словомъ и писаніями преимущество слова Божія предъ заповѣдями человѣческими, свободу совѣсти, вѣры, проповѣди, Богопочитанія и всей христіанской жизни.

По законамъ *Римскаго государства* христіанская религія была только терпима какъ іудейская секта и пріобрѣтать послѣдователей внѣ іудейскаго народа ей было запрещено; позднѣе—христіанство стало терпѣть ненависть къ себѣ со стороны римлянъ, какую они питали къ іудеямъ, стало почитаться государственно опаснымъ, враждебнымъ человѣчеству суевѣріемъ, даже прямо безбожіемъ и магіею. Съ точки зрѣнія публичнаго права Церковь подлежала осужденію какъ тайное сообщество, но христіане,

какъ частныя лица, на основаніи римскаго законодательства о частныхъ обществахъ, могли пользоваться правами дозволенныхъ коллегій, въ особенности обществъ, владѣвшихъ усыпальницами для погребенія своихъ сочленовъ. Въ этомъ качествѣ частныя церкви могли пріобрѣтать имущество, но сама христіанская религія—какъ послѣ, такъ и прежде этого,—оставалась запрещенною и всегда терпѣла жестокое преслѣдованіе. Но враждѣ государственной власти противъ требованій христіанства отвѣтъ христіанъ былъ всегда одинъ—страданіе.

Значеніе Константина Великаго заключается въ томъ, что обращеніе его къ христіанству (312 г.) не ограничилось его лицомъ, и его семействомъ, но христіанство признано было имъ оффиціально, даже возведено на степень государственной религіи, такъ что на будущее время преслѣдованіе христіанской религіи сдѣлалось даже политическою невозможностью. При этомъ императоры не могли обойтись безъ того, чтобы не приложить съ своей стороны покровительства христіанской религіи, такого, какое оказывали цезари язычеству, привиллегіи языческой религіи перенести на каѳолическую церковь, какъ на религію государственную и исполненіе церковныхъ законовъ—будь это законы вѣры или дисциплины, гарантировать государственною властью такъ, какъ будто это санкціонированные государственные законы.

Христіанство сдѣлалось господствующею религіею, и язычество, такъ же какъ и ересь, стали почитаться государственнымъ преступленіемъ.

Но при этомъ императоры не всегда противостояли искушенію управлять по своему усмотрѣнію не только внѣшними, но даже и внутренними, касающимися вѣры, дѣлами церкви, которую они почита-

ли государственнымъ учрежденіемъ. Противъ такого захвата—такъ называемаго Византизма—раздавались громкіе голоса, отдававшіе предпочтеніе прежней внутренней свободѣ при внѣшнемъ гоненіи теперешнему царству несвободной церкви. Не заходили такъ далеко папы; они не стремились къ совершенному раздѣленію церкви и государства, предоставляли правительству интересоваться церковными дѣлами, но не забывали напоминать императорамъ, что въ духовныхъ дѣлахъ они сами должны подчиняться высшему авторитету и свои мѣропріятія должны установлять по нормѣ божественныхъ и церковныхъ заповѣдей. Посему императоры имѣютъ долгъ помогать перкви, но не право давать ей законы.

Нація, начавшая въ концѣ V вѣка выступать на первое мѣсто въ ряду народовъ Западной Европы—*Германцы*, раздѣленные на многія племена, обязаны были благодарностью церкви не только за свою вѣру, но и за свою цивилизацію. Авторитетъ церкви коренился въ духовномъ превосходствѣ культуры, ею покровительствуемой; въ религіозномъ сознаніи народовъ она почиталась сверхъестественною и божественною. Церковь должна быть сильна, ея служители быть почетными и богатыми, ея предписанія должны приводиться въ исполненіе свѣтскою властію. Отдѣльныя княжества германцевъ возрастали христіанскими цѣлыми. Главою всей церкви всѣми католическими князьями почитался Римскій папа.

Въ Вестготскомъ какъ и въ Меровингскомъ государствахъ уже рано возникло то внутреннее *побратимство* свѣтской и церковной власти, вслѣдствіе котораго одна поддерживая другую преслѣдовали одинъ и тотъ же путь, путь, который указываетъ церковь, а строитъ князь. Въ созваніи и открытіи соборовъ, въ поставленіи епископовъ король

принималъ живое участіе; послѣднее въ *Испаніи* уже весьма рано онъ почиталъ даже своимъ правомъ. Во *Франціи* епископы и аббаты получили важное политическое вліяніе, были государственнымъ сословіемъ, несли тягости его, оберегали отъ господъ земельныя помѣстья, отнимали у нихъ и снова возвращали ихъ владѣльцамъ. Въ каролингское время окрѣпъ феодализмъ и оказалъ свое вліяніе и на упроченіе положенія новыхъ прелатовъ въ государствѣ чрезъ присягу на вѣрность королю. Прежній законъ политическаго устройства, чтобы на одномъ и томъ же собраніи разсматривались и были рѣшаемы церковныя и мірскія дѣла и спорные вопросы въ области церковнаго права рѣшалъ судъ, составленный изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, — скоро уступилъ мѣсто выдѣленію церковныхъ тяжбъ изъ юрисдикціи свѣтской власти. Король публиковалъ опредѣленія соборовъ, какъ свои собственныя постановленія (capitularii); онъ самъ и его чиновники помогали и содѣйствовали епископамъ въ приложеніи ими ихъ юрисдикціи. Епископъ служилъ государству своимъ совѣтомъ, своимъ надзоромъ и своимъ судомъ, но поставленіе епископовъ во франкскомъ и нѣмецкомъ государствахъ никогда не было церковно-признаннымъ правомъ королей. — Положеніе, что клирикъ не можетъ быть судимъ міряниномъ, постепенно, особенно благодаря Псевдоисидору, пріобрѣло характеръ аксіомы.

Судить Римскаго папу не отваживался даже сильный остготъ Ѳеодорихъ, хотя онъ былъ аріанинъ, и ничего не могъ сдѣлать противъ торжественнаго устраненія мірской власти отъ всякаго вмѣшательства въ духовныя и даже и въ церковныя матеріальной природы дѣла. Византійскіе императоры потеряли всякое политическое вліяніе на отношенія

Италіи, когда явился ихъ стражемъ папа, глава богатой имуществами римской церкви. Съ вытѣсненіемъ и окончательнымъ пораженіемъ лонгобардовъ и отреченіемъ побѣдоносныхъ франковъ изъ каролингскаго дома отъ управленія римскою землею, самостоятельность, хотя еще и не суверенитетъ римскаго папы въ области подаренной римской церкви признана была сама собою. Политическія и религіозныя соображенія соединялись на томъ, чтобы каролинги стояли въ особенной близости къ апостольскому престолу и побуждали ихъ не только укрѣплять власть папы въ *Италіи*, но и покровительствовать и осуществлять реформу церкви во Франціи и ея организацію въ *Германіи* въ духѣ внутренняго единенія всѣхъ церквей съ Римомъ.

Долгъ христіанскаго князя защищать Церковь. Патриціемъ римскимъ былъ еще Карлъ Мартеллъ также и Пипинъ Малый; Карлъ Великій объявилъ себя императоромъ Римской имперіи и въ этомъ качествѣ коронованъ былъ папою Львомъ III въ день Рождества Христова 800 г. Идея этого императорства была та, чтобы установить и поддерживать единство царства Христова на землѣ. Всѣ народы должны образовать великую семью, общество, которое должно обнимать всѣхъ католиковъ такъ, что въ цѣломъ христіанствѣ папа есть глава духовный, а императоръ—свѣтскій. Императоръ и папа обязаны взаимною вѣрностію; папа стоитъ подъ особенной защитой императора; онъ есть защитникъ права; онъ не вассалъ папы, однакоже первый служитель Церкви, призванный защищать дѣло христіанства; не управлять Церковію, но снабжать ее своею сильною помощью. Средніе вѣка чтили борьбу съ невѣрными и не знали терпимости. Кто живетъ не въ союзѣ съ Церковію, тотъ не имѣетъ юридическаго

положенія и въ свѣтскомъ царствѣ; наоборотъ, враги царства суть и враги Церкви. Опасность, что императорство сдѣлается господствующей надъ міромъ универсальной монархіей, весьма близкая при Карлѣ Великомъ и Оттонѣ, со стороны папъ была сознана и предотвращена.

Что придворный клиръ, во многихъ отношеніяхъ зависимый отъ свѣтской власти, не ощущалъ никакой потребности высоко держать церковную свободу—это понятно. Но и франкская *реформаціонная* партія была не въ состояніи сдерживать наступавшаго упадка церкви. Тѣсная связь политическихъ преимуществъ (иммунитеты) съ церковною службою имѣла слѣдствіемъ съ одной стороны все шире и шире охватывавшее церковь омірщеніе, съ другой—притѣсненіе ея со стороны фогтовъ, объявлявшихъ себя господами, какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ. Григорій VII, благодаря своему строгому характеру, побѣдоносно провелъ реформу Церкви и ея освобожденіе отъ свѣтской власти, несмотря на противодѣйствіе многихъ современниковъ, и обезпечилъ позднѣйшую полную побѣду папства. Руководящія идеи его системы были слѣдующія: 1) свобода Церкви: мірская инвеститура, дающая просторъ симоніи, есть совершенно противозаконное явленіе; замѣщеніе папскаго и епископскаго престоловъ должно совершаться строго канонически; 2) полное обезпеченіе фактически уже существовавшихъ преимуществъ Церкви и отдѣльныхъ церковныхъ институтовъ, преимущественно экземціи и иммунитета клира, судить который мірянину не принадлежитъ никакого права; 3) подчиненіе свѣтскихъ князей суду Церкви, какъ слѣдствіе духовнаго верховенства (Superioritat) Церкви надъ несравненно низшими ея государственными учрежденіями.

Относительно того, что Церковь имѣетъ преимущество предъ государствомъ въ принципѣ, согласны были тогда всѣ: даже императоръ почиталъ себя обязаннымъ исполнять рыцарское служеніе папѣ. Но далеко не было такого согласія въ опредѣленіи нравственнаго достоинства государства, которое нерѣдко почиталось только требованіемъ горькой необходимости, даже учрежденіемъ, возникшимъ вслѣдствіе обольщенія діавола. Абсолютизмъ государственныхъ полномочій, собственно говоря, былъ чуждъ средневѣковымъ воззрѣніямъ, именно поколику они свободны были отъ вліянія римскаго права; князь получалъ свою власть отъ народа, общая воля котораго и почиталась нерѣдко источникомъ его власти. Но вмѣстѣ съ тѣмъ князь былъ—князь *Божіею милостію*, въ той мѣрѣ какъ онъ долженъ былъ дѣйствовать своимъ правомъ и охранять справедливость во имя Бога и слѣдуя Его заповѣдямъ. Здѣсь основаніе того, почему свѣтскіе законы обязательны и требуютъ къ себѣ послушанія не только за страхъ, но и за совѣсть. Нѣсколько позднѣе пытались точнѣе въ теоріи опредѣлить природу княжеской власти. Въ основѣ—она божественнаго происхожденія: это несомнѣнно; но въ объясненіи пути, какимъ она достигается государемъ, существовало рѣзкое разногласіе: по одному взгляду (вельфовъ) она такова—чрезъ ея происхожденіе отъ власти, данной Петру, чрезъ сообщеніе князьямъ меча папою; по другому, такъ называемому гибеллинскому взгляду, княжеская власть сама по себѣ непосредственно божественна, и князь имѣетъ мечъ отъ Бога чрезъ выборъ его или вообще чрезъ законное полученіе княжества, а не чрезъ папу или отъ папы.

Но разъ вопросъ о происхожденіи свѣтской власти уже поставленъ былъ на религіозную точку зрѣ-

нія, возвышеніе церковной власти въ политическихъ дѣлахъ было необходимою послѣдовательностію. Если Церковь признается вообще защитницею религіи и правовъ, то она не можетъ признать раздѣленія и раскола данной ей отъ Христа сверхъестественной власти, она твердо охраняетъ единство этой власти, а отсюда вытекаетъ заключеніе, что Петръ получилъ власть не только надъ всѣми людьми, но и во всѣхъ отношеніяхъ, что хотя папа всегда давалъ и дастъ князьямъ этотъ свѣтскій мечъ, однакожъ въ интересахъ единства и порядка онъ всегда удерживаетъ за собою право какъ наблюдать, такъ и руководить употребленіемъ этого меча. Но и независимо отъ этихъ болѣе теоретическихъ соображеній, власть Церкви въ высшей точкѣ своего развитія въ XII—XIII вв. была фактически универсальною. Правда, древній принципъ, что свѣтскіе законы не имѣютъ значенія въ церковныхъ дѣлахъ, de facto потерпѣлъ ограниченіе, поколику сама Церковь усвоила нѣкоторыя опредѣленія свѣтскаго, въ особенности римскаго права, слѣдствіемъ чего и явилось одобреніе многихъ по существу чисто свѣтскихъ законовъ, особенно послѣ того какъ церковь значительно расширила кругъ дѣлъ, подчиненныхъ ея юрисдиціи. Но если церковь прилагала вообще масштабъ христіанской нравственности къ отдѣльнымъ свѣтскимъ законамъ и княжескимъ мѣропріятіямъ, то было весьма обыкновеннымъ явленіемъ, что въ безчисленныхъ случаяхъ съ церковной стороны подвергалось сомнѣнію и было отрицаемо вмѣстѣ съ нравственною доброкачественностію и юридическое значеніе и обязательность государственныхъ актовъ. За это время апостольскій престолъ исполнялъ должность высшаго ареопага князей и народовъ, и въ рѣшеніи возникавшихъ спорныхъ вопросовъ усматривалъ не

столько приложеніе своихъ примирительно посредническихъ полномочій, сколько изліяніе собственной, верховной данной Петру пастырской власти. Если римскій папа въ вѣрованіи народовъ пользовался всецѣло и свободно правомъ разрѣшать отъ клятвы, то легко могло случаться, что онъ въ данномъ случаѣ разрѣшалъ подданныхъ и вассаловъ отъ того отношенія къ князьямъ и господамъ, которое покоилось на присягѣ личной вѣрности, а отсюда оставался только шагъ до добровольнаго отреченія князя.— Если, наконецъ, обратить вниманіе на очень длинный рядъ земель, которыя стояли не подъ властію римскаго императора, а непосредственно подъ властію римскаго папы и ему платили подати, то едва ли, повидимому, можно и представить еще дальнѣйшее расширеніе церковной власти, по сравненію съ тѣмъ, какое она имѣла уже въ дѣйствительности. О государственной самостоятельности едва ли и могла быть рѣчь, а если иногда и высказывалось признаніе ея, то это высказываніе имѣло въ высшей степени теоретическій характеръ, чтобы обращать на себя какое либо вниманіе.

Непосредственность отношенія между государствомъ и церковію, покоящаяся на чувствѣ взаимнаго уваженія и помощи, не мало пострадала отъ схоластически-холоднаго изслѣдованія позднѣйшихъ временъ. Приверженцы какъ той, такъ и другой системы забыли, что защищаемому дѣлу ничто такъ не вредитъ какъ безмѣрное *преувеличеніе*. Абсолютизмъ власти римскаго папы выставленъ былъ въ качествѣ догмы, константиновское пожалованіе служило документомъ, изъ котораго выводили оправданіе папскаго мірового господства; въ полномъ ходу были сравненія церкви и государства съ душею и тѣломъ, небомъ и землею, солнцемъ и луною; схоластическое безвку-

сіе увлекалось вычисленіями на основаніи этихъ сравненій, на сколько церковная власть болѣе власти государства [1]). Идея императорства падала въ уваженіи въ особенности отъ школьныхъ споровъ. Между тѣмъ какъ одни на мѣсто христіанской пытались призвать къ жизни языческую абсолютную римскую императорскую власть и именно изъ нея производили право на господство надъ цѣлымъ міромъ, другіе видѣли въ императорствѣ только даръ, уступку со стороны Церкви. Спорили о томъ, было ли коронованіе 800 г. передачею божественной власти или простою реновацією, обновленіемъ прежней императорской власти? сдѣлалось ли оно привиллегіею нѣмецкой націи? было ли обезпечено право свободнаго выбора нѣмецкаго короля, а за папою только право оцѣнивать и одобрять выборъ, или же и право выбора курфюрстами также папскаго происхожденія? Спорили о моментѣ времени, въ который получается императорская власть, о природѣ помазанія и коронованія, о правѣ папы подвергать императора отлученію только по извѣстнымъ основаніямъ или и безъ основанія? Спорили объ отношеніи къ Италіи и о правѣ поставленія императорскаго викарія. Коронованія императоровъ становились рѣже, путешествіе въ Римъ являлось бременемъ, древній блескъ величественнаго императорства потускнѣлъ... Фактически и юридически императоръ отступилъ на задній планъ; въ качествѣ единственнаго главы христіанства католическому міру являлся только папа.

---

[1]) Глосса къ словамъ inter solem et lunam папы Иннокентія III присоединила поясненіе, что достоинство папы въ 47 или 57, или $7744^1/_2$ раза болѣе достоинства короля. Scherer S. 40 примѣч. 37.

Споръ о границахъ между государствомъ и церковію въ Средніе вѣка былъ такъ распространенъ, что не было страны, въ которой церковная и свѣтская власти не принимались бы вновь и вновь мѣряться силами то въ большей, то въ меньшей борьбѣ. Часто дѣло шло объ охраненіи церковнаго права, еще чаще о пріобрѣтеніи церковныхъ преимуществъ. Рѣдко отдѣльный споръ оканчивался рѣшительною побѣдой; обыкновенно онъ вызывалъ только потребность для окончательнаго успокоенія въ заключеніи конкордата, соглашенія. При религіозныхъ смутахъ наиболѣе пострадала Германія. Слабое правленіе Людовика Баварскаго, возлагавшаго всѣ надежды свои на борьбу литературнымъ силами, дало поводъ положеніе нѣмецкаго королевства, вопреки притязаніямъ находившихся во французскомъ плѣнѣ папъ (1305—1376), опредѣлить въ деклараціи Курфиршескаго союза въ Рензѣ (1338) и въ золотой буллѣ (1356). Утвержденіе приверженцевъ Людовика: всякая церковная и папская власть исходитъ отъ императора, — образуетъ прямую противоположность ученію куріалистическихъ писателей; въ то же время какъ разъ вмѣстѣ съ императорствомъ пало въ общественномъ мнѣніи и папство, и духовныя наказанія папъ какъ и антипапъ (1378—1448) утратили прежнее страшное дѣйствіе.

Самою церковію съ любовію взлелѣянное римское право превратилось въ сильное оружіе въ борьбѣ противъ церковныхъ преимуществъ, къ которой привело образованіе самостоятельныхъ территоріальныхъ владѣній. Города нерѣдко запирали свои ворота предъ привиллегированнымъ клиромъ. Французское королевство ограничило приложеніе церковной юрисдикціи; постепенно развились основныя начала

права государственнаго величества по отношенію къ церкви. Власть государства возрасла; какъ расцвѣтъ ея возникли: placet, аппелляція отъ церковныхъ судебныхъ учрежденій къ свѣтскимъ, запрещеніе церковныхъ цензуръ, законы амортизаціи. Въ концѣ XV в. никто уже не мыслилъ, что государственная власть исходитъ чрезъ посредство папы. Религіозная точка зрѣнія уступила мѣсто политической. — Къ этому присоединилась вражда противъ клира, которая теперь съ вторженіемъ гуманизма и съ необузданнымъ сектантскимъ духомъ перешла въ ненависть противъ церкви, даже часто въ презрительное отношеніе къ самой христіанской религіи.

Государственно законнымъ признаніемъ *протестантизма* и именно Аугсбургскаго вѣроисповѣданія въ религіозномъ мирѣ въ Пассау 1552 г. и Аугсбургѣ 1555 и затѣмъ реформатскаго исповѣданія въ Вестфальскомъ мирѣ 1648 г. получила смертельный ударъ идея, лежавшая въ основѣ священной Римской имперіи, защиты католической религіи и церкви всякимъ путемъ. Протестъ папы Иннокентія X имѣлъ въ этомъ отношеніи столь же мало значенія, какъ не могъ и измѣнить чего либо въ односторонне-государственномъ распоряженіи о церковныхъ учрежденіяхъ и имуществахъ. Королевство Германіи низвело оставленную въ выборныхъ капитуляціяхъ адвокацію католической церкви до простого титула, до безсодержательной формы.

Окрѣпшее національное самосознаніе политически объединенной Франціи энергически отстраняло всякую, даже не прямую, власть церкви въ свѣтскихъ т. е. въ политическихъ дѣлахъ. *Галликанизмъ* представлялъ достопримѣчательное смѣшеніе чувства церковной свободы и государственнаго абсолютизма; онъ болѣлъ противонравственной ненавистью къ сильной

папской власти и покорностью предъ предписаніями государства въ церковныхъ вещахъ. Парламентъ присвоилъ государственному управленію право надзора (droit de surveillance) и дѣятельнаго участія (droit de l' influence). Въ частности церковная юрисдикція была ограничена, сдѣлано было обязательнымъ королевское одобреніе (placet, pareatis) для допущенія папскаго нунція, для принятія папской диспозиціи, для публикаціи церковныхъ законовъ, для замѣщенія высшихъ должностей, для удаленія прелатовъ изъ страны; наконецъ, установлена была апелляція отъ духовныхъ судей къ общему государственному суду (appel comme d'abus).

Образованіе абсолютной княжеской власти и въ другихъ государствахъ вело къ подобнымъ мѣропріятіямъ. *Испанское* королевство въ инквизиціи обладало церковно признаннымъ средствомъ приводить подъ предлогомъ ревности о чистотѣ вѣры не только мірянъ, но и знатныхъ прелатовъ къ безусловному повиновенію государству.

Въ *Германіи* развитію, какъ полицейскаго государства, такъ и верховнаго государственнаго права по отношенію къ церкви немало способствовало научное изслѣдованіе государственно-церковнаго *протестантскаго* права. По *епископальной системѣ* юрисдикція епископовъ надъ протестантами законами государственными была отмѣнена и перешла на ландхерровъ (мѣстныхъ государей), и такимъ образомъ возникло мѣстногосударственное высшее епископство. По *территоріальной* системѣ управленіе дѣлами религіи и церкви входило въ сущность церковныхъ правъ мѣстнаго государя; — по менѣе вліятельной *коллегіальной системѣ* верховное право по отношенію къ церкви содержалось въ основахъ церковной власти (jura sacrorum), переносимой отъ

общины на князя. Католическіе князья въ разсужденіи своихъ правъ мѣстныхъ государей по отношенію къ дѣламъ своего исповѣданія (jure majestatica circa sacra) никакимъ образомъ не хотѣли стоять позади и ниже протестантскихъ князей, и опирались на свою верховную власть надъ территоріею. При этомъ подверглось совершенному извращенію возникшее изъ древней государственной *обязанности* защиты *государственное право* защиты религіи; его стали толковать какъ государственное управленіе церковными отношеніями и какъ защиту гражданъ противъ церковныхъ мѣропріятій.

Галликанизмъ, производившій глубокое вліяніе на умы и прославленіемъ древней церкви и ея права, получилъ черезъ фанъ Эспена широкое распространеніе въ Бельгіи и Германіи и былъ преобразованъ Николаемъ Гонтеймомъ въ такъ называемый Фебронianизмъ. Феброній шелъ далѣе сейчасъ указанныхъ теорій юристовъ государственнаго права; поколику онъ выставлялъ требованіе, что князья должны своимъ общественнымъ оффиціальнымъ авторитетомъ измѣнять законами опредѣляемое устройство самой Церкви; его система носила зародышъ смерти въ себѣ самой, такъ какъ лишала галликанизмъ жизненнаго начала — національной идеи. Его твореніе государственнымъ канонистамъ доставляло только благопріятное, снабженное историческою эрудиціею обоснованіе положеній своихъ доктринъ.

Итакъ, государство абсолютно и не можетъ на своей территоріи терпѣть ничего самостоятельнаго; послѣднее было бы „государствомъ въ государствѣ“. Полицейской власти государства принадлежитъ задача оберегать благо государства всякимъ способомъ. При этомъ для нея имѣетъ значеніе аксіомы положеніе: государственному благу рѣшительно не

можетъ вредить истинная религія, справедливая церковная норма, богоугодный образъ дѣйствованія. Если теперь въ томъ или другомъ отношеніи замѣчается фактическое уклоненіе,—право, равно какъ и обязанность государя, исправить необходимое, не стѣсняясь представляющимся религіознымъ сомнѣніемъ. Христіанство и церковь созданы для государственной цѣли, они должны существовать и процвѣтать какъ важныя средства полиціи.—Въ частности въ понятіи *верховнаго права по отношенію къ церкви* (Kirchenhoheit) заключаются: 1) полное дѣйствованіе *государственнаго права* во всѣхъ отношеніяхъ касательно церковныхъ институтовъ и лицъ, находящихся въ предѣлахъ государства: государство отнимаетъ или жалуетъ иммунитетъ, производитъ судъ по своимъ законамъ; власть церкви не простирается на государственную, именно на внѣшнюю область, верховная собственность (dominium eminens) въ церковномъ имуществѣ принадлежитъ государству, откуда вытекаетъ его право не только налоговъ, но и управленія и даже секуляризаціи. 2) Право предпринимать необходимыя *предварительныя мѣры*, чтобы предотвратить по возможности ущербъ государственнаго интереса, наносимый со стороны церковныхъ органовъ (jus cavendi). Истинный верховный надзоръ требуетъ, чтобы каждое церковное постановленіе было предварительно одобрено, по поводу каждаго церковнаго мѣропріятія дозволено было подавать государству просьбу о помощи, какъ гарантіи права (appellatio ab abusu), сношеніе съ иностранцами должно подвергать надзору и ограничивать, составлять уставы для монастырей, установлять праздничные дни и церемоніи, изданіемъ законовъ объ амортизаціи положить препятствіе къ увеличенію богатства путемъ наслѣдованія имуще-

ствъ умершихъ частныхъ лицъ, при постановленіи церковныхъ чиновниковъ правительству принадлежитъ право дѣлать исключеніе изъ списка кандидатовъ. 3) Государство обезпечиваетъ за церковію свою особенную защиту и осуществляетъ это право (jus protectionis, ошибочно advocatiae) чрезъ свои учрежденія, церковные совѣты, консисторіи и т. п.; церковныя учрежденія должны довольствоваться только привиллегіями, даруемыми несовершеннолѣтнимъ, отчужденіе церковнаго имущества не дѣйствительно; нарушеніе должнаго почитанія Бога и Церкви стоитъ подъ запрещеніемъ государственныхъ законовъ; вѣра и нравственность обязательны, но при этомъ очищаются отъ нѣкоторыхъ суевѣрій, вкрадывающіяся злоупотребленія устраняются, исполненіе подлинныхъ церковныхъ законовъ возлагается на прелатовъ. 4) Наконецъ, дѣло государства вообще охранять опредѣленную религію своихъ подданныхъ. Идея свободы совѣсти индивидуума чужда государственному праву абсолютнаго государства: права на безконфессіональность и безвѣріе нѣтъ. Усвоенное протестантскими князьями право реформаціи (jus reformandi), служившее единственно къ объясненію совершеннаго ими насильственнаго дѣянія, не можетъ быть предоставлено католическимъ князьямъ; пристрастные протестанты почитали нарушеніемъ съ ихъ стороны права даже мѣропріятія, относившіяся къ управленію дѣлами религіи, исповѣдуемой подданными ихъ территоріи. Но государство можетъ дозволить и приверженцамъ дотолѣ не дозволенной или прямо запрещенной религіи мѣстопребываніе въ странѣ, исповѣданіе своей вѣры, домашнее богослуженіе съ дозволеніемъ совершенія ихъ обрядовъ частнаго (devotio domestica qualificata) и общественнаго характера (religionis

exercitium publicum). Такимъ образомъ государство можетъ допускать и терпимость и признавать новыя религіозныя общества, давать имъ положеніе или низшее господствующей религіи въ ихъ странѣ (ecclesia dominans), или же равное съ нею (parität der Kirchen).

Галликанизмъ, какъ и Фебронiанизмъ, были отвергнуты папскимъ престоломъ и вызвали противъ себя много сильныхъ опроверженій съ точки зрѣнія богословской и исторической. Государственно церковная теорія была опровергнута съ точки зрѣнія естественнаго права и еще съ лучшими результатами —съ точки зрѣнія политической, было доказано [1]), что государство дѣлаетъ неправо, обезсиливая преходящія, временныя (uberkommenen) права церкви, опекунствуя надъ ними, оказывая ей недовѣріе, что ему недостаетъ ни призванія, ни даже силы изрекать судъ въ религіозныхъ—и церковныхъ вопросахъ, что здѣсь, напротивъ, оно должно ограничиться достиженіемъ только своихъ интересовъ.— Апостольскій престолъ всегда протестовалъ противъ правительственнаго одобренія церковныхъ законовъ и распоряженій (placet) и требовалъ признанія своего полномочія въ церковномъ законодательствѣ, равно какъ и свободы въ церковныхъ сношеніяхъ вѣрующихъ и церквей съ главою католической церкви.

Теорія государственныхъ канонистовъ не менѣе *практики* правительствъ осталась не чувствительною къ этой реакціи церковной науки и церковнаго авто-

---

[1]) Классическимъ можетъ быть признано сочиненіе Игнатія *Reidte:* «Das canonische Recht betrachtet aus dem standpuncte des Staatsrechts, der Politik, des allg. Gesellschaftsrechtes und der seit dem Jahre 1848 entstandenen Staatsverhältnissee.» 1849.

ритета. Послѣ какъ и прежде примѣненіе якобы неотъемлемаго верховнаго права государства по отношенію къ церкви (Kirchenhoheit) шло своимъ чередомъ и толковалось какъ награда правительству за признаніе и защиту, какую оно обезпечиваетъ христіанской религіи и католической церкви. Что подъ господствомъ этой теоріи не можетъ быть въ строгомъ смыслѣ рѣчи ни о церковной свободѣ, ни о церковномъ правѣ это показываетъ исторія всюду, гдѣ нашли себѣ примѣненіе основныя начала такъ называемаго *іозефинизма* [1]).

Въ нашъ вѣкъ, когда сила вѣры, ненависть къ вѣрѣ и индиферентизмъ спорятъ о главенствѣ, а новѣйшее государственное ученіе пытается конструировать понятіе государства изъ цѣли государства,— въ разсужденіи отношеній церкви и государства выставляются самыя различныя теоріи.

1. Какъ скоро «полицейское государство» уступило свое мѣсто «юридическому государству,» должно было бы пасть и опекунство надъ церковью чрезъ государственное правительство. Однако теорія юридическаго государства съ замѣчательною тягучестію твердо держится за существованіе права государ-

---

[1]) *Іозёфинизмомъ* принято называть церковную политику австрійскаго императора Іосифа II-го, начатую предшественницею его, императрицею Маріею Терезіею. Сущность этой политики состояла въ полномъ подчиненіи всей внѣшней церковной жизни власти императора. Глубоко вѣрующій и искренній католикъ, Іосифъ II такъ ограничилъ власть католической церкви своимъ авторитетомъ, какъ она едва ли когда была ограничена. Опираясь на свой императорскій авторитетъ, Іосифъ II-й собственною властію, не испрашивая совѣта и тѣмъ болѣе соизволенія мѣстной церковной іерархіи и даже самого папы, предпринималъ административныя мѣропріятія и издавалъ законодательныя постановленія по всѣмъ областямъ церковной жизни, какія находилъ

ственнаго величества въ отношеніи къ церкви (Kirchenhoheit) — понятіе, которое удержало свое мѣсто и въ новѣйшей системѣ *государственнаго устройства*, хотя *разнородность* государства и христіанской церкви признана принципіальною, отъ произвола государства не зависящею, и такимъ образомъ въ признаніи полномочнаго существованія, которое въ старой системѣ являлось лишь уступкою государства, церкви не отказано. Но понятіе «Kirchenhoheit» обнимаетъ собою: 1) положеніе многихъ церквей въ государственной области; 2) опредѣленіе отношеній между государствомъ и отдѣльною церковію.— Въ первомъ отношеніи упорною борьбою завоевала себѣ побѣду идея свободы совѣсти, признанъ вредъ принужденія къ вѣрѣ; отдѣльному индивидууму предоставлена свобода вѣры, но образованіе религіозныхъ обществъ допущено только при извѣстныхъ ограниченіяхъ. Система признанныхъ вѣроисповѣданій, привиллегированныхъ христіанскихъ церквей удержана. Отсюда объясняется, что прин-

---

нужными для блага своихъ подданныхъ и самой церкви. Такъ въ области церковнаго ученія онъ не усомнился подвергнуть запрещенію буллу «Unigenitus» самого папы, буллу чисто богословскаго содержанія, разсуждающую объ отношеніи благодати къ свободѣ человѣка; въ области Богослуженія—издавалъ самыя мельчайшія предписанія относительно совершенія церковнымъ службъ и церковныхъ церемоній; точно также издавалъ предписанія касательно составленія и произнесенія проповѣдей, воспитанія клира, монашеской жизни и проч. Такое отношеніе къ церкви въ благочестивомъ императорѣ-католикѣ проистекало не только изъ личнаго произвола и убѣжденія, но находило опору себѣ въ научныхъ теоріяхъ австрійскихъ политиковъ и канонистовъ того времени, каковы напр. Риггеръ, Раутенштраухъ, Эйбель и др. См. у Vering'a Lehrbuch d. katholischen und protestantischen Kirchenrechts, § 35, 1881.

цип̀ъ равенства (paritat) христіанскихъ церквей по сравненію съ терпимыми только сектами или диссидентами и іудейскими религіозными общинами, особенно въ нѣмецкомъ государственномъ правѣ, не только удержанъ, но даже почитается аксіомою. Государство должно быть христіанскимъ, но политика его не должна быть конфессіональною. Что касается отношенія государства къ той или иной отдѣльной церкви, то предѣлы обоюдныхъ сферъ жизни и права опредѣляетъ государственный законъ. Здѣсь такимъ образомъ еще высказывается признаніе, что Церкви принадлежитъ самостоятельное бытіе. Но теорія юридическаго государства объявила, что въ частности очень многія изъ внѣшнихъ дѣйствій Церкви подлежатъ государственному праву и государственное устройство увѣрено, что имѣетъ право упорядочивать *внѣшнія отношенія* отдѣльной церкви; а затѣмъ уже положительно несправедливо заявила, что само же государство и рѣшаетъ, что принадлежитъ области внѣшнихъ отношеній, и управленіе этими объектами захватываетъ въ свои руки, не обращая вниманія на данныя уже Церковію нормы; своимъ нормамъ присвоиваетъ силу закона даже и въ церковной правовой сферѣ, отвергаетъ напр. совсѣмъ существованіе церковной юрисдикціи (forum ecclesiasticum externum). Теорія пытается также по часто діалектическимъ соображеніямъ обособить государственныя и церковныя судныя дѣла. Основанія дѣленія заимствуетъ то изъ внѣшности, или матеріальности, въ такомъ случаѣ искомое регулированіе *внѣшнихъ отношеній* необходимо должно происходить чрезъ государство, — то въ цѣли отдѣльныхъ институтовъ, но и это нисколько не помогаетъ, такъ какъ эта цѣль можетъ быть или спорною, или же многостороннею. Въ развязываніи узла лежитъ ре-

titio principii; разрѣшеніе его констатируетъ большой рядъ смѣшанныхъ дѣлъ (res mixtae), которыя не принадлежатъ порознь ни государственной, ни церковной компетенціи. Относительно этихъ дѣлъ теорія держится или во 1-хъ, на принципѣ законнаго регулированія разсматриваемаго отношенія (т.-е. кто издаетъ законъ, тотъ и судитъ) и затѣмъ преимущество можетъ имѣть или Церковь, или государство, что каждый разъ зависитъ отъ случая представляется ли одно изъ двухъ обоюдустороннихъ нормированій покрывающимъ другое и слѣдовательно удовлетворяющимъ правосудію вполнѣ; или же такой дуализмъ государства и Церкви представляется въ дурномъ свѣтѣ и тогда преимущество дается одному изъ двухъ законодательствъ просто во избѣжаніе такого дуализма; или же, во 2-хъ, учитъ, что ни одна изъ властей не преимуществуетъ, а каждая въ соглашеніи съ другою должны исполнять свое. Въ такомъ случаѣ вся теорія оказывается совершенно излишнею, такъ какъ договаривающимся сторонамъ всегда принадлежитъ право договариваться о томъ, что и какъ они считаютъ за лучшее.

2. Вопреки утвержденію, особенно нѣмецкихъ, въ старыхъ колеяхъ движущихся, государственныхъ ученій о неотъемлемости государственнаго права величества по отношенію къ Церкви, другія выставляютъ аксіому о свободѣ Церкви, которая есть необходимый коррелятивъ государственной свободы. „Свободная Церковь въ свободномъ государствѣ“ есть лозунгъ этой либеральной школы. Желаніе освободить Церковь отъ оковъ, наложенныхъ на нее предупреждающими мѣрами полицейскаго государства, можно признать свободно разумнымъ; высоко разумна и идея, что такого рода свободная Церковь достаточно сильна для того, чтобы въ духовной вѣковой борьбѣ

привести христіанскую идею къ побѣдоносному концу. Но, несмотря на то, это раздѣленіе двухъ властей такъ долго и такъ внутренне бывшихъ связанными, есть насильственное дѣйствіе, которое заразъ разрываетъ тысячу правовыхъ отношеній совершенно беззаконно, преступно; во всякомъ случаѣ, это—болѣзненная операція, которая можетъ быть допущена только какъ крайнее средство положить скорый конецъ совершившемуся огосударствленію Церкви (Verstaatlichung). *Раздѣленіе государства и Церкви* предполагаетъ существующую связь обоихъ и совершенно правильно обозначаетъ паденіе первоначальной идеи гармоніи государства и Церкви. Если послѣдней еще нѣтъ, рѣчь о свободной Церкви въ свободномъ государствѣ имѣетъ здравый смыслъ и не означаетъ регресса, пока между государствомъ и Церковью нѣтъ закономъ опредѣленнаго или враждебнаго отношенія. Здѣсь Церковь радуется своей свободѣ и не видитъ себя вынужденной приступать съ широкими притязаніями къ государству.

3. Разсмотрѣнная теорія исходитъ изъ идеи свободы Церкви; мысль о *безразличіи религіи* для государственной области лежитъ въ основаніи другой теоріи, въ силу которой государство для сверхъестественнаго не имѣетъ ни ума (keinen Sinn), ни призванія и посему въ отношеніи къ вѣрѣ своихъ гражданъ и въ отношеніи къ каждому церковному ихъ союзу должно быть равнодушнымъ. Церковныя учрежденія (denominationen) лишаются всякихъ привиллегій, они не стоятъ ни подъ какими исключительными законами, но подчинены единственнымъ общимъ государственнымъ законамъ и въ разсужденіи ихъ государственнаго признанія въ качествѣ корпорацій, т.-е. въ разсужденіи ихъ основанія и управленія должны стоять наравнѣ съ другими обществами и союзами,

вмѣстѣ съ коими они и пользуются одинаковой защитой права со стороны государственнаго управленія. Что государственное правительство должно быть не противо-христіанскимъ—этого не отрицается: наоборотъ, оно должно обращать вниманіе на христіанское ученіе и заботиться, чтобы учрежденія его были дѣйственными. Только о привиллегированной церкви, о требованіи конфессіональности отъ индивидуума, о государственной церкви и религіи не можетъ быть рѣчи; наоборотъ, спеціально религіозное ученіе или воспитаніе или обязательное, во всякомъ случаѣ почитаются государственно опасными. Съ точки зрѣнія католической церкви эта теорія, несвободная и отъ политическихъ недостатковъ, ради чисто отрицательнаго отношенія ко всѣмъ религіямъ и церкви католической не можетъ быть одобрена, но и не отвергается тамъ, гдѣ она является не какъ слѣдствіе разрыва государства и Церкви [1]).

4. *Теократическое* государство сознаетъ себя въ полной отрѣшенности (Absolutheit), чувствуетъ себя высоко стоящимъ надъ всѣмъ земнымъ, только предъ Богомъ отвѣтственнымъ, какъ Его твореніе и образъ; но по *пантеистическому*, равно какъ и *атеистическому* міровоззрѣніямъ, государство есть самоцѣль, осуществленіе нравственной идеи, высшая ступень развитія я, всемогуще, самъ Богъ. Государство обнимаетъ всѣ явленія жизни, оно тождественно съ совершеннѣйшимъ человѣческимъ обществомъ, оно есть источникъ всякой силы, какъ и права. Въ послѣдовательности этого міровоззрѣнія самостоятельная церковь логически немыслима; практически является или излишнею, или,—въ случаѣ, если не

---

[1]) Такъ именно относится государство къ Церкви въ Сѣверной Америкѣ.

отдается государству, не хочетъ вчлениться въ его организмъ,—государственно вредною, государственно опасною, посему подлежащею уничтоженію. Въ отношеніи къ церкви дозволительно все, государство насаждаетъ культуру и противъ непокоряющейся его волѣ церкви, какъ врага своей культуры, выступаетъ съ рѣзкими репрессаліями, не ослабляя при этомъ и предупреждающихъ мѣропріятій полицейскаго государства. Эта система идетъ много далѣе полицейскаго государства, которому во многомъ уподобляется, въ той мѣрѣ какъ и сдѣлавшуюся государственною Церковь почитаетъ даже менѣе, чѣмъ необходимое средство полицейскаго государства, а лишь какъ переходное состояніе, до того момента, какъ чрезъ осуществленіе абсолютной государственной идеи отстранено будетъ всякое, слѣдоват. и церковное общество внѣ государства и государство въ своей отрѣшенности сдѣлается всѣмъ во всемъ. Здѣсь идея античнаго государства проводится такъ, какъ она не проводилась даже при языческихъ цезаряхъ.

5. Монархическое и универсальное пониманіе церковной власти со стороны куріалистовъ Среднихъ вѣковъ хотя въ теченіе вѣковъ и утратило свою популярность, тѣмъ болѣе значеніе и вліяніе, однакоже и до нашихъ дней сохранило вѣрныхъ себѣ приверженцевъ среди нѣкоторыхъ писателей, которые, не смотря на измѣнившіяся политическія отношенія, увѣрены, что должно твердо держаться того положенія церкви по отношенію къ государству—конечно, только въ теоріи,—которое въ Средніе вѣка проповѣдывала церковь, или конкретно папа, и которымъ даже и въ то время отнюдь не пользовалась спокойно. Эту систему называютъ *іерократическою*, такъ какъ она не только признаетъ превосходство (Superioritat) церкви надъ государствомъ безуслов-

нымъ, но, и отвергая дуализмъ обѣихъ властей, одно—государство—подчиняетъ другой—церкви не только въ церковномъ отношеніи, но и въ политическихъ дѣлахъ. Приверженцы этой теоріи—восторженные панегиристы средневѣковаго состоянія, они отказываютъ наступившимъ политическимъ перемѣнамъ во всякомъ оправданіи; они или глубоко убѣждены въ неосуществимости своей теоріи и въ такомъ случаѣ любятъ выставлять ея положенія, относясь съ полнымъ презрѣніемъ къ примирительному образу мыслей, въ полной ихъ жесткости и въ то же время пытаются придать имъ печать догматической истины,—или же еще не почитаютъ утраченною надежду, что ихъ принципы ожидаетъ практическое вліяніе и успокоиваютъ разъясненіемъ, что ихъ должно понимать не въ смыслѣ прямой, ординарной, постоянной власти церкви или папы надъ государствомъ, а должно разумѣть только непрямую чрезвычайную, особыми обстоятельствами вынуждаемую къ дѣятельности, направляющую власть церкви, что папѣ свойственно право и обязанность наставлять князей въ ихъ обязанностяхъ и, гдѣ спасеніе душъ или церкви того требуетъ, объявлять недѣйствительными государственныя требованія. Ясно, что для практики такое различіе, дѣлаемое теоріею, не имѣетъ важности, и все равно, объявитъ ли папа союзъ между княземъ и подданными разрѣшеннымъ непосредственно или же посредственно. Во всякомъ случаѣ о господствѣ государства, о его самостоятельности, о государственно-правовой сферѣ нѣтъ и рѣчи, когда внѣгосударственная власть рѣшаетъ имѣетъ ли государственное требованіе или законъ силу права и есть ли потребность въ его существованіи для государственной сферы.

Основныя начала и характеристическія свойства права Русской церкви.

§ 4.

Особенность положенія и отношеній къ государству Русской церкви по сравненію съ Западною церковію. Вѣрность законодательству и преданіямъ древней Восточной Церкви. Особенное уваженіе къ царской власти. Положеніе государя въ церкви и особенное его къ ней отношеніе.

Историческое обозрѣніе отношеній между церковію и государствомъ, равно какъ и возникновенія разныхъ политическихъ ученій, стремившихся научно-юридически обосновать эти отношенія, весьма ясно изображаетъ различные моменты *борьбы* за самобытное существованіе, свободу своей жизнедѣятельности христіанской церкви среди народовъ Западной Европы, быстро возраставшіе успѣхи ея въ этой борьбѣ, обнаружившіеся подчиненіемъ подъ свой авторитетъ цѣлыхъ государствъ; а затѣмъ—отдѣльные моменты борьбы за независимость и свободу отъ церковнаго вліянія самихъ этихъ государствъ. Такимъ образомъ *борьба за свободу* и *борьба за преобладаніе* представляютъ такъ сказать жизненный нервъ

многовѣковой исторіи *взаимныхъ отношеній* церкви и государства на западѣ. Какой же результатъ дала эта борьба? Къ чему пришли долгою вѣковою борьбою эти двѣ враждовавшія стороны? Что дали они настоящему времени? Нѣкогда великая римская церковь, первенствовавшая среди частныхъ, помѣстныхъ церквей, отдѣлившаяся отъ союза и общенія съ ними, распространившая широко предѣлы свои въ Западной Европѣ, и успѣвшая глубоко укоренить духовный авторитетъ свой между ними, въ настоящее время въ сознаніи народовъ, которыхъ воспитала она, упала такъ низко, что утратила всякое довѣріе къ себѣ, къ своей божественной миссіи на землѣ. Средневѣковое состояніе, о которомъ воздыхаютъ теперь «добрые католики», какъ о цвѣтущемъ состояніи церкви, въ сознаніи большинства культурныхъ народовъ рисуется какъ ужасное время духовнаго рабства, мрака, время жесточайшихъ пытокъ и костровъ священной инквизиціи. Католицизмъ и папство для большинства народовъ Западной Европы въ настоящее время сдѣлались синонимами религіозной лжи и насилій, звуками, возбуждающими чувство злобы, отвращенія и мести. Во враждѣ съ своею матерью-церковью эти борцы за религіозную, нравственную и культурную свободу давно уже утратили всякое чувство мѣры и приличія: нѣтъ преступленія, какого они не приписали бы ей, нѣтъ порока, въ которомъ не обвиняли бы ее, нѣтъ бѣдствія, виной котораго, по ихъ воззрѣніямъ, не служила бы она. И хорошо, если бы все это зло, приписываемое ей, касалось только внѣшней стороны ея существованія, ея политики по отношенію къ государствамъ, образу жизни отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ ея, напр. нѣкоторыхъ папъ или учрежденій ея, напр. ордена іезуитовъ: нѣтъ, бывшіе дѣти обвиняютъ и громко

обличаютъ свою бывшую мать въ извращеніи святѣйшаго сокровища, носительницею котораго она предназначалась быть Господомъ и Апостолами: въ извращеніи божественной истины, въ извращеніи таинствъ, въ извращеніи уставовъ и дисциплины древней Христовой и Апостольской церкви. Первые отщепенцы отъ католической церкви открыто проповѣдывали, что ея таинства=idololatria, impii cultus; ея догматы—impia dogmata et doctrina daemoniorum et antichristi; ея первосвященникъ — ipsum verum antichristum esse [1]) и ихъ голосъ сочувственно былъ выслушанъ государями: они взяли на себя обязанность хранить святыню христіанства и церкви; церковь же католическая стала трактоваться какъ политическій организмъ, созданный хитрыми обманщиками, властолюбивыми и корыстолюбивыми папами въ темныя времена. Въ страстной полемикѣ, во взаимныхъ обличеніяхъ противники не щадили ничего и этою несчастною борьбою достигли того, что разбили послѣдніе остатки живой вѣры и въ церковь, и въ религію. Раціонализмъ, скептицизмъ и полный атеизмъ заступили мѣсто вѣры. Такъ создалось современное положеніе вещей въ Европѣ XIX вѣка, характеризующееся холоднымъ индифферентизмомъ, стремленіемъ внѣ церковныхъ христіанъ къ дробленію на мелкія вѣроисповѣдныя общества, культурною борьбою, гоненіемъ церкви, возрожденіемъ атеизма и язычества.

Совсѣмъ иного рода интересъ представляетъ исторія церкви Восточной и въ частности Русской, въ ея отношеніяхъ къ народамъ и государствамъ, среди которыхъ она утверждалась, на которыхъ духовно вліяла и продолжаетъ вліять, принимая характеръ и

---

[1]) Articuli Smalcaldici, Pars. II, Art. IV, App. P. I, Art. III.

національной, и государственной церкви. Историческій интересъ заключается здѣсь въ томъ, что въ продолженіи вѣковаго существованія своего среди самыхъ различныхъ національностей, при самыхъ разнообразныхъ внѣшнихъ условіяхъ, церковь Христова осталась внутренне самобытнымъ цѣлымъ, всегда пребывала тождественною; съ другой стороны, оставаясь неуклонно вѣрною своему духу, своимъ задачамъ, вступала въ самыя дружественныя отношенія съ государствами, проникала въ цѣлый государственный организмъ, какъ бы сливаясь съ нимъ въ одно цѣлое. Ея положеніе на Востокѣ и въ средѣ славянскихъ народовъ совершенно точно изображается древнимъ святоотеческимъ подобіемъ корабля, плавающаго по обширному океану. Этотъ корабль Церкви Христовой приплываетъ къ разнымъ народамъ; воспринимаетъ въ себя новыхъ и новыхъ пловцовъ; они разнообразятъ корпусъ корабля, пестря и украшая его своими національными цвѣтами; но сами еще болѣе измѣняются духовно, сродняясь въ кораблѣ единствомъ вѣры и духа съ представителями самыхъ разныхъ націй и временъ. Время и политическія судьбы Церкви православной полагаютъ свои отмѣтки на корпусъ ея корабля, расширяютъ и пестрятъ его; но внутреннеее его устройство, дисциплина, въ немъ господствующая, его цѣль и направленіе остаются неизмѣнными.

При этомъ съ особенною ясностію выступаютъ на видъ два основныя начала во внутренней жизнедѣятельности Православной Русской Церкви, характеризующія особенности ея внѣшнихъ отношеній и въ частности ея право; это: а) ея вѣрность догматамъ, канонамъ, уставамъ и преданіямъ древней Вселенской Церкви и б) высокое уваженіе ея къ царской власти.

И по историческому происхожденію своему и по своему внутреннему характеру и устройству Православная Русская Церковь есть живая вѣтвь Церкви Восточной.

Русскій народъ услышалъ первую вѣсть о христіанствѣ отъ Грековъ. Къ историческимъ условіямъ, благопріятствовавшимъ искреннему расположенію его къ христіанской вѣрѣ именно *Греческаго закона*, относились тѣ близкія политическія и торговыя сношенія, въ какія вступили съ Византіею первые организаторы государственнаго строя Русской земли—варягоруссы. Византія была представительницей христіанской культуры. Все греческое изумляло и плѣняло этотъ грубый воинственный народъ, какимъ выступаетъ на историческую арену народъ русскій. Естественно поэтому произошло, что прежде чѣмъ равноапостольный русскій князь предпринялъ подвигъ просвѣщенія христіанствомъ земли своей, его столица была уже наполнена христіанами; она уже предрасположена была къ принятію греческой вѣры.

Этотъ *внѣшній* мотивъ, располагавшій къ ней только въ силу того, что она—вѣра греческая, вѣра образованнѣйшаго и могущественнаго народа, нашелъ себѣ усиленіе въ другомъ болѣе важномъ по своему внутреннему вліянію обстоятельствѣ—въ отправленіи у сосѣднихъ славянскихъ народовъ греческаго богослуженія на понятномъ для русскихъ языкѣ. Первые памятники русской письменности, зачатки русской литературы посвящены были на служеніе христіанской религіи. Грубое, но здоровое чувство славянина-язычника, дѣтскій, но воспріимчивый умъ въ христіанскомъ богослуженіи и церковной литературѣ получили вдругъ такое полное удовлетвореніе, что уже безповоротно подчинились авторитету религіи. И вотъ не далѣе какъ при преем-

никѣ св. Владиміра уже «начатъ вѣра христіанская плодитися и черноризцы начаша множитися и монастырѣ многи начаша быти». Самъ Ярославъ, любя церковное благолѣпіе, священниковъ же и черноризцевъ «*излиха* любляше и *книжному* чтенію прилежаше часто; и собра писцовъ многихъ иже прекладаша книги греческія на словенскій языкъ, и *списа книги многи*, ими же и до нынѣ поучаются людіе [1])».

Между тѣмъ какъ среди новопросвѣщаемаго русскаго народа вѣра христіанская греческаго закона достигла полнаго своего торжества, на христіанскомъ Востокѣ и Западѣ почти уже совершилось то важное и роковое для послѣдующей христіанской исторіи событіе, которое называется раздѣленіемъ церквей на Восточную и Западную. Рѣзкая обособленность представителей той и другой, страстная полемика между двумя антагонистами—исключали для русскихъ всякое основаніе для колебанія въ рѣшеніи вопроса: къ какой изъ двухъ враждующихъ сторонъ склониться своими симпатіями. Въ пользу Восточной церкви такъ сильно располагали уже и указанныя выше обстоятельства. Но въ пользу ея должна была располагать русскихъ и очевидная для нихъ правота ея: имъ не нужно было входить въ подробности споровъ и перипетій борьбы между Римомъ и Константинополемъ; вопросъ рѣшали для нихъ письменные законы вѣры тѣхъ и другихъ,—и преимущество сразу оставалось за греками: у нихъ былъ превосходно обработанный номоканонъ въ XIV титуловъ, редактированный знаменитымъ Фотіемъ, большая и важнѣйшая часть котораго входила въ составъ древнѣйшаго греческаго номоканона Іоанна Схоластика, уже

---

[1]) Прибавл. къ Ипатьевской лѣтописи стр. 267. Пол. Собр. Рус. Лѣт. т. II. СПБ. 1843 г.

переведеннаго на славянскій языкъ, можетъ быть, апостолами славянъ—свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Въ соотвѣтствіе этому номоканону церковь римская могла дать развѣ только лжеисидоровы декреталіи, появившіяся лишь нѣсколькими годами ранѣе Фотіева номоканона: развѣ они могли идти въ сравненіе съ послѣднимъ? Да, этотъ греческій номоканонъ могъ служить уже и для русскихъ свидѣтельствомъ истинности церкви Восточной и обличителемъ неправоты церкви Римской. Въ немъ сильна была и положительная сторона истины Восточной церкви: такъ какъ въ полномъ видѣ содержалось все каноническое вселенское законодательство начиная съ правилъ св. апостоловъ и обнимая далѣе правила 7 вселенскихъ и помѣстныхъ (изъ коихъ древнѣйшіе были утверждены VI вселенскимъ соборомъ и признаны даже римскою церковію) и св. отцовъ. Здѣсь, въ этомъ же номоканонѣ Русскіе могли встрѣтить и обличенія латинянъ въ отступленіи отъ предписаній древняго вселенскаго законодательства (обличенія содержатся въ правилахъ Трулльскаго собора). И это значеніе номоканона греческаго исторія подтверждаетъ самыми непререкаемыми свидѣтельствами. Древняя русская письменность богата списками номоканона, и эти списки восходятъ, по *несомнѣннымъ* историческимъ показаніямъ, ко временамъ Изяслава, сына Ярославова, и продолжаютъ являться затѣмъ во всѣ послѣдующіе вѣка; кромѣ того славянскій номоканонъ еще ранѣе могъ прибывать въ достаточномъ количествѣ списковъ изъ другихъ славянскихъ земель: Владиміръ и Ярославъ уже пользовались при составленіи своихъ уставовъ греческимъ номоканономъ.

Номоканонъ и былъ для Русской церкви священною книгою, основаніемъ и отображеніемъ ея вѣры,

ея устройства, ея дисциплины, и продолжаетъ быть таковымъ до настоящаго времени. Какъ содержащій въ себѣ внѣшне упорядоченное законодательство древней Каѳолической и Апостольской Церкви, онъ всегда служилъ и служитъ для Церкви Русской внутреннею связью съ другими частями цѣлой Восточной Церкви и съ древнею Вселенскою Церковію, мѣриломъ или критеріемъ для сужденія и оцѣнки ея собственнаго состоянія въ данный моментъ и состоянія иныхъ церквей, стоящихъ въ братскихъ съ нею отношеніяхъ. Принципъ обязательности вселенскаго законодательства для Церкви Русской и есть первый основный принципъ всего ея права. Въ этомъ качествѣ онъ торжественно произносится каждымъ изъ епископовъ при рукоположеніи его: поелику на епископахъ и лежитъ прежде всего долгъ—право управлять Церковію: «вѣрую въ седмь соборъ правовѣрныхъ святыхъ отецъ и его же отвергоша и азъ изметаю, и его же прокляша, и азъ проклинаю. И яже писаніемъ предаша намъ, пріемлю... къ каѳоликіи и апостольстѣй церкви притекаю и тако вѣрую и предъ народы исповѣрую» [1]). Такъ торжественно исповѣдывалъ этотъ великій принципъ древній русскій епископъ, такъ исповѣдуетъ его и каждый современный русскій епископъ.

Это есть именно великій принципъ—живое начало права Русской Церкви: законы Вселенской Церкви суть правила «жизненное слово имущія», какъ засвидѣтельствовалъ это другой русскій іерархъ—Кириллъ II-й, митрополитъ Кіевскій, на Владимірскомъ соборѣ 1274 года: «всѣмъ опаснѣ пріимшимъ святительство со всяцѣмъ храненіемъ (подобаетъ) опаснѣ

---

[1]) Исповѣданіе митр. Иларіона въ Прибавл. къ Твор. Св. От. г. 2 кн. 2.

блюсти святыхъ правилъ пресвятыхъ Апостолъ и по тѣхъ бывшихъ преподобныхъ нашихъ отецъ, жизненное слово имущихъ, своими пречистыми законоположеніи, аки нѣкими стѣнами чудными оградивше Божію церковь и камень твердости въ основу вложьше, иже клятся Христосъ не разрушенѣ ей быти отъ самаго ада». Обращаясь затѣмъ къ данному состоянію Русской Церкви и видя въ ней «несогласія многа и грубости», онъ одною изъ причинъ сего полагаетъ забвеніе святыхъ правилъ; видя затѣмъ бѣдствія церкви и отечества, онъ и здѣсь указываетъ на явное послѣдствіе преступленія отеческихъ заповѣдей: «Кый убо прибытокъ наслѣдовахомъ, оставльше Божія правила? Не разсѣя ли ны Богъ по лицу всея земли? Не взяти ли быша гради наши? Не падоша ли сильніи князи наши остріемъ меча? Не поведены ли быша въ плѣнъ чада наша? Не запустѣша ли святыя Божія церкви?... Сія вся бываютъ, зане не хранимъ правилъ святыхъ нашихъ и преподобныхъ отецъ. Нынѣ же азъ помыслихъ со святымъ соборомъ и съ преподобными епископы нѣкако о церковныхъ вещехъ испытаніе извѣстно творити» [1]). А затѣмъ этотъ святитель и съ нимъ соборъ русскихъ епископовъ установляютъ свои правила касательно нѣкоторыхъ явленій въ *русской* церковной жизни: эти правила строго основаны на правилахъ номоканона, только что явившихся на Руси предъ тѣмъ въ новомъ славянскомъ переводѣ Св. Саввы, архіепископа Сербскаго.

Проходили вѣка, возникали важные вопросы церковнаго устройства и дисциплины, возникали сложныя церковныя и политическія отношенія, иногда

---

[1]) Опредѣленія Владимір. собора. Рус. Истор. Библ. т. VI стр. 84—86.

ставившія въ критическое положеніе русскую іерархію, русскихъ князей, весь русскій православный народъ, касательно самыхъ завѣтныхъ церковныхъ и національныхъ преданій, своихъ ближайшихъ симпатій и антипатій. Являлись стригольники и жидовствующіе, эти древне русскіе протестанты, ниспровергавшіе въ корнѣ современное имъ и прежнее устройство Русской Церкви и противопоставлявшіе ему свои необыкновенно смѣлыя и радикально противоположныя церковному ученія; впадали въ борьбѣ съ ними въ увлеченія своею властію и нѣкоторые горячіе ревнители церковности, увлеченія, доходившія до восхваленія инквизиціонныхъ способовъ преслѣдованія еретиковъ и политики «шпанскаго короля». Поднимались раздоры въ средѣ самой русской іерархіи — русскихъ епископовъ, одна половина которыхъ — западно-русская — при содѣйствіи литовскихъ князей употребляла энергическія мѣры къ обособленію въ отдѣльную митрополію и такимъ образомъ раздѣленію единой Русской Церкви на двѣ самостоятельныя; былъ моментъ, когда готова была рушиться духовная связь Русской Церкви съ своею матерью-Церковію Константинопольскою, недостойные вожди которой были готовы поработить ее подъ иго римскаго папы и тоже самое сдѣлать и съ Церковію Русскою (Флорентійская унія). Но вполнѣ побѣдоносно и съ изумительнымъ искуствомъ Церковь русская выходила изъ этихъ затрудненій, и все это — опираясь неизмѣнно на свой основный принципъ, неизмѣннаго храненія правилъ и преданій св. апостолъ и св. отецъ седьми соборовъ». Этотъ послѣдній изъ указываемыхъ моментовъ въ исторіи Русской Церкви такъ важенъ и характеренъ, что мы позволимъ привести нѣкоторыя свидѣтельства о немъ самихъ русскихъ людей того времени. Вотъ какъ изоб-

ражаетъ этотъ моментъ Великій князь Московскій Василій Васильевичъ въ своей граматѣ къ константинопольскому патріарху Митрофану: «По преставленіи прежепочившаго отца нашего преосвященнаго митрополита Фотія, за нужу поганскаго на ны нашествія и междуусобныхъ ради браней и христіанскаго ради устроеніа и духовныя пользы, понудихомъ идти къ вамъ Іону, епископа Рязанскаго, мужа суща духовна и въ добродѣтельномъ житіи отъ младеньства много лѣта пожившаго... съ прошеніемъ, дабы намъ того епископа Іону поставили на митрополію. Не вѣмы же убо за кое дѣло нашего прошенія не пріяли, того намъ епископа Іону на митрополію не поставили... А о комъ ни послахомъ, ни паки кого просихомъ, ни требовахомъ, того къ намъ послаша, а реку сего Исидора. И *Богу вѣдомо*, аще не быхомъ того *нашего изначальнаго православнаго христіанства соблюдали*, и страха Божія аще не быхомъ въ сердцѣ имѣли, то никакоже не хотѣхомъ его пріяти отинудь: но за царскаго посла моленіе и за святѣйшаго патріарха благословеніе, а за онаго сокрушеніе и многое покореніе и челобитіе, едва пріяхомъ его. Егда же понуди насъ многое покореніе его и челобитіе, и пріяхомъ его, яко отца и учителя, со многою честію и благимъ усердіемъ, по прежнему, якоже и онѣхъ преднихъ святѣйшихъ митрополитовъ нашихъ русскихъ, мняще яко да и сей единъ отъ нихъ есть, не вѣдуще еже напреди хощетъ отъ него кое быти дѣло. И якоже пріиде къ намъ преди реченный сей Исидоръ и отъ перваго дне начатъ тщатися къ сборному путешествію, и колихо возбраняхомъ ему, да не пойдетъ, онъ же начатъ извѣты сицевы творити, глаголя: яко не мощно ми есть да не пойду; аще бо не пойду, имамъ отъ святѣйшаго патріарха вмѣсто благословенія клят-

ву пріяти. И яко не возмогохомъ увѣщати его и отъ путнаго шествія возбранити, и много паки глаголахомъ ему о сихъ: «аще же убо пойдеши, и паки аще имаши возвратитися къ намъ, то принеси къ намъ древнее наше благочестіе и православную вѣру, еже пріяхомъ отъ прародителя нашего, великаго онаго Владиміра, еже держитъ великая соборная и апостольская Божія церковь греческая; а ино, странно и ново и чуже отъ тоя сборныя церкви не приношай къ намъ... Онъ же и съ клятвою обѣщася, якоже не принести ему нова и странна ничтоже. Нынѣ же пріиде къ намъ, многа странна и чужа принесе въ наше православное христіанство чрезъ божественная и священная правила святыхъ Апостолъ и Богоносныхъ отецъ и чрезъ божественное законоположеніе, еже предано бысть святыми Апостолы и богоносными отци святѣй соборнѣй и Апостольстѣй церкви гречестѣй и всему православному христіанству... Принесе же къ намъ и отъ римскаго папы писанія, въ немъ же о Святѣмъ Дусѣ двѣ начала Латине утвердиша въ своей ихъ Церкви исповѣдовати и опресночная мудрствующе. Еще же и о усопшихъ пиша глаголетъ, еже намъ убо недоумѣнно является сіе: пишетъ бо таково посланіе свое тако: иже во истинной рече вѣрѣ исповѣданіи Божіи сосмиреніемъ конецъ пріяше и покаянія плоды не доспѣша принести о согрѣшеніихъ своихъ, о нихъ же имъ духовніи отцы заповѣдаша, и таковій очищеніемъ мукъ оцистятся по смерти и прочая. Самъ убо сей Исидоръ во своихъ ему когда граматахъ, идѣже посылая писаше, нарицая себя легатоса отъ ребра апостольска сѣдалища, лятскаго и литовскаго и нѣмецкаго и запечатляше писанія своя зелѣными печатлѣньми и предъ собою повелѣваше распятіе латински изваянно носити... еще же и поминовеніе

папина имене въ святѣй нашей сборнѣй и велицѣй церкви въ служеніи своемъ сотвори, къ сему же подда и поработи насъ подъ отлученную многихъ ради ересей святыми и Богоносными отци, римскую церковь и римскаго папу... Не токмо же до сего сотвори, но иная многая странна и чужа отъ православныя христіанскія вѣры внесн въ наше православіе. Мы же убо сія слышавше и видѣвше, подвигохомся преже, потомъ же надежу возложивше на неизреченныя судобы Божія и благодаривше человѣколюбіе его, созвахомъ боголюбивыя епископы отечества нашего, елицы обрѣтошася въ тое время близь насъ... и повелѣхомъ имъ воззрѣти въ тоя божественная и священная правила святыхъ Апостолъ и богоносныхъ отецъ, еже пріяхомъ отъ святыя великія сборныя, апостольскія Божія церкве греческія вашего истиннаго православія, и тое пренесенное его отъ папы посланіе повелѣхомъ прочитати на мнозѣ. И явися всѣмъ нашимъ боголюбивымъ епископамъ русскимъ и честнѣйшимъ архимандритомъ и преподобнымъ игуменомъ и прочимъ священноинокомъ и инокомъ, и всему нашему православному христіанству, яко чуже есть и странно отъ Божественныхъ и священныхъ правилъ исидорово все дѣло и прихоженіе. И того ради послахомъ и тое писаніе папино, писано по латынѣ и по вашей греческой граматѣ, еже принесе къ намъ Исидоръ, за папиною печатью. И просимъ святѣйшее ти владычьство, да съ святымъ царемъ и со всѣмъ божественнымъ и освященнымъ соборомъ, воззрѣвше въ святая ваша и божественная правила греческая и во оно папино посланіе и разсудивше, и за нужу далечнаго и непроходнаго путешествія и за нахожденіе на наше христіанство безбожныхъ агарянъ и за неустроеніе и мятежи еже въ окрестныхъ насъ странахъ и

господарей умноженія, *свободно намъ сотворите въ нашей земли поставленіе митрополита.* Еще же и за сію нужу, яко и духовная дѣла вся каждому православному христіанину, и наша сокровенная, а господская потребная словеса и *дѣла нужно намъ дѣлати съ митрополитомъ, толкованно младыми человѣки,* отъ нихъ же лѣпо есть что таити и тіи преже инѣхъ увѣдаютъ. И того ради просимъ святое ти владычество, послете къ намъ честнѣйшее ваше писаніе, яко да помощію Божію и благодатію Святаго Духа и споспѣшеніемъ святаго царя и съ благословеніемъ святого ти владычества и божественнаго священнаго сбора по святымъ правиломъ, собравше въ отечествіи нашемъ, въ рустѣй земли, боголюбивыя епископы отечества нашего, и по благодати святаго Духа, избравше кого человѣка добра, мужа духовна, вѣрою православна, да поставятъ намъ митрополита на Русь: понеже и преже сего, за нужу, поставленіе въ Руси митрополита бывало. А мы о семъ хочемъ, Божіею благодатію, *по изначальству нашего провославнаго христіанства посыланіе и совопрошаніе и любовь имѣти со святымъ царемъ и святѣйшаго ти благословенія и молитвы требовати и желати хощемъ* донелѣже Богъ благоизволитъ и земля наша доколѣ имѣть стояти, *и никако же разлучно отъ васъ имать быти наше православное христіанство до вѣка»* [1]).

Мы позволили себѣ привести довольно длинныя выдержки изъ этого посланія древне-русскаго вел. князя по ихъ особенной характерности. По истинѣ, изумительно смиреніе этого князя предъ благовѣрнымъ царемъ и благочестивымъ цареградскимъ патріархомъ; въ высшей степени характерна эта дели-

[1]) Русск. Ист. Библ. т. VI, стр. 529—536.

катная, тонкая, честная и твердая политика его. Князю хорошо было извѣстно колебаніе патріаршаго престола предъ обольщеніями уніи съ Римомъ; Исидоръ слишкомъ явно обнаружилъ свою миссію въ пользу этой политики по отношенію къ русской церкви: и всетаки этотъ грекъ, не желательный, никѣмъ въ Руси не прошенный, двуличный, принятъ съ честію; собственный государевъ интересъ, требовавшій именно природнаго русскаго митрополита: ибо съ грекомъ русскій князь долженъ былъ объясняться черезъ толмача, переводчика, своя «сокровенная, а господская потребная словеса и дѣла» повѣрять третьему лицу, младому человѣку,—совсѣмъ не согласовался съ продолженіемъ стараго обычая получать митрополита—перваго союзника князя—изъ Греціи и изъ грековъ; и не смотря на все это, какъ легально, какъ полновѣсно доказываетъ русскій князь константинопольскому царю и патріарху право Русской Церкви свободно избирать себѣ митрополита изъ русскихъ людей соборомъ ея епископовъ!

Поистинѣ трудно встрѣтить гдѣ либо подобный примѣръ столь глубокаго уваженія къ авторитету, покоющемуся единственно и исключительно на когда то давно образовавшихся филіальныхъ отношеніяхъ одной церкви къ другой. Такъ живо было въ эту эпоху чувство правды; такъ священнымъ представлялся авторитетъ старшей церкви; такъ высоко цѣнился союзъ любви съ нею!

Происходившій въ XVI в. знаменитый стоглавый соборъ представляетъ какъ бы ревизію и судъ русской іерархіи о состояніи Русской Церкви того времени. Основаніемъ для сужденія служитъ греческій номоканонъ съ его правилами св. апостолъ и св. отцевъ. И царь, и соборъ не обинуяся произносятъ осужденіе тѣхъ обычаевъ и практики въ церковномъ

управленіи, въ церковныхъ чинопослѣдованіяхъ, которые несогласны съ избраннымъ ими критеріемъ, авторитетъ котораго для всѣхъ внѣ сомнѣнія. Послѣдовавшее къ концу этого вѣка установленіе русскаго патріаршества разсматривалось между прочимъ какъ мѣра къ охраненію и укрѣпленію духа и преданій древней Восточной церкви, представители которой на востокѣ—церкви греческія въ то время изнемогали подъ тяжестію турецкаго ига; такъ въ актѣ учрежденія патріаршества влагаются слѣдующія слова въ уста царя Ѳеодора Іоанновича: «вѣсте, рече, отцы, яко излишее благочестіе бысть во дни благочестивыхъ царей во Елладѣ, и во Африкіи, во Египтѣ и въ Ливіи, и въ Палестинѣ, и въ Сиріи, въ Греческой земли, въ Костантинѣ градѣ, и во Александріи, и во Антіохіи, и во святѣмъ градѣ Іерусалимѣ и въ другихъ странахъ, идѣже неизреченная смотрѣнія Божія содѣявшаяся и многочеловѣчный народъ отъ тьмы невѣдѣнія ко свѣту благоразумія обратишася; нынѣ же, якоже слышимъ азъ же и вы, яко тамо преславная и премногія чести достойная, еже въ похвалу въ Троицы славимому Богу и ко спасенію человѣковъ устроена быша, вся попрана бысть рукама злочестивыхъ турокъ и якоже ничтоже отъ сихъ благое зрится, но вся безчествуема и поношаема... наша же страна, яко же зрите, благодатію Божіею во многорасшириніе приходитъ, наипаче же благочестивая наша вѣра, яже на основаніи Апостолъ и пророкъ утвержена, возрастаетъ и множится; и сего ради хощу, аще Богу угодно будетъ и писанія божественная не прорѣкуютъ, яко да въ царствующемъ градѣ Москвѣ устроится высочайшій престолъ патріаршескій» [1]). При поставленіи

[1]) Дополн. къ Акт. Истор. т. 2, № 76.

патріарху внушаемо было «наипаче блюсти и хранити общая преданія святыя Апостольскія церкви неподвижно и непреткновенно и ничтоже инако творити, ниже привносити кромѣ преданій св. Апостолъ и св. отецъ канонъ и правилъ» [1]);—и въ своемъ исповѣданіи новопоставленный патріархъ давалъ обязательство: «еще же и церковный миръ исповѣдаю соблюдати, и ни единѣмъ же правомъ противная мудрствовати, во всемъ животѣ своемъ, во всемъ послѣдуя и повинуяся святымъ апостоламъ и святымъ вселенскимъ седми соборомъ» [2]). Въ XVII в. вся дѣятельность патріарха Никона по исправленію богослужебныхъ книгъ была послѣдовательнымъ осуществленіемъ разсматриваемаго нами начала; вскорѣ затѣмъ бывшій большой московскій соборъ, сдѣлавшій много распоряженій и постановленій касательно церковнаго благоустройства, остался точно также вѣренъ этому началу, и бывшіе на немъ патріархи, Александрійскій и Антіохійскій, вполнѣ одобрили дѣйствія собора. «Святѣйшіи патріарси, говорится въ соборныхъ актахъ, наши соборы и дѣла и разсужденія слышавше, глаголали, яко тако есть истинно и право разсудили, и съ нами во всемъ согласно; якоже мы держимъ и мудрствуемъ изначала: тако и вы соборовали есте и мудрствовали, зане сіе преданіе есть св. Апостоловъ и св. отцовъ и св. церкве чинъ древній. И своимъ благословеніемъ наши соборы и разсужденія утвердиша». Въ XVIII в. утвержденіемъ Св. Синода вмѣсто патріаршества вводились довольно важныя перемѣны въ порядокъ церковнаго управленія и въ разныя отношенія церковной жизни; но при этомъ основное вселенское законодательство

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.

оставлено по прежнему въ полной своей обязательности для русской іерархіи. Такъ въ граматѣ къ восточнымъ патріархамъ объ учрежденіи Св. Синода Петръ Великій писалъ: «оному же духовному Святѣйшему Синоду опредѣлили мы, чрезъ учиненную инструкцію, дабы святую церковь управляли во всемъ по догматамъ святыя православныя каѳолическія церкви восточнаго исповѣданія неотмѣнно, и оные догматы имѣли бы за правило непогрѣшимое своего правленія, въ чемъ оные и присягою въ святѣй соборнѣй церкви, цѣлованіемъ святаго креста и подписаніемъ саморучнымъ себя обязали» [1]). И духовный регламентъ первымъ для епархіальныхъ епископовъ правиломъ постановилъ:» соборы вселенскіе и помѣстные, и что въ оныхъ заповѣдано, какъ ихъ же чину, такъ и всему клиру должное, знать гораздо, что не можетъ быть безъ прилежнаго и частаго чтенія». А въ ряду основныхъ положеній объ учрежденіи Св. Синода духовный регламентъ содержитъ слѣдующую статью, повторенную потомъ и въ дѣйствующемъ и въ настоящее время Уст. Дух. Консисторій: «управленія основаніе есть законъ Божій въ священномъ писаніи предложенный, такожъ каноны или правила соборныя, св. отецъ и проч.»—Въ настоящемъ столѣтіи разсматриваемое начало было торжественно высказано Св. Синодомъ по поводу изданія такъ называемой «Книги правилъ» въ 1839 г. Изданіе, какъ сказано въ самомъ заглавіи книги, послѣдо-

---

[1]) Императрица Екатерина II въ Наказѣ о составленіи новаго уложенія поставила коммиссіи навидъ, что «*свойство законовъ священныхъ есть, чтобъ быть имъ непремѣнными*», а потому догматы и основныя правила церкви православной исключила изъ круга предметовъ, требовавшихъ преобразованія въ законодательствѣ. Собр. зак. т. XVIII, 1767. № 12950, и 1768 № 13095.

вало: «въ утвержденіе единой, святой православно-каѳолической церкви» и какъ объяснено въ отчетѣ Оберъ-Прокурора Св. Синода по поводу этого изданія—должно служить въ отечествѣ нашемъ главною основою церковному суду и самому каноническому праву, котораго *изученіе на этомъ основаніи* признано необходимымъ для утвержденія и самаго православія.

Само собою понятно, что мы далеки отъ мысли утверждать, что исторія права древней Русской Церкви всюду и сплошь представляетъ неуклонную послѣдовательность этому началу, что въ ней не было уклоненій отъ права Вселенской Церкви. Совсѣмъ напротивъ. Уклоненія бывали не рѣдки и иногда весьма рѣзки, но они вызывали за собою и реакцію—возвращеніе къ прототипу, исправленіе. Интересъ изученія исторіи права Русской Церкви въ томъ и состоитъ, что она представляетъ собою непрерывную борьбу церковноканоническихъ идей съ враждебными имъ національными обычаями, съ природными недостатками и страстями, съ особенною рѣзкостію проявляющимися обыкновенно въ средѣ сильныхъ грубыхъ народовъ, каковыми были и народы обширной сѣверной территоріи Руси,—и постоянно растущій успѣхъ въ такой неровной повидимому борьбѣ. Какой общественный бытъ, какой семейный очагъ, какіе нравы встрѣтила Церковь Христова среди Руссовъ? Все это стояло на самой низшей ступени образованія: родъ враждовалъ съ родомъ тамъ, гдѣ образовались уже нѣкоторыя семейныя начала; но въ другихъ мѣстахъ было еще хуже: здѣсь люди, по выраженію лѣтописца, «живяху звѣрски». Какіе сосѣдніе народы входили въ ближайшія мирныя или враждебныя сношенія и столкновенія съ русскими, чтобы вліяніемъ своимъ содѣйствовать ихъ цивили-

заціи? Печенѣги, половцы, татары, наводившіе даже на русскихъ страхъ однимъ своимъ видомъ. Что же удивительнаго, если христіанская идея, святѣйшее право или полномочіе, превращались по временамъ въ практикѣ священнослужителей, выросшихъ при такихъ культурныхъ условіяхъ, въ типы весьма непривлекательные? Что удивительнаго, что по временамъ церковное наказаніе переходило въ казнь и жестокость, власть пастырская въ грубую тираннію, питаніе отъ олтаря въ кормчество и кормленіе? Тѣмъ рѣзче среди этой тьмы выдѣлялись отдѣльные истинные свѣточи вѣры, свѣта которыхъ не лишена кажется ни одна глухая дебрь, ни одинъ бѣднѣйшій и дикій уголъ великой Руси — отъ Кіева до крайняго острова Ледовитаго океана и отдаленнѣйшихъ частей Сибири. Въ чемъ же состояли успѣхи церковно каноническихъ идей, въ чемъ состояла побѣда церкви православной въ ея просвѣтительной борьбѣ съ естественною дикостію русскаго народа и въ чемъ заключается основаніе будущихъ ея успѣховъ? Въ прошломъ успѣхи ея состояли въ томъ, что она пріобрѣла и укрѣпила авторитетъ свой въ русскомъ народѣ: по сознанію его, не было и нѣтъ и не будетъ вѣры лучше ея, въ ней истина и правда, въ ней освященіе и спасеніе. Въ ней истина и правда, потому что нѣтъ *обоготворенія* въ ней *человѣческаго* авторитета: предъ ея требованіями равны и царь, и патріархъ, и послѣдній бѣднякъ. Предъ строгимъ судомъ и обличеніями ея не стоитъ земное величіе; ко всѣмъ она одинаково строга и ко всѣмъ одинаково милостива; въ ней законъ всегда выше самыхъ высокихъ лицъ. Въ ней освященіе и спасеніе; потому что тысячелѣтній опытъ доказалъ, что и въ жизни отдѣльныхъ лицъ и въ жизни цѣлаго государства русскаго въ самыя критическія минуты безвыходнаго положенія

церковь возвышала свой сильный голосъ, ободряла, давала видимую помощь и спасала. И вотъ, города, села и пустыни русской земли пестрѣютъ Божьими храмами; не можетъ русскій народъ селиться и размножаться безъ нихъ; они всегдашніе вѣрные спутники его; они сдѣлались его необходимостью. Эта то вѣками искушенная вѣра въ авторитетъ Церкви, какъ Церкви, а не репрезентовъ непогрѣшимой власти ея, въ родѣ непогрѣшимаго римскаго первосвященника, неизмѣнность и постоянство началъ ея дисциплины, простота устройства ея, по которой вся полнота ея духовныхъ средствъ осуществляется лишь тремя степенями іерархіи, и каждая вновь прирастающая къ ней окрайная область легко устроивается въ отдѣльную епархію съ своимъ епископомъ, равнымъ по священной власти со всѣми прочими епископами церкви, съ своимъ клиромъ, съ своимъ множествомъ вѣрныхъ, со всею полнотою благодатныхъ даровъ, есть вѣрное ручательство за успѣхи ея и въ будущемъ.

Она не боится нападеній раціонализма и отрицательной исторической критики. Ибо ея законоположенія уже искушены вѣковыми испытаніями; нѣтъ въ нихъ никакихъ falsa decreta; съ другой стороны— внутренней, по существу своему они непобѣдимы разумомъ, потому что привлекаютъ къ себѣ непосредственное чувство истины, плѣняютъ сердце. Она не боится измѣненій, преобразованій политическихъ, потому что никогда не связывала своего благосостоянія съ благосклонными отношеніями къ ней государствъ. Съ глубокою признательностію принимала она богатые вклады и пожалованія отъ древнихъ князей и не переставала молиться о благоденствіи ихъ и тогда, когда потомки обратно изымали изъ владѣній ея то, что дарили ей ихъ предки. У господствующей, госу-

дарственной Церкви Русской всегда былъ и есть предъ глазами примѣръ крайне бѣдствующихъ восточныхъ церквей и не оскудѣвающихъ во внутренней своей силѣ.

Вторымъ основнымъ началомъ права Русской Церкви, проходящимъ также послѣдовательно и непрерывно чрезъ ея исторію служитъ признаніе церковію за представителями государственной власти особенныхъ преимуществъ положенія въ церкви и правъ покровительства и дѣятельнаго участія въ устроеніи церковныхъ дѣлъ. Такое отношеніе Церкви къ представителямъ государственной власти служитъ основаніемъ самаго тѣснаго, внутренняго союза и между церковію и государствомъ вообще, такъ что при полной самобытности и самостоятельности устройства и права Русской Церкви она во многихъ отношеніяхъ состоитъ въ такомъ единеніи съ государствомъ, что можетъ почитаться какъ бы однимъ цѣлымъ. Что особенно въ этомъ отношеніи достойно вниманія, это—*естественность* такого союза, держащагося не на искусственныхъ средствахъ предусмотрительной и послѣдовательной политики, не силою необходимости, не результатомъ какой либо полюбовной сдѣлки, не силою политическаго такта правительства свѣтскаго или духовнаго, а на глубокомъ, религіею освященномъ, уваженіи царской власти, какое церковь искони воспитывала въ русскомъ народѣ, на вѣками оправданномъ покровительствѣ и защитѣ церковныхъ интересовъ со стороны самой государственной власти, на ея вѣрности и преданности Православной Церкви и ея учрежденіямъ. О еслибы эта естественность, держащаяся на этихъ основаніяхъ, сохранялась незыблемою въ умахъ и сердцахъ русскихъ людей и въ нашъ вѣкъ, когда съ такою энергіею подъ покровомъ то результатовъ современной государствен-

ной науки, то подъ покровомъ модныхъ принциповъ свободы совѣсти, къ намъ врываются готовыя разрушить эту естественность идеи и вѣянія атеизма, индифферентизма и положительной вражды ко всякой религіи, врываются съ запада, изстрадавшагося отъ угнетающаго, мучительнаго разлада между государствомъ и церковію и вслѣдствіе этого или заснувшаго въ апатіи и въ полномъ отчаяніи насчетъ возстановленія мира между ними, или изощряющагося въ изобрѣтеніи для сего самыхъ искусственныхъ средствъ, самыхъ утонченныхъ теорій! Приводя на память это затруднительное положеніе просвѣщенныхъ западныхъ народовъ, культурныхъ западныхъ государствъ и сравнивая съ нимъ отношенія союза и внутренняго мира, покоющагося на взаимномъ довѣріи церки къ государству и обратно у насъ, нельзя не признать вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Іоанномъ, епископомъ Смоленскимъ, этихъ отношеній «благословенными» [1]). Раскрывая частнѣе основаніе союза между государствомъ и церковію русскою, Преосвященный Іоаннъ говоритъ: «Средоточіе этого союза, опора этого единства есть власть царская. Церковь сознаетъ и сохраняетъ свои отношенія къ государю, какъ къ помазаннику Божію, поставленному Вышнею рукою на царство, въ которомъ и она (церковь) находится. Поэтому церковь признаетъ власть царскую священною, неприкосновенною и непререкаемою; почитаетъ ее какъ власть въ государствѣ самодержавную, неограниченную, которой и всѣ члены Церкви, равно и служащіе и начальствующіе въ ней, какъ члены вмѣстѣ и общества гражданскаго, суть подданные, обязанные повиновеніемъ безпрекословнымъ;

---

[1]) Правосл. Собесѣдн. 1860, ч. 1 стр. 28: «объ основныхъ началахъ русскаго Церковнаго права».

какъ власть верховнаго покровительства и наблюденія въ Церкви, дѣйствующую мѣрами государственными не только въ предупрежденіи и пресѣченіи преступленій противъ нея, но и въ самомъ церковномъ благоуправленіи. Соотвѣтственно такимъ понятіямъ о царской власти, Церковь почитаетъ священнѣйшимъ долгомъ ограждать ея величіе и неприкосновенность,—ограждать своимъ ученіемъ, своими правилами, своимъ духовнымъ вліяніемъ на совѣсть и нравы народа.

Такія понятія о царской власти и отношенія свои къ ней наша Православная Церковь въ частности выражаетъ:

а) въ торжественномъ священнодѣйствіи царскаго мvропомазанія, которымъ царская власть освящается, и помазанный, какъ самимъ Богомъ поставленный и вознесенный на царство, исполняется особенныхъ даровъ благодати, не только для укрѣпленія силъ въ подвигахъ высокаго служенія своего, но и для того, чтобы въ дѣйствіяхъ своей самодержавной власти быть чистымъ орудіемъ воли Божественной, послѣ которой нѣтъ на землѣ власти высшей, какъ власть царя [1]).

б) во всенародныхъ моленіяхъ о царѣ, какъ повседневныхъ, при каждомъ церковномъ священнослуженіи, такъ и особенныхъ, во дни торжествъ государственныхъ, какъ то: во дни священнаго вѣнчанія государя на царство и вступленія на престолъ, когда Церковь нарочито усиливаетъ свои молитвы «о еже благословитися царству его благословеніемъ Царя царствующихъ; о еже укрѣплену быти скипетру его десницею Вышняго» и т, д. [2]).

---

[1]) См. Чинъ вѣнчанія на царство нашихъ государей. Сн. Послѣдованіе въ недѣлю Православія.

[2]) См. Молебное пѣніе въ день коронованія государя императора и въ день восшествія его на престолъ.

Собственно въ отношеніи къ себѣ самой Церковь о царской власти молитъ: «даждь имъ, Господи, мирное царство, да и мы въ тишинѣ ихъ тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ». Также: «удержави его (Царя) царство, даруй ему глубокій и неотъемлемый миръ, возглаголи въ сердцѣ его благая о Церкви твоей, да въ тишинѣ его тихое житіе поживемъ» [1]).

в) въ нѣкоторыхъ особенныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ царской власти; такъ Церковь: 1) принимаетъ и свидѣтельствуетъ всенародную присягу на подданство государю; 2) всѣхъ своихъ служителей, не исключая и высшихъ, обязываетъ присягою къ неизмѣнной вѣрности и покорности ему, каждый разъ при ихъ вступленіи въ должность; 3) въ своихъ поученіяхъ къ народу, въ духовномъ просвѣщеніи его закономъ Божіимъ, въ своемъ нравственномъ вліяніи на совѣсть и жизнь общественную, неослабно внушаетъ чистую и совершенную преданность престолу, безпрекословную покорность царской власти и волѣ; 4) нарушеніе воли или оскорбленіе чести царской, всякій враждебный замыселъ противъ нея

---

[1]) См. молитву задостойную въ литургіи св. Златоуста и св. Василія Вел. Въ прежнія времена желанія Церкви прямо высказывались государямъ обыкновенно при ихъ вѣнчаніи на царство. Митрополитъ отъ лица всей Церкви говорилъ Царю: «имѣй страхъ Божій въ сердцѣ и сохрани вѣру христіанскую греческаго закона чисту и непоколебиму. Къ святѣй же соборной церкви и къ всѣмъ святымъ церквамъ имѣй вѣру и страхъ Божій и воздавай честь, понеже въ ней Царю второе пороженъ еси отъ святыя купели духовнымъ святымъ пороженіемъ. И паки ти глаголю, о боговѣнчанный царю: цѣло имѣй мудрованіе православнымъ догматамъ, почитай излише матерь твою Церковь, яже о святѣмъ Дусѣ тя воздои, да и самъ почтенъ будеши отъ нея» (См. чинъ вѣнчанія царя Іоанна Васильевича въ Дополн. къ Акт. Ист. I, № 39.

предупреждаетъ, обличаетъ и запрещаетъ, какъ тяжкій грѣхъ, и поражаетъ своимъ духовнымъ судомъ; измѣнниковъ царю не признаетъ и своими членами, не терпитъ ихъ въ обществѣ своихъ сыновъ православныхъ и предаетъ анаѳемѣ [1]).

Соотвѣтственно такимъ отношеніямъ Церкви къ царской власти и эта послѣдняя съ своей стороны поставляетъ себя въ непосредственное, живое къ ней отношеніе, принимая дѣятельное участіе въ ея распространеніи, благоустроеніи—духовномъ и матеріальномъ,—покровительствѣ и содѣйствіи ея учрежденіямъ, распоряженіямъ, наконецъ, въ защитѣ ея противъ враждебно направляющихся дѣйствій внутри и внѣ государства. Что и это отношеніе государства къ церкви у насъ вполнѣ *естественно*, т. е. зиждется на основаніяхъ, коренящихся въ самомъ существѣ дѣла—доказывается всею исторіею русскаго государства отъ временъ св. князя Владиміра. Не политическій разсчетъ, не давленіе на совѣсть были мотивами, заставившими воинственнаго князя сдѣлаться христіаниномъ греческаго закона, а свободное внутреннее расположеніе, можетъ быть соединенное даже съ убѣжденіемъ въ превосходствѣ греческой вѣры предъ всѣми другими, ясно сознаннымъ изъ сравненія ея съ ними. Вотъ почему сдѣлавшись христіаниномъ св. Владиміръ не только не охладѣлъ къ вѣрѣ, а напротивъ болѣе и болѣе возсталъ въ любви къ ней. Его дѣти ознаменовали себя то глубоко религіозною, нравственною жизнію, стяжавъ мученическій вѣнецъ (Борисъ и Глѣбъ), то заявивъ себя поразительною любовію къ христіанскому просвѣщенію себя и своихъ подданныхъ (Ярославъ... и бѣ любя цер-

---

[1]) Духовн. Реглам. прибавл. пунк. II и Послѣд. въ нед. Православія.

ковные уставы). Затѣмъ исторія русской церкви и ея агіологія выставляютъ поразительно длинный рядъ князей—ревнителей вѣры, ревнителей просвѣщенія, князей святыхъ, князей-мучениковъ-страдальцевъ за вѣру. Длинный рядъ царей Московскихъ и всея Руси не представляетъ ни одного, который не ознаменовалъ бы себя глубокою личною преданностію православной вѣрѣ и *отсюда именно* проистекавшими дѣйствіями на благо церкви; наконецъ—первый русскій императоръ, преобразователь всего государственнаго строя, не инымъ чѣмъ ознаменовалъ свое отношеніе къ церкви православной, какъ торжественнымъ исповѣданіемъ себя послушнымъ Ея сыномъ и дѣятельнымъ стремленіемъ—*по долгу Богоданныя ему власти* о исправленіи духовнаго чина и о томъ, чтобы народу христіанскому преподаваемо было достаточное назиданіе духовное.

Понятно, что при такомъ основномъ характерѣ отношеній представителей государственной власти къ церкви, весьма трудно подвести ихъ подъ какія либо опредѣленныя формулы государственнаго права, выработанныя на западѣ подъ вліяніемъ совершенно иного характера отношеній. При личной глубокой религіозности каждый князь, каждый царь могъ дѣйствовать совершенно своеобразно, какъ внушала ему собственная совѣсть, разумъ, данныя обстоятельства и лица іерархіи, стоявшія у кормила правленія и ближайшіе совѣтники главы государства.

Древнѣйшимъ чисто государственнаго свойства актомъ со стороны нашихъ князей въ отношеніи къ церкви было опредѣленіе церковной подсудности, точное исчисленіе лицъ и учрежденій церковныхъ, а затѣмъ тяжебныхъ дѣлъ и преступленій, какъ подлежавшихъ исключительному вѣдѣнію церковнаго суда, или же суда «общаго», «смѣснаго»—епископскаго

(митрополитскаго) и княжескаго. Такое исчисленіе, начавшись съ такъ называемыхъ уставовъ Владимірова и Ярославова, повторяется затѣмъ въ жалованныхъ граматахъ позднѣйшихъ князей, въ судебникахъ царей Іоанна III и Іоанна IV; это исчисленіе затѣмъ было сдѣлано при Петрѣ Великомъ, при чемъ сфера церковнаго суда значительно сокращена. Съ тѣхъ поръ и по настоящее время опредѣленіе церковной подсудности можно вообще почитать дѣломъ государственной власти, хотя при этомъ во всѣ времена принимались въ соображеніе представленія или голосъ и самой церкви или ея высшаго управленія. (Такъ было поступлено, не говоря о стародавнихъ временахъ, и при новомъ опредѣленіи церковной подсудности по поводу введенія судебной реформы 1864 года).—Другимъ актомъ, выражавшимъ дѣятельное участіе представителей государственной власти въ церковныхъ дѣлахъ, было избраніе лицъ, рукополагаемыхъ въ степени епископскія и митрополитскую. Что въ избраніи епископа имѣлъ силу голосъ князя, это засвидѣтельствовано нашими лѣтописями, которыя высказываютъ тономъ правоваго положенія обычнаго права слѣдующую мысль: «нѣсть праведно наскакати на святительскій престолъ, но его же восхощетъ князь и людіе его». Но князь, равно какъ и народъ, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ непремѣнно въ согласіи и съ совѣтомъ собора епископовъ, который по правиламъ и рукополагалъ излюбленнаго княземъ и народомъ. Собору епископовъ принадлежало такимъ образомъ право поставленія епископа, какъ и митрополита; но предварительный ему актъ избранія совершался чрезъ князя и народъ, и само собою разумѣется при участіи и собора епископовъ. Такъ было въ древнѣйшій періодъ; позднѣе—въ Московскій митрополитскій и патріаршій періоды дѣло избра-

нія епископовъ принадлежало всецѣло освященному собору при митрополитѣ (потомъ патріархѣ) всея Руси и Московскому вел. князю и царю; тоже отношеніе осталось и при введеніи синодальнаго управленія: избраніе принадлежитъ членамъ Синода, представляющимъ избраннаго на утвержденіе Государя.

Исчислять *подробно* другія стороны церковной жизни, воздѣйствіемъ на которыя представители государственной власти выражали въ древней Руси свое отношеніе къ церкви, представляется излишнимъ, въ виду того, что для такого перечисленія недостаетъ какихъ либо общихъ руководящихъ основаній, по которымъ можно было бы установить классификацію правительственныхъ дѣйствій по отношенію къ Церкви. Преосвященный Іоаннъ сдѣлалъ попытку подвести дѣйствія правительственной власти по отношенію къ церкви подъ слѣдующія общепринятыя категоріи:

1) *Законодательныя*, въ которыхъ самодержавная власть а) издавала для церкви, чрезъ ея духовное правительство, законы и постановленія относительно порядка ея управленія и благочинія, также ея правъ и преимуществъ въ государствѣ [1]); б) утверждала и обнародывала собственныя постановленія церкви для всенароднаго исполненія ихъ въ государствѣ [2]).

2) *Наблюдательныя*, или права верховнаго надзора надъ состояніемъ Церкви, охраненія православія въ народѣ, наблюденіе за церковнымъ благочиніемъ, дѣйствіями лицъ, въ ней управляющихъ и слу-

---

[1]) Таковы церковные уставы вел. кн. Владиміра, Ярослава; уставныя граматы другихъ князей; статьи о церковныхъ дѣлахъ въ судебникахъ Іоанна III и IV; предложенія Іоанна IV собору 1551; царя Алексѣя Михайловича собору 1667 г. и пр.; граматы жалованныя въ пользу церковныхъ мѣстъ и лицъ и проч.

[2]) Арх. экспедиціи т. I № 225, 227, 241, 308, 321, 360.

жащихъ, за исполненіемъ въ государствѣ ея правилъ и т. д.—Сюда относились дѣйствія верховной власти въ пресѣченіи важнѣйшихъ преступленій противъ вѣры и церкви, особенно открытыхъ и возмущающихъ миръ церкви, какъ то: ересей, расколовъ и проч. [1]).

3) Дѣйствія собственно *правительственныя* (административныя), какъ то: избраніе и утвержденіе высшихъ начальствующихъ въ Церкви лицъ, распоряженія относительно порядка ея управленія, направленія церковныхъ дѣлъ по видамъ государства и къ общей пользѣ отечества и т. д. [2]).

4) Дѣйствія *судебныя*,—верховное право суда надъ высшимъ духовенствомъ, гражданскія казни преступниковъ противъ вѣры и церкви и т. д. [3]).

«Всѣ эти дѣйствія въ Церкви царской власти—поясняетъ Преосвященный Іоаннъ—совершались въ двухъ постоянныхъ предѣлахъ: 1) не иначе какъ чрезъ церковное правительство,—отдѣльно ли чрезъ высшихъ пастырей Церкви или чрезъ общіе соборы ихъ;—2) не иначе какъ на общемъ основаніи собственныхъ, коренныхъ законовъ Церкви, каковыми всегда были «божественная и священная правила св. Апостолъ и богоносныхъ отецъ, яже пріяхомъ отъ святыя, великія, соборныя и апостольскія Церкве восточныя [4])».

Но такую попытку едва ли можно признать удачною, особенно для отношеній государственной власти къ Церкви въ древней Руси. Такъ, въ исчисленныя дѣйствія не входитъ въ высшей степени важное и

---

[1]) Акт. Истор. т. I № 285, 161, 204.

[2]) Акт. Арх. Эксп. т. I. № 9, 80, 201, 241 и пр. Ак. Ист. т. I № 39, 41 и др.

[3]) Собр. Закон. т. I № 412 Уложенія гл. I.

[4]) Акт. Ист. т. I № 39, 61. Дополн. къ нимъ т. II № 76.

богатое послѣдствіями жалованье князей и царей въ пользу церкви недвижимыхъ имуществъ, денежныхъ вкладовъ, построеніе церквей, отчисленіе въ пользу церквей доходовъ и вообще забота о матеріальномъ ихъ благосостояніи. Не подходятъ подъ исчисленныя категоріи и тѣ совмѣстные съ лицами іерархіи совѣты и заботы правительства о распространеніи православной вѣры среди полудикихъ племенъ на окраинахъ Руси, объ устроеніи новыхъ епископій, далѣе совмѣстныя совѣщанія и дѣйствія о такихъ важныхъ перемѣнахъ въ церковномъ устройствѣ, какъ установленіе самостоятельнаго избранія всероссійскихъ митрополитовъ, установленіе патріаршества и пр., каковые не подлежатъ никакому сомнѣнію, какъ историческіе факты.—Но съ другой стороны въ представленныхъ категоріяхъ указаны и такія дѣйствія правительственной власти, которыя въ дѣйствительности не имѣли усвояемаго имъ характера. Такъ, невозможно согласиться съ положеніемъ, будто бы свѣтское правительство въ древней Руси издавало для Церкви законы и постановленія относительно порядка ея управленія и благочинія (1-я категорія). Уставы Владиміра и Ярослава, на которые дѣлается въ доказательство этого ссылка, ничего такого въ себѣ не содержатъ. Они, какъ было прежде нами сказано, имѣютъ спеціальную задачу — разверстать церковную и государственную подсудность. Затѣмъ ссылка на предложенія соборамъ, сдѣланныя царями Іоанномъ IV и Алексѣемъ Михайловичемъ, можетъ быть съ большимъ правомъ приведена въ доказательство противоположнаго мнѣнія, что русскіе цари не почитали себя компетентными издавать по вопросамъ церковнаго управленія и благочинія законы и постановленія, а обращались въ такихъ случаяхъ къ собору епископовъ, который и почитали единственно

компетентнымъ законодателемъ. Іоаннъ Васильевичъ Грозный на Стоглавомъ соборѣ выступаетъ съ своими вопросами вовсе не какъ законодатель, а только какъ совопросникъ; по крайней мѣрѣ, формально, подобно тому, какъ таковыми совопросниками являлись на Константинопольскомъ патріаршемъ синодѣ наши древніе епископы и митрополиты, ища здѣсь разрѣшенія своихъ недоумѣнныхъ вопросовъ. «Да съ нами соборнѣ—говоритъ Грозный—попрося у Бога помощи, во всякихъ нуждахъ посовѣтуйте и разсудите, и утвердите по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ и по прежнимъ законамъ прародителей нашихъ, чтобы всякое дѣло и всякіе обычаи строилися по Бозѣ въ нашемъ царствіи и при вашемъ святительскомъ пастырствѣ, а при нашей державѣ. А которые обычаи въ прежнія времена послѣ отца нашего Великаго князя Василія Ивановича всея Русіи и до сего настоящаго времени поисшаталися, или въ самовластіи учинено, по своимъ волямъ, или предніе законы которые порушены или ослабно дѣло небрегомо божіихъ заповѣдей что творилося... о всемъ о семъ довольно себѣ духовнѣ посовѣтуйте и на среди собора сіе намъ возвѣстите. И мы вашего святительскаго совѣта и дѣла требуемъ и совѣтовати съ вами желаемъ о Бозѣ утверждати нестройное во благо. А что нами нужа, или которыя земскія нестроенія—и мы вамъ о семъ возвѣщаемъ. И вы, разсудя по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ, утвержайте въ общемъ согласіи, вкупѣ. А азъ вамъ, отцемъ своимъ, и съ братіею и съ своими бояры, челомъ бью» [1]). Такъ не говорятъ законодатели. Тоже самое должно сказать и о поведеніи Алексѣя Михайловича на соборѣ 1667 г.

---

[1]) Стоглавъ. стр. 46. Изд. Правосл. Собесѣдн.

Нельзя также согласиться и съ тѣмъ, будто бы въ древней Руси свѣтское правительство имѣло «права верховнаго надзора надъ состояніемъ церкви» (2 категорія) или «верховное право суда надъ высшимъ духовенствомъ» (4 категорія). Что великіе князья и цари весьма нерѣдко указывали церковной іерархіи на замѣчаемыя ими неустройства или уклоненія отъ церковнаго порядка въ сферѣ церковной жизни, предъявляли ей въ этомъ отношеніи требованія—это вѣрно; но отсюда еще далеко до того, чтобы они сами себя или другіе почитали ихъ имѣющими jus inspectionis. Это было дѣломъ благочестивой ревности, плодомъ того глубокаго вниманія къ интересамъ и явленіямъ церковной жизни, какое вполнѣ естественно было у древне-русскаго князя или царя, котораго и жизнь частная и дѣятельность государственная были глубоко и всецѣло проникнуты религіознымъ и церковнымъ характеромъ. Что такой князь или царь почиталъ своею *обязанностію*, своимъ *долгомъ* о замѣченныхъ нестроеніяхъ указывать іерархіи—это совершенно естественно, но чтобы усвоялъ себѣ такое отношеніе въ *право*—это трудно доказать. То же самое слѣдуетъ сказать и о мнимомъ верховномъ правѣ суда надъ высшимъ духовенствомъ. Что князья и цари присутствовали на соборахъ епископовъ, что даже сами созывали, или побуждали митрополита или патріарха созывать соборы для суда надъ лицами іерархіи, что они засѣдали на этихъ соборахъ съ подобающею княжескому или царскому достоинству честію—это несомнѣнно, но высшее право суда всегда почиталось принадлежащимъ собору епископовъ или въ важнѣйшихъ случаяхъ восточнымъ патріархамъ, но не князю или царю [1]).

[1]) Въ этомъ отношеніи достопримѣчательное свидѣтельство

Вообще объ отношеніяхъ правительственной власти къ церкви въ древней Руси должно сказать, что они опредѣлялись не какимъ либо опредѣленнымъ правовымъ принципомъ, а степенью личнаго религіознаго чувства правителя. Въ силу этого различіе въ отношеніяхъ къ церкви того или иного изъ правителей въ сущности свидѣтельствовало только о томъ, что одинъ въ силу личныхъ индивидуальныхъ способностей и склонности глубже простиралъ свое вниманіе и свою дѣятельность въ сферу церковной жизни, другой довольствовался самою скромною долей вліянія на церковныя дѣла, занятый болѣе дѣлами государственными или своими личными. При этомъ даже крайнее увлеченіе религіозными дѣлами не могло отражаться вредно для авторитета іерархіи, не могло быть опаснымъ для него: ибо этотъ авторитетъ стоялъ высоко; безъ совѣта съ епископами своими ни князь, ни царь не рѣшался дѣлать ничего важнаго въ церковной сферѣ; такъ что, если избытокъ набожности служилъ въ какомъ либо князѣ причиною того, что увлекалъ его въ заботахъ о церкви далѣе, чѣмъ сколько слѣдовало бы мірской власти, то съ другой стороны эта же религіозность побуждала сдерживать себя въ этомъ увлеченіи высокимъ уваженіемъ предъ авторитетомъ іерархіи, и ревностный и смѣлый реформаторъ-князь склонялся предъ нею какъ послушнѣйшій сынъ церкви. Достопримѣчательный примѣръ такого отношенія представляетъ царь Ѳе-

---

даетъ Дух. Регламентъ, когда однимъ изъ преимуществъ Синода предъ патріаршествомъ выставляетъ право суда надъ самимъ предсѣдателемъ, тогда какъ для суда надъ патріархомъ требуется созваніе собора и при томъ съ участіемъ другихъ патріарховъ. Такъ ясно въ то время сознавалось, кому принадлежитъ верховное право суда надъ высшимъ духовенствомъ.

доръ Іоанновичь въ дѣлѣ установленія въ Россіи патріаршества. Какимъ образомъ въ душѣ упомянутаго государя взлелѣяна была мысль объ учрежденіи въ Москвѣ патріаршества—это для насъ не имѣетъ интереса, для насъ важно то, что въ моментъ, когда она уже вполнѣ созрѣла—соборъ русскихъ епископовъ, на обсужденіе котораго она была предложена, высказалъ благочестивому царю слѣдующее: «аще восхощетъ благочестивая ти держава, да возвѣстится о семъ писаніемъ вселенскимъ четыремъ патріархомъ, и симъ комуждо со своими митрополиты и епископы совѣтовавшимъ и писаніемъ между собою согласившимся, Богу помогающу удобь таковое начинаніе къ совершенію пріити возможетъ: понеже благочестивая ти держава и мы всѣ имѣемъ сихъ, яко столпы благочестію... но и паче же сего ради, *да не возмнитъ, о благочестивый царю, инѣмъ языкомъ, наипаче же пишущимъ на святую вѣру латыномъ и прочимъ еретикомъ, яко въ царствующемъ градѣ Москвѣ патріаршескій престолъ устроился токмо единою ти царскою властію.* На это лѣтопись замѣчаетъ: «благочестивый царь, сія слышавъ, *не тяжко внетъ о семъ*, аще и по власти можаше высочайшій престолъ патріаршескій устроити, *яко царь и самодержецъ;* но обаче изволи повинутися воли Божіи и святительскому совѣту; наипаче же по всему являясь, *яко сынъ и послушникъ* святыя церкви» [1]).

Съ преобразованіемъ всего государственнаго устройства при Петрѣ Великомъ, отношенія государственной власти измѣнились (отношенія Церкви остались тѣже) въ томъ смыслѣ, что усилилось вліяніе ея на церковныя дѣла. Это произошло естественно какъ прямое послѣдствіе возвеличенія главы государствен-

---

1) Дополн. къ Акт. Ист. № 76, стр. 191.

ной власти, принявшей титулъ императора. Лица высшей церковной іерархіи, вмѣстѣ съ прочими подданными государства, должны были стать въ разрядъ сословій и совмѣстно съ прочими сословіями признать надъ собою единственный высшій авторитетъ—императора. Отмѣна патріаршества какъ нельзя лучше гармонировала съ совершавшеюся государственною реформою: патріархъ, дотолѣ представлявшій лицо почти равное лицу царя, въ государственномъ строѣ, во всякомъ случаѣ выдѣлявшійся по значенію надъ всѣми прочими подданными государства, теперь замѣненъ былъ коллегіальнымъ учрежденіемъ, составленнымъ изъ лицъ высшей іерархіи и поставленнымъ по государственному значенію на одну линію съ правительствующимъ сенатомъ, составленнымъ изъ представителей высшаго гражданскаго сословія. Пониженіе значенія въ государствѣ іерархіи, обусловливавшееся уже этими отношеніями, увеличивалось еще и тѣмъ, что изъ вѣдѣнія церковнаго суда были выдѣлены многія дѣла и лица и подчинены вѣдѣнію общихъ государственныхъ учрежденій. У императора—реформатора государственнаго была мысль ограничить сферу вліянія церковной іерархіи исключительно дѣлами духовнаго характера и изъять изъ прежней обширной сферы этого вліянія всѣ мірскія дѣла—мысль, далеко не осуществившаяся однакоже вслѣдствіе того, что доселѣ сложившіяся отношенія укрѣплялись вѣками и измѣнить ихъ вдругъ не оказывалось возможности.—Результатомъ такихъ измѣненій явилось то,что высшая правительственная власть Церкви Русской была сосредоточена въ правительственно-церковномъ учрежденіи — Св. Синодѣ, установленномъ императоромъ и долженствовавшемъ дѣйствовать именемъ императора: православная церковь получила характеръ государственной религіи въ русскомъ государствѣ.

Этотъ характеръ „государственной“ религіи обнаруживается во внѣ тѣмъ, что всякія распоряженія, дѣйствія, мѣропріятія церковнаго правительства, имѣютъ въ государствѣ для подданныхъ его кромѣ церковноюридической обязательности, какъ церковныя, и обязательность государственно-юридическую, такъ какъ бы они исходили отъ другихъ правительственныхъ установленій. Въ этомъ заключается, безъ сомнѣнія, преимущество новаго положенія, какое заняла Церковь въ реформированномъ государствѣ. Но зато іерархія утратила значительную долю прежней самостоятельности и независимости отъ государственной власти. Ибо теперь правительственныя ея дѣйствія, какъ то законодательныя, административныя— по управленію подвѣдомственными учрежденіями и имуществами,—судебныя и полицейскія совершаются не иначе какъ по Высочайшему соизволенію и даже утвержденію. Только въ самое недавнее время Св. Синоду предоставленъ весьма незначительный кругъ сравнительно маловажныхъ дѣлъ, которыя вѣдаются безъ Высочайшаго утвержденія.

Общее положеніе Русской Церкви, какъ религіи государственной, въ настоящее время опредѣляется основными нашими законами слѣдующимъ образомъ:

1) Первенствующая и господствующая вѣра въ Россійской имперіи есть христіанская православная, каѳолическая, восточнаго исповѣданія [1]).

2) Императоръ, престоломъ россійскимъ обладающій, самъ лично не можетъ исповѣдывать никакой иной вѣры, кромѣ православной; и по сану своему и долгу есть верховный покровитель и защитникъ Церкви, блюститель ея догматовъ и всего правовѣрія [2]).

---

[1]) ст. 40.
[2]) ст. 41.

3) Въ управленіи церковномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, ею учрежденнаго [1]).—Она дѣйствуетъ вообще двоякимъ образомъ: 1) разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ докладовъ Св. Синода по дѣламъ, требующимъ Высочайшаго рѣшенія, и 2) объявленіемъ Св. Синоду и чрезъ него обнародованіемъ непосредственныхъ Высочайшихъ повелѣній [2]).

4) Какъ рожденнымъ въ православной вѣрѣ, такъ и обращеннымъ къ ней изъ другихъ вѣръ, запрещается отступать отъ нея и принимать иную вѣру, хотя бы и христіанскую [3]).

5) Всякое малѣйшее помѣшательство Церкви православной въ правилахъ ея, въ священнослуженіи и всякое отвлеченіе отъ нея строжайше воспрещаются [4]).

6) Всякія преступленія противъ Церкви, какъ напр. порицаніе православной вѣры, оскорбленіе святыни, нарушеніе церковнаго благочинія, несоблюденіе въ народѣ правилъ и постановленій православной церкви судятся какъ уголовныя преступленія.

7) Произведенія наукъ и искусствъ подвергаются запрещенію, какъ скоро въ нихъ содержится что либо клонящееся къ поколебанію ученія православной церкви, ея преданій и обрядовъ, или вообще истинъ и догматовъ христіанской вѣры [5]).

---

[1]) ст. 43.
[2]) Реглам. Введ. и ч. 1 п. 3, 7.
[3]) Св. Зак. т. XV опред. и прес. прест. гл. 3 ст. 46.
[4]) Тамъ же отд. 2 ст. 99.
[5]) Св. Зак. т. XIV прилож. къ ст. 147 уст. о цензурѣ ст. 3.

§ 5.

Задача науки церковнаго права.

Кодификація права, толкованія его. Научная систематизація.

Наука церковнаго права имѣетъ характеръ точной положительной науки, опирающейся, какъ на главномъ своемъ основаніи, на тѣхъ положительныхъ источникахъ, изъ которыхъ становится удобопознаваемымъ самое право. Крайняя задача ея и состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ точномъ возсозданіи, представленіи того цѣльнаго юридическаго образа Церкви, какой даетъ въ совокупности взятое объективное право ея, изложенное въ положительныхъ источникахъ. Наука права предполагаетъ послѣднее, какъ существующее уже, какъ фактъ, съ одной стороны уже вполнѣ сложившійся, переживший предшествовавшую ему исторію, съ другой—какъ нѣчто живое, въ данномъ состояніи своемъ носящее зародышъ имѣющихъ потомъ совершиться перемѣнъ, имѣющаго потомъ совершиться дальнѣйшаго развитія, усовершенствованія. Но если такъ, то возникаетъ весьма естественный вопросъ: въ чемъ же ея задача? Если право предлежитъ, такъ сказать, предстоитъ предъ глазами изучающаго его въ своихъ источникахъ, то что же значитъ, что наука должна представить его? Чѣмъ будетъ различаться это научное представленіе, изображеніе права отъ того, какое даютъ сами положительные источники его? Отвѣтъ получается изъ разсмотрѣнія того состоянія, въ какомъ предписанія права, письменно изложенныя, находятся въ источникахъ его.

Положительное право, заключенное въ письменныхъ источникахъ, не есть нѣчто цѣльное, совер-

шенно и навсегда законченное. Въ каждый моментъ своего существованія оно есть плодъ предшествовавшей жизни, опыта и законодательнаго генія. Рѣдко, особенно въ первоначальныя эпохи своего бытія оно является въ видѣ цѣлаго, систематически обнимающаго разныя отношенія жизни. По большей же части оно появляется въ письмени отдѣльными частями, или даже отдѣльными законодательными актами (грамата, предписаніе на отдѣльный случай, указъ и т. п.); такъ что иногда проходитъ очень долгое время, въ теченіи котораго оно находится въ такомъ разбросанномъ, разрозненномъ видѣ, пока, наконецъ, правительственная власть или частное лицо не озаботится собраніемъ этихъ отдѣльныхъ актовъ въ одинъ сводъ или *кодексъ*. Это составленіе кодексовъ, кодификація права—допускаетъ слѣдующія разныя отношенія, въ какія кодификаторъ становится къ своему сырому матеріалу. 1. Онъ вноситъ свой матеріалъ безъ всякаго измѣненія, вписывая статью за статьею, актъ за актомъ, такъ, какъ они дошли до него, наблюдая въ очереди лишь хронологическій порядокъ. 2. Въ дальнѣйшей ступени кодификація права допускаетъ уже значительную переработку сырого матеріала и именно въ двухъ отношеніяхъ: а) кодификаторъ располагаетъ отдѣльные акты и статьи не въ хронологическомъ ихъ порядкѣ, а въ систематическомъ, располагаетъ ихъ отдѣленіями или группами, соединяя въ нихъ сродные по содержанію и по предмету; б) въ тоже время преобразовываетъ и внѣшній видъ ихъ такимъ образомъ, что выдѣляетъ изъ нихъ элементы, составляющіе историческую часть законодательнаго акта и тѣ мотивы, которыми руководился законодатель лично, словомъ, выдѣляетъ всѣ, такъ сказать, индивидуальные элементы отдѣльнаго закона и оставляетъ въ немъ только правовое положеніе, предписаніе или правило, превращаетъ такимъ

образомъ законодательный актъ въ отдѣльную или въ отдѣльныя статьи закона.

Въ такомъ видѣ, въ числѣ источниковъ права русской церкви являются номоканоны византійскіе—общіе и епитимійные—кормчая книга, полное собраніе законовъ Россійской имперіи, сводъ ихъ съ продолженіями къ нему, собраніе постановленій Св. Синода.

Если въ такого рода кодексахъ выдѣлены законы, утратившіе практическое значеніе, противорѣчивые—примирены: то они и могутъ удовлетворять болѣе или менѣе практической потребности употребленія. Если далѣе они одобрены къ употребленію властію, то всякій желающій доказать какое либо свое право и долженъ не иначе какъ буквально, ничего не измѣняя, прочитывать или прописывать правовыя положенія въ тѣхъ статьяхъ, въ какихъ онѣ помѣщены въ кодексахъ.

Несомнѣнно, что и въ такого рода кодексахъ уже присущъ особый, упорядочивающій раціональный элементъ, котораго не было въ первоначальныхъ законахъ, какъ они вышли отъ законодателя: тѣмъ не менѣе такое состояніе права еще далеко отъ научной его обработки. Кодификаторъ остановился, такъ сказать, при самомъ началѣ анализирующей и синтезирующей дѣятельности по отношенію къ законамъ, той дѣятельности, которая и составляетъ сущность научнаго къ нимъ отношенія. Отдѣльныя статьи кодекса по своей логической конструкціи представляютъ еще въ высшей степени пеструю, разнообразную матерію то отвлеченныхъ общихъ положеній, то конкретныхъ описаній событій, лицъ, дѣйствій, предметовъ, и въ большинствѣ соединяются между собою механически, будучи связаны не логическимъ сродствомъ, а только общностью предмета цѣлаго образуемаго ими отдѣла; существуютъ въ немъ каж-

дая какъ законченное цѣлое, нисколько не теряющая отъ того, будутъ ли въ сосѣдствѣ съ нею внесены новыя статьи, или наоборотъ прежнія измѣнены или совсѣмъ исключены. — Если нужно воспользоваться для характеристики этого состоянія права сравненіемъ, то кодексъ можно уподобить хорошо устроенному складу мяснаго товара. Въ складѣ со всею аккуратностію по отдѣльнымъ полкамъ разложены разныя части животныхъ организмовъ: на одной полкѣ — только ноги, на другой — головы, на третьей — филейныя части и т. д. Такое расположеніе организмовъ, подвергшихся разсѣченію, вполнѣ удовлетворяетъ практической потребности покупателя и продавца; они безъ затрудненія отыскиваютъ на полкахъ требующуюся часть животнаго. Тутъ — своего рода система: но едва ли такою системою удовлетворится анатомъ или физіологъ.

Отдѣльныя статьи кодеса или отдѣльныя положенія права и суть въ большинствѣ такія сложныя части, такъ сказать, куски, на которые механически разсѣченъ цѣльный организмъ права.

Уже этимъ сравненіемъ отчасти разъясняется, какъ трудно иногда бываетъ понимать истинный смыслъ отдѣльныхъ статей, такъ внутренне разъединенныхъ и внѣшнимъ образомъ сгруппированныхъ въ кодексахъ. Какъ необходимъ тщательный анализъ ихъ словесный и логическій, затѣмъ проникновеніе во внутреннее ихъ сродство, сближеніе между собою самыхъ повидимому отдаленныхъ, изученіе цѣлой современной или ближайшей къ нимъ исторической эпохи, проникновеніе въ общій духъ всего общественнаго устройства, къ которому какъ внѣшнія обнаруженія, относятся тѣ или иныя статьи кодекса—это можно видѣть изъ слѣдующихъ соображеній.

Каждое отдѣльное правовое положеніе, законъ,

есть выраженіе права въ словѣ. Словесная форма должна не только точно, но и ясно передавать содержаніе, сущность извѣстнаго права, для того, чтобы они понятны были для всѣхъ, до кого правовое положеніе касается. Но если выражать точно и ясно вообще свои мысли есть уже дѣло таланта, а не дѣло, каждому доступное или по крайней мѣрѣ дающееся легко: то въ совершенствѣ выражать право, имѣющее для заинтересованныхъ въ немъ лицъ *жизненный* интересъ — есть дѣло по истинѣ требующее геніальности. Совершенная для обыкновенной мысли словесная оболочка какъ часто оказывается совершенно недостаточною для закона! Какъ часто этотъ жизненный интересъ утончаетъ человѣческую изобрѣтательность въ ненравящемся законѣ подыскать обоюдность, двусмысленность выраженій, чтобы перетолковать буквальный смыслъ его въ свою пользу! Посему, если и о законахъ, съ общей точки зрѣнія безукоризненныхъ, даже совершенныхъ, должно сказать, что они далеко не всегда гарантированы отъ перетолкованій, т. е. отъ разности ихъ пониманія: то что сказать о законахъ несовершенныхъ, носящихъ слѣды поспѣшности, иногда небрежности, тѣмъ болѣе о законахъ древнихъ, устарѣвшихъ даже относительно своей внѣшней формы (языка), и особенно о законахъ въ подлинномъ текстѣ написанныхъ на языкѣ, чуждомъ для пользующихся ими (таковыхъ множество въ церковномъ правѣ)! Какъ установить въ такихъ случаяхъ единообразный способъ толкованія закона, точный и подлинный смыслъ его?

Очевидно, не остается никакой иной возможности какъ установленіемъ между нимъ и цѣлою группою другихъ законовъ внутренней связи, указаніемъ ему опредѣленнаго отношенія и значенія въ цѣлой ихъ совокупности, обнимающей какое либо дѣйствитель-

ное отношеніе жизни. Ибо каждый законъ, по существу своему, стремится обнять какую либо сторону жизни, какое либо ея отношеніе, или дополнить, разъяснить тотъ пробѣлъ, какой оказался подъ вліяніемъ новыхъ явленій жизни въ прежде изданномъ по этому предмету законодательствѣ. «Часто для образованія правовой формы одного жизненнаго отношенія должны—говоритъ Игерингъ—совокупно дѣйствовать различныя отдѣльныя правовыя положенія: они находятъ слѣдовательно въ этой всѣмъ имъ общей цѣли свою соединительную точку и располагаются около нея какъ мускулы около кости. Выраженное такимъ образомъ въ правовой формѣ жизненное отношеніе можетъ въ свою очередь находиться въ зависимомъ отношеніи къ другому,—относиться къ нему напр. какъ его переходный моментъ, или какъ слѣдствіе, или какъ видъ къ роду. Такимъ образомъ отдѣльныя правовыя отношенія, могущія быть предметомъ отдѣльнаго правоваго обсужденія, срастаются въ еще большія систематическія единицы—*въ правовые институты*, представляющіе намъ, образно говоря, крѣпкій скелетъ права, къ которому примыкаетъ въ правовыхъ положеніяхъ все его существо.—Задача науки—изслѣдовать это сочлененіе права, найти настоящее мѣсто какъ для самаго мелкаго, такъ и для самаго крупнаго» [1].—Только этимъ путемъ достигается точное пониманіе весьма многихъ статей, или отдѣльныхъ правовыхъ положеній, въ своей изолированности часто неясныхъ, обоюдныхъ, противорѣчивыхъ.

Но этого мало. Право, стремящееся обнять самыя разнообразныя стороны общественной жизни, опре-

---

[1]) Игерингъ. Духъ Рим. права на разныхъ ступеняхъ его развитія, стр. 30—5.

дѣлить своими нормами каждое вновь нарождающееся въ ней явленіе—въ этой, такъ сказать, погонѣ за жизнію, постоянно доставляющею новыя и новыя комбинаціи,—новыя и новыя отношенія—необходимо вызываетъ и въ законодательствѣ—внѣшней формѣ его выраженія, новыя и новыя перемѣны, необходимо дѣлаетъ послѣднее столько же измѣняющимся, какъ полна измѣненій въ своихъ формахъ и самая жизнь. Но это измѣненіе въ правѣ совершается по частямъ и между тѣмъ какъ отдѣльныя его части подъ вліяніемъ требованій жизни идутъ послѣдовательно отъ перемѣны къ перемѣнѣ, другія остаются въ покоѣ, въ той первоначальной неподвижности, на какой остановились, такъ сказать, въ давно уже прошедшій моментъ. Понятно отсюда, какъ мало понятенъ будетъ старый законъ, если въ силу какихъ либо обстоятельствъ онъ снова приходитъ въ соприкосновеніе съ новымъ законодательствомъ, создавшимся подъ дѣйствіемъ новыхъ отношеній жизни. Отсюда—очень значительная часть правовыхъ положеній для своего пониманія требуетъ *историческаго* освѣщенія, воспроизведенія тѣхъ юридическихъ отношеній, при существованіи которыхъ онъ создался и при которыхъ былъ совершенно естественъ и понятенъ.

Такъ становится яснымъ, что и при существованіи удовлетворительной кодификаціи права многія изъ отдѣльныхъ статей его требуютъ *толкованій*, или интерпретаціи—*буквальной*, *логической*, *догматической и исторической*. Это комментированіе законовъ, или кодексовъ права и есть первая, хотя и низшая ступень научнаго воспроизведенія или научнаго представленія даннаго въ извѣстный моментъ положительнаго права. И дѣйствительно, долгое время юриспруденція и направляла свои усилія на такое всестороннее комментированіе кодексовъ права. Какъ римское—

юстиніаново право, такъ и каноническое, до насъ дошло съ разнообразными и обширными комментаріями.

Отдавая дань уваженія колоссальности трудовъ этого рода, нельзя однакоже сказать, чтобы результаты ихъ относительно познанія права соотвѣтствовали по своей широтѣ и глубинѣ тѣмъ изумительнымъ усиліямъ, которыя положены для пріобрѣтенія ихъ. Главный недостатокъ ихъ — въ отсутствіи самостоятельной системы: глоссаторы слѣдовали въ толкованіи законовъ тому расположенію ихъ, какое дано въ кодексѣ, т. е. хронологическому или предметному, или же располагали матеріалъ свой и комментаріи къ нему по чрезвычайно искусственной системѣ, введенной еще римскими юристами, по которой всякій юридичечкій матеріалъ располагался по тремъ категоріямъ: personae, res, actiones—лицъ, вещей и дѣйствій. Въ томъ и другомъ случаѣ не получалось въ результатѣ ни цѣльнаго представленія всего организма права, ни цѣльнаго представленія отдѣльныхъ его институтовъ.

Новая юриспруденція сдѣлала дальнѣйшій шагъ въ разработкѣ источниковъ права. Она ставитъ своею задачею изученіе и воспроизведеніе цѣльныхъ институтовъ права на основаніи его источниковъ, восполняетъ пробѣлы, образуемые ими, помощію другихъ источниковъ и стремится привести отдѣльные институты въ органическую связь, такъ чтобы образуемая такимъ образомъ система права представляла собою цѣлый связный организмъ институтовъ его. Какъ было высказываемо ранѣе, отдѣльныя правовыя положенія только совокупностію своею обнимаютъ извѣстное отношеніе дѣйствительной жизни и въ этомъ свойствѣ, будучи приведены въ связь между собою, образуютъ соотвѣтствующій этому жизненному отношенію пра-

вовой институтъ. Задача научнаго анализа подмѣтить и выдѣлить въ группѣ правовыхъ положеній основные элементы, превратить ихъ въ понятія съ опредѣленіемъ существенныхъ и второстепенныхъ ихъ признаковъ; «правовыя положенія отбрасываютъ свою форму повелѣній и запрещеній и превращаются въ элементы и качества правовыхъ институтовъ. Такъ выработываются изъ нихъ понятія институтовъ, сущность правовыхъ дѣйствій, свойства лицъ, вещей, правъ, подраздѣленій всякого рода. Это преобразованіе правовыхъ положеній въ правовыя понятія рѣзко отличаетъ научное изложеніе права отъ его изложенія въ кодексѣ. Законодатель можетъ ограничиться выраженіемъ своихъ требованій въ ихъ первоначальной непосредственной практической формѣ, наука же имѣетъ задачею не только привести въ порядокъ и объяснить ихъ, но и распредѣлить ихъ по логическимъ моментамъ системы. Законодатель даетъ намъ, такъ сказать, составныя тѣла, которыя его интересуютъ только со стороны ихъ непосредственной годности къ употребленію, наука же, наоборотъ, предпринимаетъ ихъ анализъ и разлагаетъ ихъ на простыя тѣла. При этомъ оказывается, что многія видимо различныя правовыя положенія составлены изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, слѣдов. могутъ быть взаимно замѣняемы, или что одно отличается отъ другого однимъ только моментомъ, такъ что вмѣсто него достаточно указать только на этотъ моментъ, что нѣкоторыя правовыя положенія состоятъ изъ совершенно различныхъ простыхъ идейныхъ элементовъ и слѣдов., наоборотъ, могутъ получиться сами собою чрезъ соединеніе этихъ элементовъ. Такимъ образомъ, только анализъ правовыхъ положеній приводитъ къ познанію истинной природы права и его результатомъ является то, что наука получаетъ вмѣсто безконеч-

наго множества разнообразныхъ правовыхъ положеній обозрѣваемое количество простыхъ, изъ которыхъ она по востребованію можетъ возсоздать вновь отдѣльныя правовыя положенія. Но польза не ограничивается только этимъ упрощеніемъ; выработанныя понятія являются не простыми разложеніями данныхъ правовыхъ положеній, изъ которыхъ всегда могутъ быть возстановлены только эти послѣднія: еще большая выгода заключается въ пріобрѣтенной чрезъ это возможности *приращенія* права изъ самого себя, роста его извнутри. Чрезъ комбинацію различныхъ элементовъ наука можетъ образовать новыя понятія и новыя правовыя положенія: понятія производительны; они совокупляются и производятъ новыя. Правовыя положенія не имѣютъ этой оплодотворяющей силы; они, какъ есть, такъ и остаются сами собой, пока не приведены будутъ къ своимъ простымъ составнымъ элементамъ и не вступятъ чрезъ это въ родственныя отношенія съ другими, какъ въ восходящей, такъ и въ нисходящей линіи, т. е. пока не откроютъ своего происхожденія отъ другихъ понятій и съ своей стороны сами не получатъ возможности производить новыя.

Таково вліяніе, оказываемое анализомъ и систематизаціею правовыхъ положеній на самое право; его можно обозначить однимъ словомъ, какъ возвышеніе правовыхъ положеній на степень логическихъ моментовъ системы. Но и для жизни эта операція имѣетъ величайшее значеніе; она намъ предлагаетъ, если можно такъ выразиться, простые реагенты для безконечно сложныхъ частныхъ случаевъ жизни. Кто хотѣлъ бы разрѣшать послѣдніе только съ помощью правовыхъ положеній, тотъ постоянно находился бы въ затрудненіи, потому что комбинаціонное искусство жизни такъ неисчерпаемо, что богатѣйшая казуистика

уложенія покажется жалкою въ сравненіи съ ея вѣчно новыми случаями. Напротивъ, при помощи тѣхъ немногихъ реагентовъ разрѣшаемъ мы каждый случай. Еще ближе будетъ назвать это систематическое или логическое строеніе права его *азбукой*. Отношеніе казуистически составленнаго кодекса къ праву, приведенному къ его логической формѣ. подобно отношенію письменнаго китайскаго языка къ нашему. Китайцы имѣютъ для каждаго понятія свой особенный знакъ; человѣческой жизни едва достаточно для ихъ изученія, и новыя понятія требуютъ у нихъ прежде всего установленія своихъ особенныхъ знаковъ. Мы же, напротивъ, имѣемъ небольшую азбуку, посредствомъ которой можемъ разложить и сложить каждое слово, легкую для изученія и никогда не ставящую насъ въ затрудненіе. Точно также и казуистическое уложеніе содержитъ множество знаковъ для опредѣленныхъ отдѣльныхъ случаевъ; напротивъ, право, приведенное къ своимъ логическимъ моментамъ, представляетъ намъ азбуку права, посредствомъ которой мы можемъ разобрать и изобразить всѣ, даже небывалыя словообразованія жизни» [1]).

Такъ изображаетъ задачу науки права новѣйшая юриспруденція. Вообще эта задача дѣлится на двѣ главныя части: историческую, тщательное изслѣдованіе и приведеніе въ порядокъ источниковъ права: ибо они—базисъ всей науки о правѣ, и систематическое или логическое построеніе его. Въ отношеніи къ каноническому праву Русской Церкви обѣ части общей задачи науки одинаково важны, ибо, что касается источниковъ ея, то при ихъ чрезвычайномъ разнообразіи и множествѣ безъ содѣйствія науки положительно невозможно оріентироваться. Причина этого разнообразія

---

[1]) Игерингъ. Цитов. кн. стр. 30—35.

и множества кроется въ особенныхъ историческихъ отношеніяхъ нашей Православной Церкви.

Будучи отъ начала по существу своему Церковію православно-восточною, Церковь Русская долгое время находилась подъ сильнымъ вліяніемъ помѣстной константинопольской или Византійской церкви и въ своемъ устройствѣ, своей дисциплинѣ и управленіи пользовалась и правомъ, разработывавшимся на соборахъ этой помѣстной церкви.—Въ тоже время Церковь Русская должна была получать опредѣленіе своего государственнаго положенія отъ князей и царей древней Руси; затѣмъ, освободившись отъ вліянія Константинопольской церкви, ставъ самоуправляющеюся, автокефальною, Русская Церковь, въ силу особеннаго положенія своего государственной Церкви, въ новый періодъ своей исторіи образовала особое, весьма обширное право въ такъ называемомъ синодальномъ законодательствѣ. Такимъ образомъ источники права ея, во всемъ ихъ объемѣ и полнотѣ, должны допустить слѣдующее подраздѣленіе: 1, основные каноническіе источники, содержащіе право древней Восточной Церкви, т. е. ея устройство, основныя начала дисциплины; 2, историческіе каноническіе источники, содержащіе право помѣстной Константинопольской Церкви, имѣвшіе сильное вліяніе на управленіе древне-русской Церкви; 3, источники историческіе церковнаго и государственнаго права древней Руси; 4, синодальное государственное законодательство новаго времени, представляющее дѣйствующее право Русской государственной Церкви.

Тѣмъ важнѣе и труднѣе вторая часть общей задачи науки церковнаго права—научная систематизація его: ибо задача ея—построеніе теоріи права на точномъ изученіи *всѣхъ этихъ источниковъ*, Только при этомъ условіи возможно точное и вѣрное воспроиз-

веденіе права и осуществимо требованіе новѣйшей юриспруденціи, что каждое право должно имѣть свою систему, что послѣдняя должна быть извлекаема изъ него самого, а не привносима въ него совнѣ. «Ибо въ противномъ случаѣ она является чуждой самому предмету логикой образца, въ который его насильно втискиваютъ, сѣтью, въ которую точно также могли бы втиснуть и каждое другое право, — элементомъ, болѣе затрудняющимъ, чѣмъ облегчающимъ пониманіе строенія индивидуальнаго предмета. Система однозначуща съ внутреннимъ устройствомъ предмета и потому всегда вполнѣ индивидуальна: одному праву свойственна одна система, другому другая» [1]).

---

[1]) Іерингъ, Цитов. книга.